

ISSN 2687-0126

PROFESSIONAL DISCOURSE & COMMUNICATION

**Дискурс
профессиональной
коммуникации**

VOLUME 7 ISSUE 2
2025

Editor-in-Chief

Dmitry S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board

Biljana Marić

University of Belgrade, Serbia

Aleksandra G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Igor V. Chekulay

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russia

Seda K. Gasparyan

Yerevan State University, Armenia

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Dragana Popovic

University of Novi Sad, Serbia

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, USA

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Liu Ruomei

Beijing Foreign Studies University, China

Viktoria L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Elena N. Malyuga

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Arto Mustajoki

The University of Helsinki, Finland

Evgeniya V. Ponomarenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Enrique F. Quero-Gervilla

The University of Granada, Spain

Galina V. Sinekopova

Eastern Washington University, USA

Ali Dabbagh

Gonbad Kavous University, Iran

Geoffrey M. Maroko

Machakos University, Kenya

Anna Wing Bo Tso

The Hang Seng University of Hong Kong

Yau Ni Jenny Wan

Hong Kong Shue Yan University (HKSYU), Hong Kong, China

The Founder: MGIMO University

Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Professional Discourse & Communication is an international, peer-reviewed quarterly journal dedicated to discussing various theoretical and applied problems of professional communication. Its articles provide researchers and practitioners with the most up-to-date, comprehensive and important research, paying specific attention to modern linguistic approaches to professional discourse as well as practical aspects of teaching methodology as related to the language of particular professional spheres.

PDC specifically addresses readers in any field of professional communication (business, legal, diplomatic, economic, political, academic, medical, art and any other professional sphere) who are interested in qualitative discourse analytical approaches, on the one hand, and scholars who are interested in issues of professional communication (discourse studies, functional linguistics, pragmatics, semiotics, rhetoric, linguosynergetics, sociolinguistics, cognitive linguistics, stylistics, cross-cultural communication, cultural studies, country studies, second language acquisition and teaching methodology, and related fields), on the other hand.

ISSN 2687-0126

Website: <https://pdc-journal.com>

Главный редактор

Храмченко Дмитрий Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России

Редакционная коллегия

Биляна Мариц

доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, филологический факультет, Белградский университет, Сербия

Анисимова Александра Григорьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания, Московский университет имени М.В. Ломоносова

Гаспарян Седа Керобовна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, Ереванский государственный университет, Армения

Дженни Ван

PhD, доцент кафедры английского языка и литературы, Гонконгский университет Сюянь, Китай

Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, профессор кафедры «Английский язык в сфере филологии и искусств», Санкт-Петербургский государственный университет.

Клюканов Игорь Энгелевич

доктор филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США

Красовская Нелли Александровна

доктор филологических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Куеро-Гервилья Энрике Ф.

PhD, декан факультета перевода Университета Гранады, Испания

Лю Жомэй

доктор филологических наук, иностранный член Российской академии естественных наук, профессор Пекинского университета иностранных языков

Малахова Виктория Леонидовна

доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка №4, МГИМО МИД России

Малюга Елена Николаевна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов

Мустайоки Арто

PhD, декан Гуманитарного факультета, Хельсинки университет, Финляндия

Пономаренко Евгения Витальевна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Синекопова Галина Васильевна	кандидат филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США
Драгана Попович	доктор филологических наук, доцент кафедры славистики, философский факультет, Новисадский университет, Сербия
Чекулай Игорь Владимирович	доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Чеснокова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов
Али Даббаг	PhD, доцент кафедры иностранных языков, Университет Гомбеде-Кавус, Иран
Джеффри Мароко	PhD, профессор прикладной лингвистики, Университет Мачакоса, Кения
Анна Тцо	PhD, профессор, заведующий кафедрой английского языка, Хэнг Сэн университет Гонконга

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

«Дискурс профессиональной коммуникации» - международный рецензируемый электронный научный журнал, издающийся с периодичностью 4 раза в год. Журнал публикует статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и теоретических исследований в области профессиональной коммуникации. Основное направление журнала - современные подходы к изучению лингвистических аспектов профессионального дискурса и практических вопросов преподавания языка конкретных профессий.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-76677 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки) и 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN 2687-0126

Официальный сайт журнала: <https://pdc-journal.com>

Contents

Introduction to Volume 7 Issue 2	7
Editor-in-Chief Dmitry S. Khramchenko	
Original article	
O.I. Moskalskaya’s Legacy in Complex Sentence Theory: Development and Impact in Russian German Studies	9
by Olga A. Kostrova	
The Evolution of Key Terms in Russian and German Personality Research Tradition	33
by Ekaterina D. Kuznetsova	
Pragmatic Strategies in Medical Encounters with Mental Health Patients in Nigeria	51
by Bolanle Idowu Akeredolu-Ale, Ayo Osisanwo, Emmanuel Chinaguh	
Linguistic Means of Polarization Tactics in American Political Discourse: Analyzing Trump-Biden Electoral Debates	73
by Yaroslav Yu. Khlopotunov	
Polysemy of Coloronyms “White” and “Black” in Proverbs and Sayings of the Russian and German Languages	93
by Natalia A. Krupnova	

Содержание

Слово главного редактора	7
Храмченко Д.С.	
Оригинальные статьи	
Теория сложноподчиненного предложения в научном наследии О. И. Москальской и ее развитие в современной российской германистике	9
Кострова О.А.	
Эволюция понятийной сферы лингвоперсонологии в российском и немецком научном дискурсе	33
Кузнецова Е.Д.	
Прагматические стратегии речевого взаимодействия врачей и пациентов с психическими расстройствами в Нигерии	51
Боланле Идову Акередолу-Але, Айо Осисанво, Эммануэль Чинагу	
Языковые средства реализации тактики поляризации в американском предвыборном дискурсе (на примере дебатов Д. Трампа и Дж. Байдена)	73
Хлопотунов Я.Ю.	
Полисемия колоронимов «белый» и «черный» в пословицах и поговорках русского и немецкого языков	93
Крупнова Н.А.	

INTRODUCTION TO VOLUME 7 ISSUE 2

Dmitry S. Khramchenko, Editor-in-Chief

Welcome to Volume 7, Issue 2 of “*Professional Discourse & Communication*,” a platform that brings together researchers in different areas of inquiry with a focus on the language and speech of professional and institutional interaction. In any professional communicative situation, language is always more than a medium of exchange, being a precision instrument. Its effective deployment builds understanding and advances knowledge. By the same token, its imprecise or manipulative use can sow division and obstruct progress. The articles gathered in this issue examine the function of language in high-stakes professional areas, demonstrating how communicative success or failure hinges on a command of its structural, functional, pragmatic, and cultural aspects.

Volume 7, Issue 2 features research by authors from Russia and Nigeria, arranged to guide the reader from the foundational elements of communication to their application in specific professional spheres, and finally to the cultural substratum that undergirds all human verbal interactions. The articles cover a broad spectrum of professional discourses, e.g., academic and scientific communication, medical and clinical discourse, political and electoral sphere, as well as intercultural exchange, while exploring an array of problematic areas of study including the syntactic theory, the evolution of specialized terminology, doctor-patient interactions in mental healthcare, deconstruction of rhetorical strategies and political polarization used in American presidential debates, symbolic and cultural meanings embedded in language that can affect professional cooperation between different linguistic communities.

We begin with two studies that explore the very architecture of professional linguistic expression: the grammar of the sentence and the terminology of a discipline.

The opening article “*O.I. Moskalskaya’s Legacy in Complex Sentence Theory: Development and Impact in Russian German Studies*” by Olga Kostrova starts with a return to first principles. The author provides a meticulous examination of Olga Moskalskaya’s foundational work on the German complex sentence, arguing that these theories are not mere historical artifacts but remain essential for achieving clarity in technical and diplomatic communication. The article reminds us that command over syntactic structures is a prerequisite for coherent and unambiguous professional expression.

Moving from the sentence to the lexicon of a discipline, Ekaterina Kuznetsova’s “*The Evolution of Key Terms in Russian and German Personality Research Tradition*” addresses a critical aspect of communication among professionals. Her comparative analysis of the terminology in linguistic personality studies in Russia and Germany exposes the conceptual divergences that can impede scientific dialogue. Together, the first two articles of this issue make a powerful claim: the integrity of professional communication rests on a shared understanding of its fundamental components, from the syntax of an utterance to the terms that define a whole field.

From these foundations, we move to language in action, presenting two case studies of professional discourse with starkly contrasting objectives. In “*Pragmatic Strategies in Medical Encounters with Mental Health Patients in Nigeria*,” Bolanle Idowu Akeredo-

lu-Ale, Ayo Osisanwo, and Emmanuel Chinaguh offer a compelling analysis of doctor-patient communication in a critical, under-resourced situation. Their work identifies specific pragmatic acts, e.g., counseling, interjectory, suggesting, inquiring, re-assessing, and assuring, which are indispensable clinical methods of building rapport, aiding diagnosis, encouraging contact, and reinforcing therapeutic trust. Here, we see language in its healing capacity, where pragmatic sensitivity directly contributes to positive results for patients.

In sharp opposition, Yaroslav Khlopotunov's *"Linguistic Means of Polarization Tactics in American Political Discourse"* examines a specific professional area where language is strategically weaponized to bring about a socio-political divide. Analyzing the electoral debates between Donald Trump and Joseph Biden, the author deconstructs the cognitive-discursive mechanics of political polarization, revealing how deictic markers and axiological language are marshaled to construct an unavoidable "us vs. them" dichotomy. This study serves as a crucial examination of the manipulative side of language in the political sphere, where the professional goal of persuasion can eclipse the ideal of transparent communication, with serious consequences for public discourse and the state of democracy.

Finally, bridging the gap between explicit discourse strategies and implicit cultural knowledge, Natalia Krupnova's *"Polysemy of Coloronyms 'White' and 'Black' in Proverbs and Sayings of the Russian and German Languages"* takes us into the underlying cultural connotations that charge lexemes. By comparing the symbolic meanings of "white" and "black" in Russian and German paremiology, the author demonstrates how divergent cultural frameworks can lead to significant misunderstandings, even when surface-level communication seems clear. This exploration is an important caution for any professional operating on an international scale: technical fluency may very often be insufficient without an appreciation for the cultural "deep structure" that assigns meaning and value.

Collectively, the articles in Volume 7, Issue 2 deal with several key themes central to the linguistics of professional communication. A primary theme is the tension between precision and manipulation. The contributions from Olga Kostrova, Ekaterina Kuznetsova, and Bolanle Idowu Akeredolu-Ale et al. put focus on clarity and shared understanding as a professional ideal. At the same time, Yaroslav Khlopotunov's work illustrates how the same linguistic systems can be deliberately bent toward obfuscation and communicative confrontation. Another central theme is the significance of structure, showing how syntactic forms, terminological systems, pragmatic patterns, and speech tactics are not neutral containers or semantics providers but actively construct meaning and determine social phenomena. Finally, the theme of cultural and contextual specificity runs through each article in this issue, demonstrating that professional communication is never generic but is always situated as part of specific vocational, institutional, national, and cultural frames.

We would like to express our gratitude to the authors who have contributed to this issue, as well as to the reviewers who have generously given their time and expertise to help maintain the high standards of the journal. We hope that readers will find the selected articles to be thought-provoking and engaging, and we look forward to receiving your feedback and suggestions for future issues. Thank you for your continued support of *"Professional Discourse & Communication."*

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-9-32>

ТЕОРИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ О. И. МОСКАЛЬСКОЙ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ

О.А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический университет

(Самара, Россия)

Olga_kostrova@pgsga.ru

Аннотация: В статье впервые анализируются теоретические аспекты сложноподчиненного предложения (СПП), представленные в трудах О. И. Москальской, и их развитие в современной российской германистике. Цель статьи – восполнить пробел в истории германистики, проследив раздел научного творчества О. И. Москальской, выпавший из поля зрения лингвистов, – раздел, посвященный теории СПП. Материал исследования составляют фундаментальные труды отечественных и зарубежных германистов, предшествующие исследованиям О. И. Москальской, работы, освещающие ее научное наследие, ее собственные теоретические труды и развитие заложенных в них идей относительно СПП. В качестве иллюстративного материала использовались корпусные данные Цифрового словаря немецкого языка (DWDS), которые позволили подтвердить валидность моделей СПП, приведенных О. И. Москальской, показать их востребованность в современном немецком языке на основе анализа их частотности. Материалом анализа послужила также направленная выборка из романов известных современных немецких писателей Мартина Вальзера и Бернхарда Шлинка, которая позволила показать функционирование СПП в тексте. Методы исследования охватывают анализ основного, применяемого О. И. Москальской, метода моделирования СПП, методы эмпирического анализа иллюстративного материала – сопоставление идей О. И. Москальской с предыдущими и последующими работами, статистический, трансформационный методы и метод направленной выборки. Основные результаты исследования, составляющие его новизну, заключаются в следующем. Впервые систематизированы теоретические положения О. И. Москальской о сложном предложении и его функциях в тексте; показана релевантность этой теории, касающаяся восприятия СПП как цельной языковой единицы и его аранжировки в тексте. Впервые систематизированы работы отечественных лингвистов, развивающие положения, заложенные в трудах О. И. Москальской. Развитие идей, относительно СПП, происходило в двух направлениях. С одной стороны, перешло на новый уровень исследование проблемы цельности СПП. С другой стороны, продолжается изучение функций СПП в тексте и дискурсе. Полученные данные не только подчеркивают неисчерпаемость научного наследия О. И. Москальской, но и имеют важное значение для понимания механизмов выстраивания эффективной профессиональной коммуникации на немецком языке, поскольку корректное использование СПП является ключевым фактором ясности изложения в академической, деловой и технической сферах.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, О.И. Москальская, синтаксис немецкого языка, российская германистика, история лингвистики.

Для цитирования: Кострова, О.А. (2025). Теория сложноподчиненного предложения в научном наследии О. И. Москальской и ее развитие в современной российской германистике. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 7(2), 9–32. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-9-32>

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения научного наследия отечественных германистов представляется чрезвычайно актуальной, поскольку она входит составной частью в более общую проблему поддержания отечественной культурной традиции. Особую значимость приобретает изучение языковых процессов, с помощью которых строится коммуникация, столь необходимая в работе дипломатического корпуса. Актуальность изучения сложноподчиненных предложений в немецкоязычном профессиональном общении обусловлена возрастающей ролью эффективной межкультурной и межнациональной коммуникации в современном мире. В таких сферах, как международный бизнес, дипломатия, научное сотрудничество и технический перевод, ясность и точность вербализации мысли играют критически важную роль. Непонимание или некорректная интерпретация сложно структурированных высказываний, часто оформленных в виде сложноподчиненных предложений, может привести к серьезным ошибкам в профессиональной деятельности, финансовым потерям или даже международным конфликтам. В связи с этим, изучение механизмов функционирования СПП и их адекватное использование в профессиональной коммуникативной сфере становится важнейшим профессиональным навыком.

К сфере коммуникации, ее структурирования и понимания относится и научное наследие классика отечественной германистики Ольги Ивановны Москальской, которое было предметом обсуждения на научных конференциях, имеющих подзаголовки «Nove et nova» в Московском лингвистическом университете. Обращение к трудам О. И. Москальской представляет особый интерес, поскольку Ольга Ивановна как автор академических трудов, по свидетельству Н. С. Бабенко, выпала из поля зрения составителей авторитетных энциклопедий, посвященных выдающимся германистам (Бабенко, 2015, с. 271). Участие в коллективных академических изданиях, посвященных фундаментальным проблемам развития германских языков, несомненно, повлияло на формирование ее творческой концепции, изложенной, в силу ее педагогической деятельности, в учебниках и учебных пособиях. В советское время господствовало разделение академической и вузовской науки и последней отводилась, по сути, прикладная роль. Это привело к тому, что выдающиеся заслуги О. И. Москальской при ее жизни не были оценены по достоинству. Это относится и к теории сложноподчиненного предложения, которая не была изложена автором в отдельной работе и не получила широкого распространения в среде германистов. По итогам упомянутых конференций опубликована статья Д. О. Добровольского (2015), в которой анализируется вклад О. И. Москальской в развитие отечественной лексикографии. Роль О. И. Москальской в становлении школы кафедры грамматики и истории немецкого языка и канона современного грамматического

описания рассматривалась в работах Ю. М. Казанцевой (2019, с. 7-12; 2022, с. 87-110). Творческое наследие О. И. Москальской в области сложноподчиненного предложения (далее СПП) в настоящей статье анализируется впервые.

Цель статьи – восполнить пробел в истории германистики, проследив раздел научного творчества О. И. Москальской, посвященный теории СПП. В плане профессиональной коммуникации важным представляется систематизация основных идей выдающегося германиста в сфере структурирования мысли с помощью СПП, не потерявших актуальность и в настоящее время. Задача статьи – выявить тенденции в развитии релевантных положений О. И. Москальской, касающихся сущности СПП, возможностей его моделирования и сфер функционирования, в современной германистике, что может дать новый импульс теоретическому осмыслению сложного предложения не только в немецком, но и в других европейских языках.

В статье содержится анализ теоретических источников исследования, которые одновременно составляют, в соответствии с заявленной целью, материал настоящей статьи, поэтому в Разделе 2 приводится только краткий обзор работ, посвященных оценке отдельных аспектов наследия О. И. Москальской, и трудов самой Ольги Ивановны, тогда как анализ работ современных авторов, развивающих ее идеи, проводится в Разделе 4, где излагаются результаты исследования и их обсуждение. В Разделе 3 характеризуется материал и методы исследования. В Заключение формулируются основные результаты исследования, их значение в теоретическом и практическом планах и возможности дальнейшей разработки темы.

2. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специальных работ, посвященных анализу творческого наследия О. И. Москальской, как отмечено выше, не так много. Идеи Ольги Ивановны, касающиеся структурирования текста, представлены в монографии М. Н. Левченко и коллективной монографии под ее редакцией (Левченко, 2003; Левченко и др., 2013). Что касается собственно синтаксической теории, изложенной в работах О. И. Москальской, то она получила освещение в докладе О. А. Костровой (2024), который лег в основу настоящей статьи, и докладе А. В. Авериной (2024), в котором автор отмечает ее плодотворность, что находит подтверждение в современных теориях (см. ниже). Выскажем свои соображения о роли исследований О. И. Москальской в развитии теории синтаксиса как такового и теории СПП как его части.

Если посмотреть на научное наследие О. И. Москальской, можно поразиться ее научной прозорливости, которая становится особенно ясной при ретроспективном рассмотрении. Ольга Ивановна воспринимала и развивала в своих трудах продуктивные научные идеи, которые с течением времени становились мейнстримом. Это относится, прежде всего, к пониманию важности системного подхода при описании сущности языковых единиц. Ее монография «Проблемы системного описания синтаксиса» увидела свет в 1974 г., и это была одна из первых работ, выполненных на материале немецкого языка, в которой излагались новые для того времени принципы системного описания предложения, теория моделирования предложения, отражающая понимание этой языковой единицы в единстве аспектов ее рассмотрения: структуры, семантики, парадигматики, синонимии и включения в текст. Все сказанное относится и к проблематике сложного предложения, поскольку, как пишет

в предисловии к своей книге автор, оно «сохраняет при весьма усложненной и своеобразной структуре все основные формальные и функциональные характеристики предложения как такового» (Москальская, 1974, с. 5).

В трудах О. И. Москальской (1981; 1983) на материале системного описания простого предложения рассматриваются важные теоретические аспекты исследования СПП, а именно, ее видение и методы исследования этого языкового феномена. Многие теоретические положения, сформулированные О. И. Москальской относительно СПП, сохраняют актуальность до настоящего времени и имеют перспективы развития.

Теоретическая значимость исследования СПП О. И. Москальской становится очевидной при сопоставлении ее работ с имевшимися на тот момент описаниями семантики и структуры СПП и методов его анализа. Речь идет о появившейся в 1971 г. монографии Е. В. Гулыги (Гулыга, 1971), в которой представлена структурно-семантическая классификация СПП. Моделирование СПП проводится Е. В. Гулыгой по принципу структурно-семантической организации главного и придаточного предложений. В качестве основного признака того и другого рассматривается степень семантической самостоятельности: синсемантии или потенциальной автосемантии. По этому признаку выделяются два основных и один переходный тип СПП. Ни в коей мере не умаляя заслуг Е. В. Гулыги, идеи которой подхвачены многими лингвистами, следует, однако, сказать, что в ее классификации в двух основных типах главное и придаточное предложения рассматриваются по сути автономно; тип связи между ними в должной мере не учитывается. Понятия авто- и синсемантии, основополагающие для характеристики СПП в монографии Е.В. Гулыги, требуют, с точки зрения О. И. Москальской, дополнительного исследования. По ее мнению, с которым трудно не согласиться, все компоненты СПП, включая главное предложение, обладают признаком синсемантии, поскольку они содержательно зависят друг от друга, что особенно наглядно проявляется в СПП с придаточными субъектными и предикативными (Москальская, 1983, с. 298). О. И. Москальская считает синтаксическое отношение между составляющими компонентами СПП его основополагающим признаком, определяющим его внутреннюю организацию. Она не принимает на веру традиционный подход, реализуемый в современных грамматиках, при котором единственным типом отношения между главным и придаточным предложением считается *подчинение* (*Subordination, Abhängigkeit, Einbettung*) (Paul, 1957, p. 170; Erben, 1966, pp. 182-192; Hartung, 1986, p. 79; Glück, 1993, p. 613; Engel, 1996, pp. 240-241; Jung, 1968, p. 20; Zifonun et al., 1997, p. 2235; Гулыга, 1971; Адмони, 1973, с. 315; Dürscheid, 2012, p. 57 и др.). Позиция О. И. Москальской состоит в том, что основные типы придаточных предложений соответствуют определенному члену главного предложения; отсюда понятно, почему она называет придаточные предложения *Gliedsätze*. Официально принятого русского перевода этого термина не существует, он переводится как «придаточное предложение», хотя в дословном переводе – это «предложение, представляющее член предложения». В качестве доказательства подчиненности придаточного Ольга Ивановна приводит трансформации развертывания члена главного предложения в придаточное и трансформации редукции (свертывания) придаточного предложения до члена главного предложения (Москальская, 1983, с. 301-302). Тем самым подчинение понимается О. И. Москальской как однонаправленный процесс, реализуемый в СПП с придаточными объектными и обстоятельственными. По-иному реализуются отношения между главным и придаточным предложениями в СПП с придаточными субъектными и предикативными: они расцениваются как соподчинение (*Zuordnung*) (Там же, с. 314), поскольку в главных предложениях СПП

этого типа отсутствует один главный член – подлежащее или сказуемое. Вследствие этого они могут быть названы предложениями только в единстве с придаточными, восполняющими отсутствующие главные члены; соответственно, отношение между этими компонентами СПП аналогично отношению между подлежащим и сказуемым простого предложения, т.е. является соподчинением. Таким образом, автор выделяет две гипермодели СПП и приводит их формульную запись: с соподчинением компонентов и подчинением придаточного главному. Третью гипермодель образуют СПП с придаточными атрибутивными, которые подчиняются не всему главному предложению, а его субстантивному члену.

Блок моделей с соподчинением получает вид, который показывает непредложенческий характер компонента, называемого главным предложением: СПП с придаточным субъектным записывается как ((S-P) – P), СПП с придаточным предикативным как (S ist (S – P)) (если модернизировать, то как (S cop. (S – P))). Формульная запись блока моделей с соподчинением наглядно показывает непредложенческий характер главных предложений.

Блок моделей с подчинением состоит из моделей СПП с придаточным объектным и придаточным обстоятельственным, которые различаются семантикой предиката в главном предложении: в первом случае предикат выражен объектным глаголом, во втором случае это не обязательно. Тем самым возрастает информативность моделей, ср.:

$$(S - P_{\text{obj.}} (S - P)) \quad (S - P (S - P))$$

На материале придаточных атрибутивных в виде символов показывается варьирование их зависимости от разных членов главного предложения (Москальская, 1983, с. 322). Блок моделей с атрибутивными придаточными в формульном представлении:

$$(S_{\text{subst.}} (S - P) - P) \quad (S - P - O_{\text{subst.}} (S - P))$$

Предложенная О. И. Москальской концепция представляется логичной, но, к сожалению, она не была подхвачена германистами, хотя, несомненно, имеет перспективы развития. На наш взгляд, здесь возникает вопрос об отношении между компонентами условного периода, в котором условие и следствие не могут существовать одно без другого. Возникает вопрос: может быть, здесь тоже имеет место соподчинение? Чтобы ответить на этот вопрос, требуются аргументы «за» и «против».

Несомненной заслугой О. И. Москальской является то, что ее труды имеют открытый характер. Она активно анализирует и цитирует предшествующие работы, высказывая свое отношение к ним и перенимая то, что соответствует ее концепции. Из концепции В. Г. Адмони (Адмони, 1973, с. 18) О. И. Москальская восприняла принципиальное для нее понятие цельного предложения, считая таковым СПП.

Обладая широким лингвистическим кругозором, О. И. Москальская знакомила отечественных лингвистов с понятиями и достижениями западных германистов. В ее грамматике цитируются новые для того времени работы, например, монография В. Хартунга о сложном предложении. Монография знакомит нас с такими понятиями, как например, *Trägersatz* (дословно: *несущее предложение*) или *Einbettung* (вложение, включение). Оба понятия и обозначающие их термины были введены в генеративной грамматике и получили распространение в немецкой германистике. В лексиконе Г. Глюка *Trägersatz* рассматривается как *Matrixsatz*, а *Einbettung* – соответствие англ. *embedding* – определяется как “*die syntaktische*

Relation zwischen einem Satz, der in nicht-koordinierter Weise innerhalb eines anderen Satzes, der als Matrixsatz bezeichnet wird, auftritt” (Glück, 1993, S. 158), то есть «синтаксическое отношение предложения, выступающего в составе другого предложения, называемого матричным, к этому последнему без согласования с ним» (перевод наш – О.К.). Ученый из ГДР В. Хартунг в монографии, выполненной в русле генеративной грамматики и впервые опубликованной в 1967 г. (Hartung, 1967), проверяет с помощью трансформаций различные возможности включения в сложное предложение коррелятов, наречий, модальных слов. Термин *Trägersatz* обозначает компонент СПП, в который включается придаточное предложение; мы называем его главным или матричным.

Размышляя о сущности субъектно-предикатной структуры СПП, О. И. Москальская принимает точку зрения В. Хартунга, который не без оснований считает, что структура сама по себе – это еще не предложение, а репрезентация положения дел в форме предложения (*eine satzmäßige Repräsentation von Sachverhalten*) (Москальская, 1983, с. 300). Тем самым О. И. Москальская, соглашаясь с Хартунгом, предугадывает значимость понятия «репрезентация» для современной лингвистики, в которой репрезентация наряду с коммуникацией признается важнейшей адаптивной функцией языка (Givon, 2009, p.21).

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

3.1. Материал исследования

3.1.1. Теоретические работы

Материал исследования составляют теоретические работы отечественных и зарубежных германистов, в которых освещаются проблемы СПП. В этом подразделе проанализированы монографии и учебники самой О. И. Москальской (Москальская, 1974; 1981; 1983; Moskalskaja, 1977), что позволило систематизировать фрагменты, посвященные СПП, содержащиеся в этих трудах и не оформленные отдельным изданием. Чтобы показать новизну подхода О. И. Москальской, необходимо было проанализировать теоретические основы анализа СПП, опубликованные до выхода в свет ее работ, что повлекло за собой включение в качестве исследовательского материала фундаментальных трудов отечественных и зарубежных германистов (Адмони, 1973; Гулыга, 1971; Erben, 1966; Hartung, 1967; Jung, 1968; Paul, 1957). Развитие идей О. И. Москальской прослеживалось на материале диссертаций, монографий и отдельных статей, появившихся в конце XX и первой четверти XXI в. (Бурдаева, 2023; Виноградова, 2016; Гундарева, Кострова, 2005; Кострова, 1992; Dürscheid, 2012; Engel, 1996; Zifonun et al., 1997; и др.).

3.1.2. Эмпирический иллюстративный материал

Для иллюстрации теории СПП О. И. Москальской и развиваемых положений этой теории в современной германистике использовались корпусные данные Цифрового словаря немецкого языка (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.), которые позволили, с одной стороны, подтвердить валидность моделей СПП, приведенных выше, а с другой стороны, показать востребованность тех или иных моделей в современном немецком языке на основе анализа их частотности. Материалом анализа послужила также направленная выборка из романов известных современных немецких писателей Франца Карла Вайскопфа, Мартина Вальзера и Бернхарда Шлинка (Weiskopf, 1980; Walser, 1998; Schlink, 2019), которая позволила показать функционирование СПП в тексте.

3.2. Методы исследования

3.2.1. Анализ методов исследования СПП О.И. Москальской

Методы исследования СПП О. И. Москальской анализируются в сопоставлении с теми методами, которые были представлены в германистике на тот момент. В качестве основного метода исследования СПП О.И. Москальская использует моделирование, представляя структурные гипермодели СПП. Вариативность моделей определяется не столько позицией придаточного предложения по отношению к главному, как в монографии Е. В. Гулыги (Гулыга, 1971, с. 77-82), сколько семантическим содержанием главной и придаточной частей и их структурным оформлением (Москальская, 1983, с. 317-318). Новым в процессе моделирования является также представление гипермоделей в обобщенном формульном виде. Это, как может показаться, не формальный момент, а перевод анализа СПП на более высокий уровень обобщения, расширяющий информативные возможности интерпретации языковых единиц. Метод моделирования предложения, как простого, так и сложного, широко используется в современных исследованиях.

Чрезвычайно перспективной оказалась постановка проблемы аранжировки предложений в тексте, связанной, по мнению О. И. Москальской, с коммуникативным членением СПП, изучение которого в то время только начиналось. О. И. Москальская рассматривает взаимодействие в тексте простых и сложных предложений и ставит задачу исследования функции последних в развитии сюжета, сравнивая эти функции с функциями синтаксически осложненных структур в рамках простого предложения (Москальская, 1981, с. 158-162). Эту задачу на настоящий момент нельзя считать выполненной.

3.2.2. Методы эмпирического исследования

3.2.2.a. Статистический метод

Статистический метод использовался при анализе корпусных данных, представленных в Цифровом словаре немецкого языка DWDS, с целью определения частотности «редких» подчинительных союзов условной семантики. Анализировались данные основного корпуса, охватывающие период 2000-2010 гг. Сравнение приводимой в словаре абсолютной частотности прототипичных и редких союзов позволяет подтвердить интуицию исследователя.

3.2.2.b. Метод направленной выборки

Направленная выборка эмпирического материала проводилась как из корпуса DWDS, так и из произведений художественной литературы. Корпусные данные были необходимы для подтверждения валидности моделей СПП в теории О.И. Москальской и более новых теорий. Направленная выборка из художественной литературы имела целью показать функционирование СПП в тексте.

3.2.2.c. Метод трансформаций

Трансформация перестановки применялась для иллюстрации изменения семантики и функциональной значимости придаточных предложений. Трансформация включения частиц и модальных слов использовалась при доказательстве иллокутивной самостоятельности придаточного предложения. Трансформация замены нефактивного предиката на предикат фактивной семантики иллюстрировала действенность высказывания, отсылая к предтексту.

3.2.3. Анализ методов, развивающих теорию СПП О. И. Москальской

Развитие идей, заложенных в трудах О. И. Москальской относительно СПП, происходило в двух направлениях. С одной стороны, с альтернативных позиций представлено

исследование проблемы цельности СПП, с другой стороны, продолжается изучение функций СПП в тексте и дискурсе. Эти методы освещаются в разделе 4, к которому мы переходим.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

4.1. СПП как цельная единица

Разработанный О. И. Москальской системный подход к моделированию простого предложения в единстве аспектов структуры, семантики, парадигматики, синонимии и включения в текст (Москальская, 1974) переносится ею и на сложное предложение, которое характеризуется как структурное и коммуникативное единство (Москальская, 1983, с. 296-297). В основу моделирования СПП положен синтаксический критерий, а именно, отношение между его непосредственными конституентами: главным и придаточным предложениями. Выделяются три типа синтаксических отношений внутри СПП: соподчинение, подчинение и подчинение субстантивному члену главного предложения, – и, соответственно, три гипер-модели, внутри которых выделяются модельные блоки (Там же, с. 313-322). Однако проблема включения СПП в текст О. И. Москальской только намечается в книге «Грамматика текста» (Москальская, 1981).

В современной германистике моделирование СПП проводится в рамках выделенных О. И. Москальской модельных блоков. Так, в рамках IV модельного блока, охватывающего СПП с обстоятельственными придаточными предложениями, в докторской диссертации О. А. Костровой (Кострова, 1992) предлагается принцип моделирования СПП как цельной единицы, обладающей свойствами суперпредикатности и модально-прагматической суперструктуры. Суперпредикатность характеризует внутреннее устройство СПП, основанное на интеграции предикатов главного и придаточного предложений, выражаемой подчинительным союзом. Модально-прагматическая суперструктура связана с видами речи, которые понимаются в оппозиции: *объективированная vs. персонализированная* речь (Кострова, 1992) Оппозиция видов речи основана на разграничении коммуникативных регистров, обозначаемых В. А. Жеребковым как дисситуативный и конситуативный (Žerebkov, 1988, S. 70-84): в дисситуативном регистре создается *объективированная*, а в конситуативном регистре – персонализированная речь. СПП как цельная, в нашем понимании, единица рассматривается как *репрезентант когнитивно-прагматического варьирования ментальных ситуаций*, интегрирующих когнитивное осознание взаимосвязи конституентов сложной денотатной ситуации с видом речи.

Проведенный нами ранее анализ корпуса СПП, охватывающего около 10000 единиц, в указанных видах речи выявил дискурсивную связанность этих единиц, репрезентирующих ментальные когнитивно-прагматические ситуации, а именно: релевантность СПП с придаточными времени для объективированной речи, где их частотность относительно СПП с другими обстоятельственными придаточными составляет более 80 %, и релевантность СПП с придаточными причинной группы для персонализированной речи, где их частотность составляет также более 80 % (Кострова, 1992). Функции СПП с временными придаточными в объективированном тексте определяются как *выражение временной упорядоченности*, а функции СПП с придаточными причинного типа – как *выражение мотивационности* в разных когнитивно-прагматических вариантах. Тем самым на материале СПП с обстоятельственными придаточными, которые О. И. Москальская считала наиболее

значимыми для аранжировки пропозиций в тексте (Москальская, 1981, с. 160-161), предлагается вариант трактовки функциональной значимости СПП с придаточными предложениями этого типа.

4.2. Функции СПП в разных коммуникативных ситуациях

О. И. Москальская не оставила без внимания изучение функциональной синонимии придаточных предложений, рассматривая ограничения при возможной редукции придаточного до члена предложения, а также стилистические ограничения на употребление развернутых членов предложения, эквивалентных придаточному предложению (Москальская, 1983, с. 305-307). Фактически здесь поднимается проблема выбора адекватных структур, чрезвычайно актуальная и в наши дни. Эта проблема исследуется в современной германистике на материале функционирования СПП с разными типами придаточных предложений в разных типах дискурса и создаваемых в них текстов: в речи носителей языка, моделируемой в художественном тексте; в речи иноязычных пользователей – студентов-германистов; в немецкой печатной прессе; в ситуации непосредственного общения.

Так, в диссертации Т. В. Бурдаевой (2002) показано варьирование сложности высказываний в форме СПП и эквивалентных структур, производимых в письменной аутентичной (немецкой художественной) речи, и поэтапное развитие синтаксической сложности и ограничения в употреблении сложных синтаксических форм в письменной неаутентичной речи студентов, изучающих немецкий язык как иностранный.

В диссертации Е. В. Сувориной (2006) проводится интерпретативный анализ СПП с определительными придаточными в немецкой межрегиональной и локальной прессе. СПП рассматриваются в рамках функционально-прагматического поля атрибутивности, по-разному реализуемого в аналитическом стиле межрегиональной газеты и прагматическом стиле местной прессы. О. И. Москальская отмечает, что атрибутивное придаточное сообщает дополнительную информацию о существительном, которое оно определяет (Москальская, 1983, с. 321). Исследование семантики атрибутивности в рамках функционально-прагматического поля позволяет уточнить характер дополнительной информации, обнаружить пересечения с семантикой причины, темпоральности, локальности, обусловленности, а также объяснить выбор формы атрибутивных СПП в газетах разного уровня (Суворина, 2006, с. 4-5).

Отдельный параграф в «Теоретической грамматике немецкого языка» (Москальская, 1983, с. 307-308) посвящен описанию особого употребления структурных единиц в форме придаточного предложения. К таким единицам относятся псевдопридаточные предложения, парцелированные придаточные и некоторые другие единицы. Развитием этого параграфа можно считать исследование экспрессивных функций СПП, придающих ему определенные особенности. Экспрессивность проявляется особенно ярко в живой речи в ситуации непосредственного общения, где наблюдаются следующие явления:

- Говорящий, подбирая слова, может повторять союз.
- В разговорной речи, особенно на юге Германии, произошло скачкообразное изменение порядка слов в придаточных предложениях причины и уступки, вызвавшее бурную дискуссию в среде немецких лингвистов, которые обеспокоились тем, не приведет ли это к изменению строя всех немецких придаточных предложений. В результате дискуссии был сделан вывод о том, что изменения имеют частный характер и свидетельствуют о прагматической

направленности высказывания, которое обозначает не причину, а называет обстоятельство, вызывающее необходимость действия, ср.: *Wir müssen uns beeilen, weil: sie machen bald zu.*

– В неофициальной речи возможна идиоматизация придаточных, в частности придаточное темпоральное может получать значение предпочтения, ср.: *Ich gehe ins Kloster, bevor ich Emma heirate.*

– При непосредственном общении нередко происходит тематизация придаточных; так, придаточное условия может получить функцию тематического субъекта, ср.: *Wenn sie gesund sind, ist es gut, fertig.*

– Немецкий язык называют *Partikelsprache*, т.е. язык частиц, а частицы особенно охотно включаются в речь именно при живом общении, когда говорящий хочет показать свою вовлеченность в разговор, ср.: *Wenn wir mal Blasmusik hören, ...*

– В разговорной речи наблюдается и парцелляция придаточных предложений. Говорящий как бы добавляет причину, время или условие выполнения действия, ср.: *Das muss der Mensch wissen. Bevor er sich zur Liebe entschließt* (Кострова, 2004, с. 180-187).

4.3. Развитие теории СПП с придаточными объектными

Углубленное изучение структурно-семантического содержания отдельных видов СПП привело к разработке синтактико-прагматического метода исследования СПП. Так, в диссертации Е. С. Гундаревой (2002) СПП с придаточными объектными описаны в единстве синтаксиса и прагматики.

В теории О. И. Москальской СПП с придаточными объектными образуют особый блок, вариативность которого определяется валентностью предиката главного предложения, а также вводящими союзами, различающими придаточное предложение по содержанию: вводят ли они информацию или вопрос (соответственно союзы *dass* и *ob* или введение с помощью вопросительных слов на *w-*). Основное внимание уделяется при этом семантике вводящих предикатов, которую О. И. Москальская определяет как обозначение состояния сознания такими глаголами как *wissen* (знать), *sagen* (говорить, сказать), *fühlen* (чувствовать), некоторыми прилагательными и идиоматическими выражениями (Москальская, 1983, с. 317-318). В грамматическую модель с этим типом придаточных, в монографии Е. С. Гундаревой и О. А. Костровой (2005) вносится дополнительный конституент: семантика субъекта главного предложения, сквозь призму восприятия которого подается информация придаточного предложения. Тем самым, синтаксическая семантика получает прагматический ракурс рассмотрения.

Субъект выражен, как правило, существительным или местоимением, обозначающим или подразумевающим *говорящее или размышляющее лицо*, сквозь призму восприятия которого подается информация придаточного предложения (Гундарева, Кострова, 2005, с. 9). Кроме того, в монографии используется понятие «прототипичность модели». Так, прототипической признается модель СПП с придаточным объектным в постпозиции (Там же, с. 9). К признакам прототипичности модели относится ее иконичность: сначала появляется субъект речи, затем вводится то, что он говорит или думает; типичное средство введения придаточного, в данном случае союз *dass*, а также относительная частотность, свидетельствующая о востребованности модели.

Модели СПП с придаточными объектными в зависимости от межсубъектных отношений главного и придаточного предложений распадаются на монопersonальные, в которых

субъекты главного и придаточного реферируют к одному и тому же лицу, и гетероперсональные, в которых субъекты реферируют либо к разным лицам, либо к лицу и не-лицу (Гундарева, Кострова, 2005, с. 70-73).

Кроме того, семантика субъектов главного и придаточного предложений определяет роль СПП в структурировании текста. В 1981 г. О. И. Москальская писала, что исследования коммуникативного членения СПП только начаты «и совсем нет работ, посвященных их отношению к различным моделям коммуникативного развертывания в тексте» (Москальская, 1981, с. 161). В нашей монографии (Гундарева, Кострова, 2005) прослеживается развертывание в художественном тексте СПП с придаточными объектными. Покажем это на примере моноперсональных СПП. По грамматической семантике субъекты СПП с придаточными объектными реализуются в прототипических случаях как агенс или экспериенцер (ср. Там же, с. 70-72). Агентивный субъект главного предложения выступает в высказывании от первого лица в роли автора или рассказчика, а в высказывании о третьем лице – в роли персонажа. При этом обычно имеется в виду ментальное действие, выраженное глаголами говорения, мышления и близкими к ним по семантике глаголами и выражениями (примеры 1, 2). Экспериенцер в прототипическом случае реализуется в моноперсональных СПП как субъект речи или персонаж главного предложения; в качестве предикатов выступают тогда глаголы восприятия, знания или чувства (3, 4). Ср. соответственно (все примеры выбраны из немецкого цифрового корпуса DWDS):

- 1) *Ich sag ja nicht, dass ich besser oder anders bin* (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.);
- 2) *Und dann hat sie gesagt, dass sie wieder wegmuss...* (Ibid.);
- 3) *Ich kann von hier aus sehen, dass sie nicht mitschreibt* (Ibid.);
- 4) *Jarven spürte wieder, dass sie rot wurde* (Ibid.).

В гетероперсональных СПП выражаются отношения между персонажами (5, 6) или оценка субъектом речи или персонажем какого-то факта или события (7, 8), ср.:

- 5) *Josef war auch dagegen, dass der Vater mitmarschierte* (Walser, 1998);
- 6) *Johann wollte, dass der Vater mitmarschiere* (Ibid.);
- 7) *Ich weiß, dass das albern ist* (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.);
- 8) *Zuerst hatte der Großvater gesagt, dass es eine Blamage sei, wenn sein Sohn...nicht mitmarschiere* (Walser, 1998).

Таким образом, моно- и гетероперсональные СПП с придаточными объектными принимают на себя функцию выражения новой информации, касающейся, например, межличностных отношений (примеры 5, 6) или дающей аксиологическую характеристику чему-либо (примеры 7, 8). И то, и другое способствует развитию сюжета, что расширяет сферу функционирования СПП в тексте, обозначенную О. И. Москальской.

4.4. Метакогнитивное моделирование СПП

Новым в теоретическом осмыслении СПП в концепции О. И. Москальской явилось его рассмотрение как коммуникативной единицы, что соответствует применяемому ею системному подходу. В качестве важного параметра коммуникативной цельности СПП в концепции О. И. Москальской признается общий интонационный рисунок; однако детальная характеристика распределения информации в главном и придаточном предложении не приводится (Москальская, 1983, с. 297). Новый шаг в осмыслении коммуникативного содержания СПП представляет, на наш взгляд, его когнитивная интерпретация, изложенная в диссертации С. Г. Виноградовой (2016). Поскольку определение информации как данного или нового –

это когнитивная операция, СПП рассматривается как метакогнитивная единица, специфика которой состоит в том, что она способна передавать статус информации путем ее распределения между главным и придаточным предложениями. На материале английского языка С. Г. Виноградовой разработан *метод метакогнитивного моделирования* СПП, предполагающий выделение и описание наиболее общих концептуальных структур и их языковой репрезентации как данного или нового, что позволяет говорящему конструировать сложное предложение, распределяя соответствующим образом коммуникативную нагрузку между его частями (Виноградова, 2016). Автор выделяет метакогнитивные модели, основанные на интерпретации соотношения данного и нового, которое может быть необратимым, предполагать обоснованность нового данным, усиливать новое, подавлять данное или представлять разобщенность данного и нового (Там же, с. 19). Метод метакогнитивного моделирования применим и к родственному немецкому языку. Например, обоснованность нового данным проявляется, как и в английском языке, в иконичности отображения связанных между собой ситуаций в сознании человека, что формализуется, в частности, в условных СПП. Ср.:

9) *Wenn ich aus Papier wäre, würde zuerst mein Kleid Feuer fangen, dann die Beine, dann die Arme, dann der Kopf, eben alles, was weiter außen ist* (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.).

В примере (9) в ситуации ночного шествия с факелами в день святого Мартина персонаж размышляет, что было бы, если бы он был из бумаги. Нереальное условие предшествует воображаемому следствию из него и обосновывает это следствие. Здесь используется когнитивный механизм логического следования, который реализуется союзом *wenn*, а нереальность ситуации передается конъюнктивом II.

Необратимость главного и придаточного предложений может реализоваться и в СПП с придаточным времени. Ср.:

10) *Wir brachen später auf, als wir vorgehabt hatten* (Schlink, 2019).

В данном примере новое предшествует данному, передаваемому постпозитивным придаточным предложением. Новизна подчеркивается логическим ударением на наречии *später* в главном предложении. Трансформация перемещения придаточного предложения в препозицию ведет к изменению формы: СПП преобразуется в сложносочиненное предложение с противительным союзом, ср.:

10 а) *Wir hatten vorgehabt, früher zu kommen, aber wir brachen später auf.*

В трансформированном варианте изменяется порядок следования данного и нового, который становится иконичным. В исходном предложении говорящий интерпретирует взаимосвязь ситуаций согласно своему представлению об их статусе относительно друг друга, отдавая предпочтение выдвиганию в препозицию рематического главного предложения.

Согласно исследованию О. А. Костровой (1992, с. 143), прототипичной моделью в СПП с темпоральным союзом *als* придаточное занимает препозицию, участвуя в создании временной оси повествования. СПП с этим союзом, открывая абзац, вычленяют этап развития действия и создают возможность перехода к новой теме, ср.:

11) *Als ich am Morgen in Tromsö aufwachte, war es dunkel und ich begriff, dass ich im Januar nichts anderes erwarten konnte* (Schlink, 2019).

При перемещении придаточного с союзом *als* в постпозицию нарушается иконичность; при этом придаточное приобретает чаще всего уточняющую функцию (Там же). Тем не менее, придаточные в постпозиции могут служить развитию сюжета, ср.:

12) *Sie unterschrieb und legte gerade die Feder nieder, als hinter einer der braunen Türen... Geschrei laut wurde... Die Tür flog auf. Heulend und zerrauft... stolperte die weißblonde Nelly herein* (Weiskopf, 1980).

В данном случае придаточное предложение, как следует из дальнейшего повествования, служит поворотным моментом в его развитии.

4.5. Категориально-матричный анализ СПП

В концепции О. И. Москальской модели СПП представлены вне их связи с контекстом. В диссертации Г. П. Берзиной обосновано моделирование процесса формирования уступительного концепта, прототипическим средством выражения которого является СПП с придаточным уступительным, в связи с немецкой языковой картиной мира (Берзина, 2022). Автор моделирует интерпретирующий потенциал модусной категории уступительности, применяя разработанный ею метод *категориально-матричного анализа*. Концепт УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ, представляющий основу одноименной категории, понимается как когнитивная матрица, включающая несколько концептуальных областей, репрезентирующих смысловые оттенки уступительности.

Матрица позволяет показать широкий диапазон таких оттенков, в которых базовый смысл нормонарушения, основополагающий для уступительного отношения, реализуется как *Verletzung* (нарушение), *Einräumung* (уступка), *Zwang* (принуждение), *Hindernis* (препятствие) и др. (Берзина, 2022, с. 20). Репрезентация концепта осуществляется грамматическими и лексико-грамматическими единицами немецкого языка, представляющими немецкую языковую картину мира. Прототипический репрезентант концепта – СПП с союзом *obwohl* – реализуется в модели *Obwohl P, Q* (Там же, с. 10). О. И. Москальская приводит 7 союзов, выражающих уступку, и частицу *doch*, выступающую с союзом *wenn... auch* (Москальская, 1983, с. 320). Г. П. Берзина рассматривает функционирование категории уступительности в дискурсе, что позволяет расширить список средств дискурсивной адаптации. Приведем только некоторые модели из выявленных ею сочетаний с прототипичным союзом: *Aber obwohl / doch obwohl / denn obwohl ...P, (so)... (doch)...Q; Und obwohl...P, (so)... (doch)...Q; Obwohl P, (so)...dennoch / trotzdem...Q* (Берзина, 2022, с. 27). Всего автор выделяет 24 базовых модели и 97 ее вариантов. Проведенное Г. П. Берзиной исследование может быть рассмотрено как развитие концепции О. И. Москальской в дискурсивной парадигме.

Еще одна модель интерпретации СПП представлена на материале немецких научно-технических текстов в монографии Т. В. Бурдаевой (2023). Автор моделирует СПП в рамках синтаксических концептов. В научно-технических текстах прототипичны концепты атрибутивности, субъектности, объектности, каузальности, кондициональности и прецизирования, при этом превалирует концепт атрибутивности. Превалирование атрибутивности перед другими синтаксическими концептами показано также в исследовании функционирования СПП в научных текстах лингвистической тематики, выполненном в аспекте перспективации.

4.6. Проблема иллокутивной (не)самостоятельности предложения

Возвращаясь к проблеме цельности СПП в концепции О. И. Москальской, отметим, что автор считает главное предложение СПП носителем коммуникативной интенции и модальности, определяющим интенцию и модальность цельного предложения (Москальская, 1983, с. 302-303). Это положение конкретизируется в современной лингвистике через оппозитивные понятия «иллокутивная самостоятельность» vs «иллокутивная несамостоятельность», которые могут быть свойственны как простому предложению, так и придаточному в составе СПП. Исследованию этой проблемы в отечественной германистике посвящены работы А. В. Авериной. Иллокутивная самостоятельность понимается ею как определенная

коммуникативная направленность предложения, определяемая интенцией говорящего. А. В. Аверина связывает оба оппозитивных понятия с понятиями «внутренняя перспектива» и «внешняя перспектива». Иллокутивная самостоятельность придаточного предложения реализуется в сложных высказываниях, обладающих внутренней перспективой, которая позволяет включать в такие высказывания модальные маркеры, отражающие позицию говорящего (Аверина, 2022, с. 5-6). В этом случае цельность СПП сохраняется не только за счет информативной неполноценности главного предложения, но и за счет модализации придаточного. Ср.:

(13) *Ich hab ihm gesagt, dass ich (ja, doch) nichts Bestimmtes will* (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.);

(14) *...ich weiß, Sie werden das (ja, sicher; natürlich) gut machen, ja* (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.).

В предложения типа (13, 14) трансформация позволяет вставить модальные частицы и модальные слова, которые, выражая позицию говорящего, вместе с тем придают придаточному определенную степень иллокутивной самостоятельности, что также служит объединяющим моментом. В (14) говорящий сам добавляет свое отношение уверенности частицей *ja*. Однако говорить об их полной иллокутивной самостоятельности представляется вряд ли логичным, поскольку в них выражается интенция субъекта речи, местоименное обозначение которого функционирует в качестве подлежащего главного предложения. Интенция говорящего, репрезентированного в главном предложении, выражается частицей в придаточном, что способствует созданию коммуникативной цельности СПП.

Еще более убедительно подтверждают коммуникативную цельность СПП иллокутивно несамостоятельные объектные придаточные в СПП, в которых предикат главного предложения выражен фактивным глаголом. В такие придаточные предложения нельзя вставить модальные маркеры (Аверина, 2022, с. 6), поскольку они вписываются в иллокуцию выражения факта. Тем самым формируется единая иллокутивная сила в границах цельного СПП. Ср.:

(15) *Ich bedauerte, dass Franziska (*vielleicht, *sicher, *wirklich) nicht mit am Tisch saß* (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.).

Видимо, следует принимать во внимание различную степень проявления иллокутивной несамостоятельности придаточных объектных, которая зависит от семантики предиката главного предложения.

Фактивность предиката *bedauerte* обуславливается ситуацией. Примеры показывают, что иллокутивная сила СПП с придаточными объектными зависит от их дискурсивной или ситуативной связанности, позволяющей говорящему представить информацию как данное (15) или новое (13, 14). Данное не нуждается в субъективной оценке, а новое такую оценку допускает. Как верно отмечает А. В. Аверина, механизмы формирования иллокутивной силы придаточных предложений заложены в структуре и семантике главного предложения (Аверина, 2015), что согласуется с концепцией О. И. Москальской.

При рассмотрении СПП с условными придаточными возникает вопрос о соотношении объективной и субъективной модальности. Ссылаясь на Э. Лайсс, А. В. Аверина считает, что подобные СПП не могут обладать иллокутивной силой, поскольку они представляют некий факт, существующий в представлении говорящего (Аверина, 2022, с. 7), ср.: (9), а также (16):

(16) *...wenn ich an Gott glauben würde, sage ich zu ihr, wäre er dieser Ort* (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.).

СПП с условными придаточными, согласно Е. В. Гулыге, характеризуются единым модальным планом гипотетичности, однако в (16) главное предложение допускает включение модального оператора, а в (9) модальные операторы допустимы в обеих частях СПП. Ср.:

(16 а) ...*wäre (natürlich, sicher, ja) er dieser Ort.*

(9 а) *Wenn ich (ja) aus Papier wäre, würde (vielleicht, natürlich) zuerst mein Kleid Feuer fangen...*

Трансформации показывают, что и в этом типе СПП возможна субъективация выражения, с одной стороны, и различная степень модализации главного и придаточного предложений, с другой. Тем самым открывается возможность более детально представить цельность СПП.

4.7. Диахронический подход в изучении СПП

Фундаментальность теории СПП О. И. Москальской основана во многом на том, что она исследовала историю их формирования и функционирования. Развитию СПП в ранневерхненемецком периоде посвящен раздел в ее книге “*Deutsche Sprachgeschichte*” («История немецкого языка») (Moskalskaja, 1977, с. 229-235). Ольга Ивановна анализирует развитие темпоральных, причинных и др. союзов, изменения в относительном подчинении и семантику соответствующих СПП. Эта линия продолжается сегодня в русле «диахрония в синхронии» на материале исследования семантики и функционирования «редких» условных союзов *falls* и *sofern* (Кострова, 2023; Кострова, Захаров, 2024). Их периферийное положение в поле кондициональности подтверждается обращением к Цифровому словарю (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.), в котором приводится абсолютная частотность этих союзов и частотность прототипического союза *wenn*. Так, частотность СПП с союзом *wenn* в 36 раз превышает частотность таковых с союзом *sofern* (Кострова, Захаров, 2024, с. 230). В дополнение к этому проанализирована возможность включения СПП с союзом *sofern* в причинно-следственный комплекс, к которому относятся СПП с союзом *wenn*. Сочетание *denn wenn* встретилось в основном корпусе DWDS (2000-2010 гг.) 113 раз, тогда как сочетание *denn sofern* в этом корпусе отсутствует, что свидетельствует о том, что «субъекты речи не склонны включать придаточные с союзом *sofern* в причинно-следственный комплекс» (Кострова, Захаров, 2024, с. 233). Периферийность положения этих СПП в поле кондициональности маркируется также включением в их состав модальных уточнителей, индицирующих специфические семантические оттенки. В случае СПП с союзом *sofern* это оттенки сомнения и ограничения; предложения с такими индикаторами содержатся в корпусе, ср.:

(17) *Sofern er überhaupt Gefühle hatte, ließ Jorge sich nichts anmerken* (DWDS-Kernkorpus (2000-2010), n.d.).

В приведенном примере наречие *überhaupt* (вообще) усиливает сомнение в том, что у персонажа были какие-то чувства.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Систематизация теоретических положений О. И. Москальской о сущности СПП как цельной языковой единицы, ее моделирования и функционирования в тексте, позволяет представить выдающуюся роль замечательного отечественного лингвиста в формировании канона теоретического описания СПП на основе особенностей его диахронического развития, интеграции синтаксической структуры, глубинной семантики, коммуникативной значимости и включения в текст. Поставленные в трудах О. И. Москальской проблемы

не утратили своей актуальности до настоящего времени, что свидетельствует об их фундаментальности, представляющей широкие возможности дальнейшего развития, которое происходит в русле коммуникативной, когнитивной и прагмалингвистики. Особую актуальность в современной лингвистике приобретает намеченная О. И. Москальской проблема аранжировки СПП в тексте, которая решается через определение функциональной значимости СПП в текстах разных типов, а также их дискурсивной связанности, в отдельных случаях формирующей иллокутивную несамостоятельность придаточного при фактивном предикате главного предложения.

Проведенное исследование значимо в плане профессиональной коммуникации, поскольку выводит на методологические проблемы корректного использования научного наследия предшественников. Результаты исследования имеют важное прикладное и практическое значение в плане оптимизации профессиональной коммуникации на немецком языке. В частности, результаты могут быть использованы для разработки методических материалов по обучению деловому и научному немецкому языку, с акцентом на эффективное использование СПП в различных жанрах профессионального и институционализованного общения, а также для разработки методических рекомендаций для специалистов, взаимодействующих с немецкоязычными партнерами, по организации и совершенствованию письменной и устной деловой коммуникации за счет осознанного использования СПП. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественный анализ частотности конкретных моделей СПП в определенных жанрах профессионального дискурса и на экспериментальную проверку эффективности различных методик обучения использованию СПП в профессиональной коммуникации.

Благодарности

Автор искренне признателен организаторам VII Международной научной конференции «Германистика 2024: nove et nova». Москва: МГЛУ, 2024, 27-29 ноября за предоставленную возможность выступить с пленарным докладом, положенным в основу настоящей статьи. Обсуждение доклада с Ю. М. Казанцевой оказалась чрезвычайно полезным для формирования изложенной в статье концепции.

Выражаем также искреннюю благодарность А. В. Авериной, продуктивные беседы с которой способствовали значительному улучшению раздела 4.6. настоящей статьи.

Особую благодарность автор выражает рецензентам статьи, чьи ценные замечания способствовали ее значительному улучшению.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина А.В. Иллокутивная несамостоятельность предложения в контексте исследований О.И. Москальской // Доклад на VII Межд. науч. конф. «Германистика 2024: nove et nova». Москва: МГЛУ, 2024, 27-29 ноября.

2. Аверина А.В. Интерпретация грамматических феноменов с позиции перспективы: к постановке проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 34–44. <https://doi.org/10.17308/lis.2022.1/8994>
3. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1973.
4. Бабенко Н.С. О роли О. И. Москальской в развитии академической германистики // Вестник МГЛУ. 2015. Выпуск 20 (731). С. 270-281.
5. Берзина Г.П. Категория уступительности и ее интерпретирующий потенциал в немецкой языковой картине мира. Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Тамбов, 2022.
6. Бурдаева Т.В. Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных структур (на материале современного немецкого языка как родного и иностранного) (Автореф. дис. ... канд. филол. наук). Самара, 2002.
7. Бурдаева Т.В. Сложноподчиненное предложение как знаково-коммуникативная единица. Концептуальный подход (на материале научно-технических текстов немецкого языка). Москва: Русайнс, 2023.
8. Виноградова С. Г. Когнитивные основы коммуникативного членения сложного предложения (Автореф. дис. ... докт. филол. наук). Тамбов, 2016.
9. Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. Москва: Высшая школа, 1971.
10. Гундарева Е.С. Сложноподчиненное предложение с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики (на материале немецкоязычной прозы) (Автореф. дис. ... канд. филол. наук). Самара, 2002.
11. Гундарева Е.С., Кострова О.А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными объектными). Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2005.
12. Добровольский Д. О. «Новый большой немецко-русский словарь» и развитие лексикографической концепции Ольги Ивановны Москальской // Вестник МГЛУ. Выпуск 20 (731), 2015. С. 407–413.
13. Казанцева Ю.М. Становление современного канона теоретического описания грамматического строя немецкого языка // Германистика и лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы: коллективная монография / под ред. А. И. Горожанова и др. Казань: Бук, 2022. С. 87-110.
14. Казанцева Ю.М. Школы кафедры грамматики и истории немецкого языка // Научные школы Московского государственного лингвистического университета. Факультет немецкого языка: коллективная монография: в 2 ч. / под общ. ред. проф. Г. Б. Ворониной. Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. Ч. II. С. 7-12.
15. Кострова О. А. Модусный концепт КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ и его структура в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 78-84.
16. Кострова О.А. Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством (На материале современного немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук. Москва: АН СССР, ин-т языкознания, 1992.
17. Кострова О.А. Теория сложноподчиненного предложения в трудах О.И. Москальской и ее развитие в современной российской германистике // Доклад на VII Межд. науч. конф. «Германистика 2024: nove et nova». Москва: МГЛУ, 2024, 27-29 ноября.

18. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. Москва: Флинта. Московский психолого-социальный институт, 2004.
19. Кострова О.А., Захаров В.С. Условные придаточные предложения с союзом *sofern* в различных типах дискурса // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 226-249. doi:10.47388/2782-2605/lunn2024-21-226-248.
20. Левченко М.Н. Темпорально-локальная архитектоника художественного текста различных жанров (Автореф. дис. ... докт. филол. наук). Москва: МГОУ, 2003.
21. Левченко М.Н., Елисеева А.А., Елистратова И.В., Захарова М.Ю., Казарина М.А., Тарасова О.И. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект). Москва: МГОУ, 2013.
22. Москальская О.И. Грамматика текста (Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков): Учебное пособие. Москва: Высшая школа, 1981.
23. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). Москва: Высшая школа, 1974.
24. Москальская О.И. Теоретическая грамматика немецкого языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высшая школа, 1983.
25. Суворина Е.В. Сложноподчиненные предложения с придаточным определительным в функционально-прагматическом поле атрибутивности (на материале современных немецких газет) (Автореф. дис. ... канд. филол. наук). Самара, 2006.
26. Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. Frankfurt am Main, 2015.
27. Dürscheid C. Syntax. Grundlagen und Theorien. Mit einem Beitrag von Martin Businger. 6., aktualisierte Auflage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012.
28. Engel U. Deutsche Grammatik. 3., korrigierte Auflage. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1996.
29. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. 9., unveränderte Auflage. Berlin: Akademie-Verlag, 1966.
30. Givon T. The Genesis of Syntactic Complexity. Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.
31. Glück H. (Hrsg.). Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart. Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1993.
32. Hartung W. Die zusammengesetzten Sätze. 7., unveränderte Auflage. Berlin: Akademie-Verlag, 1967.
33. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. 3., unveränderte Auflage. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1968.
34. Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte. Moskau: Hochschule, 1977.
35. Paul H. Deutsche Grammatik. Vierter Band. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1957.
36. Žerebkov V. A. Deutsche Stilgrammatik. Москва: «Высшая школа», 1988.
37. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B., Ballweg J. Grammatik der deutschen Sprache. Band 3. Berlin. New York: Walter de Gruyter, 1997.

Источники

1. DWDS-Kernkorpus (2000-2010) [Электронный ресурс] // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/kern21> (дата обращения: 20.02.2025).
2. Schlink B. Olga: Roman. Zürich: Diogenes Verlag, 2019.
3. Walser M. Ein springender Brunnen: Roman. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1998.
4. Weiskopf F.C. Abschied vom Frieden: Roman. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1980.

REFERENCES

1. Admoni, W.G. (1973). *Sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka. Sistema otnoshenii i sistema postroeniya* [Syntax of the modern German language. The system of relations and the system of construction]. Leningrad: Nauka, Russia (in Russian).
2. Averina, A.V. (2015). *Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen* [Particles in complex sentences. Mechanisms of licensing modal particles in subordinate clauses and factors of their use in complex sentences. Using the example of the modal particles ja, doch, and denn in German and ved', že, and vot in Russian]. Frankfurt am Main (in German).
3. Averina, A.V. (2022). Interpretatsiya grammaticheskikh fenomenov s pozitsii perspektivy: k postanovke problemy [Interpretation of grammatical phenomena from the point of view of the perspective: setting the problem]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Proceedings of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 1, 34–44 (in Russian). <https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/8994>
4. Averina, A.V. (2024, November 27-29). *Illokutivnaya nesamostoyatel'nost' predlozheniya v kontekste issledovaniya O.I. Moskal'skoi* [Illocutionary dependence of a sentence in the context of O.I. Moskalskaya's research] [Paper presentation]. VII International scientific conference “Germanistika 2024: nove et nova”: Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (in Russian).
5. Babenko, N.S. (2015). O roli O. I. Moskal'skoi v razvitii akademicheskoi germanistiki [The role of Professor Moskalskaja in the development of fundamental Germanic studies]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 20 (731), 270-281 (in Russian).
6. Berzina, G.P. (2022). *Kategoriya ustupitel'nosti i ee interpretiruyushchii potentsial v nemetskoj yazykovoj kartine mira* [The category of concessiveness and its interpretative potential in the German linguistic picture of the world] [Extended Abstract of Doctoral Dissertation, Tambov University] (in Russian).
7. Burdaeva, T.V. (2002). *Variantnost' slozhnopodchinennogo predlozheniya i ekvivalentnykh struktur (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka kak rodnogo i inostrannogo)* [Variety of the Complex Sentence and its Equivalent Structures (on the Material of Contemporary German as Native and Foreign Language)] [Extended Abstract of PhD thesis in Germanic Languages, University of Samara]. Samara, Russia (in Russian).
8. Burdaeva, T.V. (2023). *Slozhnopodchinennoe predlozhenie kak znakovno-kommunikativnaya edinita. Kontseptual'nyi podkhod (na materiale nauchno-tekhnicheskikh tekstov nemetskogo yazyka)* *Complex sentence as a sign-communicative unit. Conceptual approach (based on scientific and technical texts in German)*. Moscow: Ruscience (in Russian).

9. Dobrovolsky, D.O. (2015). Dobrovol'skii D. O. «Novyi bol'shoi nemetsko-russkii slovar'» i razvitie leksikograficheskoi kontseptsii Ol'gi Ivanovny Moskal'skoi [“A New Large German-Russian Dictionary” and the Development of Professor Moskalskaja’s Lexicographic Conception]. *Vestnik MGLU [Vestnik of Moscow State Linguistic University]*, 20 (731), 407–413 (in Russian).
10. Dürscheid, C. (2012). *Syntax. Grundlagen und Theorien. Mit einem Beitrag von Martin Businger. 6., aktualisierte Auflage [Syntax. Basics and theories. With a contribution by Martin Businger. 6th, updated edition]*. Göttingen, Federal Republic of Germany: Vandenhoeck & Ruprecht (in German).
11. Engel, U. (1996). *Deutsche Grammatik. 3., korrigierte Auflage. [German Grammar. 3rd, corrected edition]*. Heidelberg, Federal Republic of Germany: Julius Groos Verlag (in German).
12. Erben, J. (1966). *Abriss der deutschen Grammatik. 9., unveränderte Auflage [Outline of German Grammar. 9th, unchanged edition]*. Berlin, GDR: Akademie-Verlag (in German).
13. Givon, T. (2009). *The Genesis of Syntactic Complexity. Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
14. Glück, H. (Ed.). (1993). *Metzler Lexikon Sprache [Metzler Dictionary of Language]*. Stuttgart, Weimar, Federal Republic of Germany: J.B. Metzler (in German).
15. Gulyga, E.V. (1971). *Teoriya slozhpodchinennogo predlozheniya v sovremennom nemetskom yazyke [Theory of complex sentences in modern German]*. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).
16. Gundareva, E.S. (2002). *Slozhpodchinennoe predlozhenie s pridatochnym ob'ektnym v edinstve sintaksisa i pragmatiki (na materiale nemetskoyazychnoi prozy) [Complex sentence with an objective subordinate clause in the unity of syntax and pragmatics (based on the German language prose)]* [Extended Abstract of PhD thesis in Germanic Languages, University of Samara]. Samara, Russia (in Russian).
17. Gundareva, E.S., & Kostrova, O.A. (2005). *Semiotika kosvennosti v nemetskom yazyke (na materiale slozhpodchinennykh predlozhenii s pridatochnymi ob'ektnymi) [Semiotics of indirection in the German language (based on complex sentences with subordinate objective clauses)]*. Tolyatti: Tolyatti State University (in Russian).
18. Hartung, W. (1967). *Die zusammengesetzten Sätze. 7., unveränderte Auflage [The compound sentences. 7th, unchanged edition]*. Berlin, GDR: Akademie-Verlag (in German).
19. Jung, W. (1968). *Grammatik der deutschen Sprache. 3., unveränderte Auflage [Grammar of the German Language, 3d Edition]*. Leipzig, GDR: Bibliographisches Institut (in German).
20. Kazantseva, Yu.M. (2019). Shkoly kafedry grammatiki i istorii nemetskogo yazyka [Scientific schools at the chair of grammar and history of the German language]. In G.B. Voronina (Ed.), *Nauchnye shkoly Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Fakul'tet nemetskogo yazyka: kollektivnaya monografiya: v 2 ch. [Scientific Schools of Moscow State Linguistic University. Faculty of the German Language: collective monograph: in 2 parts]* (pp. 7-12). Moscow: Moscow State Linguistic University (in Russian).
21. Kazantseva, Yu.M. (2022). Stanovlenie sovremennogo kanona teoreticheskogo opisaniya grammaticheskogo stroya nemetskogo yazyka [Formation of the modern canon of theoretical description of the grammatical structure of the German language]. In A.I. Gorozhanova (Ed.), *Germanistika i lingvodidaktika v Moskovskom i Minskom gosudarstvennykh lingvisticheskikh universitetakh: istoki, razvitie, perspektivy [German studies and linguodidactics at Moscow and Minsk State Linguistic Universities: origins, development, prospects]: collective monograph* (pp.87-110). Kazan: Buk (in Russian).

22. Kostrova, O.A. (1992). *Prodolzhenaya sintaksicheskaya forma kak promezhutochnoe zveno mezhdu prostym predlozheniem i sverkhfrazovym edinstvom (Na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Extended syntactic form as an intermediate link between a simple sentence and a superphrasal unity (Based on the material of the modern German language)] [Doctoral dissertation, Moscow, Russian Academy of Sciences] (in Russian).

23. Kostrova, O.A. (2004). *Ekspressivnyi sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* [Expressive Syntax of Contemporary German]. Moscow, Flinta. MPSI (in Russian).

24. Kostrova, O.A. (2023). Modusnyi kontsept konditsionalnosti i ego struktura v nemetskoi lingvokul'ture [The modus concept CONDITIONALITY and its structure in German linguaculture]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 3, 78-84. EDN: PQXSGA (in Russian).

25. Kostrova, O.A. (2024). *Teoriya slozhpodchinennogo predlozheniya v trudakh O.I. Moskalskoi i ee razvitie v sovremennoi rossiiskoi germanistike* [Theory of complex sentences in the works of O.I. Moskalskaya and its development in modern Russian German studies] [Paper presentation]. VII International scientific conference "Germanistika 2024: nove et nova": Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (in Russian).

26. Kostrova, O.A., & Zakharov, V.S. (2024). Uslovnye pridatochnye predlozheniya s soyu-zom sofern v razlichnykh tipakh diskursa [Conditional Subordinate Clauses with the Conjunction sofern in Different Types of Discourse]. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiiskogo soyuza germanistov* [Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists], 21, 226-248 (in Russian). doi:10.47388/2782-2605/lunn2024-21-226-248

27. Levchenko, M.N. (2003). *Temporal'no-lokal'naya arkhitektonika khudozhestvennogo teksta razlichnykh zhanrov* [Temporal-local architectonics of artistic text of various genres] [Extended Abstract of Doctoral dissertation]. Moscow, Russia (in Russian).

28. Levchenko, M.N., Eliseeva, A.A., Elistratova, I.V., Zakharova, M.Yu., Kazarina, M.A., & Tarasova, O.I. (2013). *Interpretatsiya teksta i ego grammaticheskikh modelei (tipologicheskii aspekt)* [Interpretation of the text and its grammatical models (typological aspect)]. Moscow: MGOU (in Russian).

29. Moskalskaja, O.I. (1977). *Deutsche Sprachgeschichte* [German Language History]. Moscow, Russia: Hochschule (in German).

30. Moskalskaya, O.I. (1974). *Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa (na materiale nemetskogo yazyka)* [Problems of systemic description of syntax (based on the German language)]. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

31. Moskalskaya, O.I. (1981). *Grammatika teksta (Posobie po grammatike nemetskogo yazyka dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov): Uchebnoe posobie* [Text grammar (German grammar coursebook for institutes and departments of foreign languages): coursebook]. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

32. Moskalskaya, O.I. (1983). *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka: uchebnyk dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* [Theoretical grammar of the German language: coursebook for institutes and departments of foreign languages]. Moscow: Vysshaya shkola (in German).

33. Paul, H. (1957). *Deutsche Grammatik. Vierter Band* [German Grammar. Fourth Volume]. Halle (Saale), GDR: Max Niemeyer (in German).

34. Suvorina, E.V. (2006). *Slozhpodchinennye predlozheniya s pridatochnym opredelitel'nym v funktsional'no-pragmaticheskom pole atributivnosti (na materiale sovremennykh nemetskikh gazet)* [Complex Sentences with Attributive Clause in the Functional and Pragmatic Attribu-

tive Field (based on modern German newspapers)] [Extended Abstract of PhD thesis in Germanic Languages, University of Samara]. Samara, Russia.

35. Vinogradova, S.G. (2016). *Kognitivnye osnovy kommunikativnogo chleneniya slozhnogo predlozheniya* [Cognitive foundations of communicative division of a complex sentence] [Extended Abstract of Doctoral dissertation, Tambov University] (in Russian).

36. Žerebkov, V.A. (1988). *Deutsche Stilgrammatik* [Stylistic Grammar of the German Language]. Moscow, Russia: “Vysshaya shkola” (in German).

37. Zifonun, G., Hoffmann, L., Strecker, B., & Ballweg, J. (1997). *Grammatik der deutschen Sprache. Band 3* [Grammar of the German Language. Volume 3]. Berlin. New York: Walter de Gruyter (in German).

SAMPLE SOURCES

1. DWDS. (n.d.). *DWDS-Kernkorpus 21 (2000–2010)* [Corpus]. Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities. Retrieved February 20, 2025, from <https://www.dwds.de/d/korpora/kern21>

2. Schlink, B. (2019). *Olga: Roman* [Olga: Novel]. Zürich, Switzerland: Diogenes Verlag (in German).

3. Walser, M. (1998). *Ein springender Brunnen: Roman* [A Gushing Fountain: Novel]. Frankfurt am Main, Federal Republic of Germany: Suhrkamp (in German).

4. Weiskopf, F.C. (1980). *Abschied vom Frieden: Roman* [Farewell to Peace: Novel]. Berlin und Weimar, GDR: Aufbau (in German).

Информация об авторе

Кострова Ольга Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и зарубежного регионоведения Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия). Научные интересы: грамматика немецкого языка, сложноподчиненное предложение, контрастивная типология немецкого и русского языков, когнитивная лингвистика, прагмалингвистика. ORCID: 0000-0002-2044-6048.

Получено: 17 января 2025 г.

Принято к публикации: 14 мая 2025 г.

O.I. MOSKALSKAYA'S LEGACY IN COMPLEX SENTENCE THEORY: DEVELOPMENT AND IMPACT IN RUSSIAN GERMAN STUDIES

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education

(Samara, Russia)

Olga_kostrova@pgsga.ru

Abstract: The theoretical contributions of Olga I. Moskalskaya to the study of German complex sentences (CS) represent a foundational yet often overlooked area in Russian Germanistics. Understanding the structure and function of CS is paramount for achieving clarity and precision in professional discourse, yet a comprehensive historical account of Moskalskaya's pioneering work and its subsequent influence has been lacking. This article provides the first systematic analysis of Moskalskaya's theory of CS, particularly her novel perception of CS as holistic linguistic units and their textual arrangement. It further aims to trace the development of her ideas in contemporary Russian German studies, filling a gap in the discipline's history. The research draws upon Moskalskaya's theoretical publications, seminal works by preceding and subsequent Germanists, and illustrative empirical data. Corpus data from the Digital Dictionary of the German Language (DWDS) were used to validate Moskalskaya's CS-models and assess their frequency in modern German. Targeted samples from contemporary German novels (Walser, Schlink) illustrate CS functioning in text. Methodologically, the study combines an analysis of Moskalskaya's CS-modeling with comparative, statistical, and transformational analyses of the illustrative material. The study first systematizes Moskalskaya's theoretical positions on CS structure and textual function. It then demonstrates that the development of her ideas proceeded along two main trajectories: 1) enhanced understanding of CS wholeness, incorporating syntactic-pragmatic, metacognitive, and illocutionary perspectives; and 2) continued investigation into CS functions in numerous textual and discursive contexts, including their role in information structuring and conveying speaker stance. This research also underscores the lasting impact of Moskalskaya's works. By demonstrating the theoretical grounding and developmental pathways of CS analysis, the findings offer perspectives for contemporary linguistic research. Understanding CS is crucial for enhancing the efficacy and precision of German-language professional communication, particularly in academic, technical, and diplomatic discourse.

Keywords: complex sentence, O. I. Moskalskaya, German syntax, textual function, history of linguistics.

How to cite this article: Kostrova, O.A. (2025). O.I. Moskalskaya's Legacy in Complex Sentence Theory: Development and Impact in Russian German Studies. *Professional Discourse & Communication*, 7(2), 9–32 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-9-32>

About the author

Olga A. Kostrova, Dr. Sci. (Philology), is a Professor in the Department of Romance and Germanic Philology and Foreign Regional Studies at Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia). Her research interests include German grammar, complex sentences, contrastive typology of German and Russian, cognitive linguistics, and pragmalinguistics. ORCID: 0000-0002-2044-6048

Received: January 17, 2025.

Accepted: May 14, 2025.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-33-50>

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Е.Д. Кузнецова

МГИМО МИД России

(Москва, Россия)

rio14032014@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается эволюция ключевых терминологических единиц понятийного аппарата современной лингвоперсоналогии в русско- и немецкоязычном научном дискурсе. Основу исследования составляет теоретический анализ наиболее значимых научных работ отечественных и зарубежных ученых с целью выявления базовых терминов дисциплины, их вариативности и тенденций развития. Особое внимание уделено диахроническому аспекту анализа терминологических единиц, необходимому для установления динамики изменений понятийного аппарата. В ходе работы выявлено процентное соотношение наиболее употребляемых терминов, что позволило количественно охарактеризовать их актуальность и востребованность в научном сообществе. При изучении теоретической литературы отечественных и зарубежных ученых применялся качественный и количественный контент-анализ с последующим статистическим анализом и отражением его результатов в виде графиков и диаграмм, иллюстрирующих процессы формирования, становления и трансформации терминологической базы лингвоперсоналогии. Качественный контент-анализ позволил выявить ключевые термины, количественный – определить частотность их употребления. В статистику включены 4900 публикаций (из них 4505 на русском языке и 395 на немецком языке), отобранные методом контролируемого поиска по ключевым словам. Значительное расхождение в количестве научных работ объясняется разным соотношением публикаций по лингвоперсоналогии в русско- и немецкоязычном научном дискурсе. Результаты исследования указывают на неоднородность терминологического аппарата современной лингвоперсоналогии, вызванную множеством исследовательских подходов и методологических установок, а также стремлением ученых к терминологическому словотворчеству. Акценты в научных трудах отечественных и зарубежных авторов расставляются не идентично, отмечается разная степень интереса к вопросам поли- и билингвизма, языковой интеграции, установления динамики языковой идентичности, теории социально-речевого портретирования и языковой личности, что обосновывает различное смысловое наполнение ключевых понятий в русско- и немецкоязычном научном дискурсе и их недифференцированное употребление. Проведенный сопоставительный анализ терминов способствует углубленному пониманию современного состояния лингвоперсоналогии и может быть полезен для дальнейшей разработки критериев систематизации и уточнения отдельных единиц терминологической системы дисциплины.

Ключевые слова: лингвоперсонология, терминология, языковая личность, речевой портрет, лингвокультурный типаж, языковая идентичность, сопоставительный анализ.

Для цитирования: Кузнецова, Е.Д. (2025). Эволюция понятийной сферы лингвоперсонологии в российском и немецком научном дискурсе. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 7(2), 33–50. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-33-50>

1. ВВЕДЕНИЕ

Современной науке о языке свойственна междисциплинарность и полипарадигмальность, характеризующиеся быстрыми сменами лингвистических парадигм, сосуществованием множества различных трактовок языковых явлений, результатом которых становится перманентно меняющийся образ языка. В текущей гносеологической ситуации возникают интенсивные контакты лингвистики с другими областями знания и социальной жизни человека, происходит развертывание новых научных дисциплин, сфокусированных на изучении человеческого фактора в языке (Постовалова, 2017, с. 18). К таким междисциплинарным исследовательским направлениям, основанным на антропоцентрическом подходе к языку, стоит отнести лингвоперсонологию, возникшую около тридцати лет назад в российском языкознании. Ее стремительное развитие отражается в первую очередь в динамичном обновлении терминологического состава новыми понятийными единицами, лингвоперсонология «активно расширяет границы собственных практических изысканий, что закономерно ведет к углублению ее теоретической базы и формированию собственной терминосистемы» (Чудинов, 2017, с. 26). Подобные тенденции, с одной стороны, свидетельствуют о естественной и органичной эволюции относительно молодой научной дисциплины, привлекающей все большее внимание исследователей, с другой, создают терминологическую избыточность и неоднородность, приводят к подмене понятий и недифференцированному употреблению различных терминов в идентичных контекстах научного дискурса. Данные негативные тренды обусловлены концептуальными различиями в трактовках базовых понятий представителями различных научных школ, разнообразием исследовательских подходов и методологических установок, а также стремлением ученых адаптировать понятийный аппарат к конкретным задачам отдельных проектов.

Значительные расхождения в терминологической системе современной лингвоперсонологии и отсутствие единства в понимании ключевых понятий существенно затрудняют научный диалог, препятствуют потенциальному приращению знания и общему теоретико-методологическому развитию дисциплины. Как следствие, возникает потребность в уточнении и систематизации используемых в научном дискурсе терминов, что и стало целью данной статьи.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При изучении теоретической литературы отечественных и зарубежных ученых применялся качественный и количественный контент-анализ с последующим статистическим анализом и отражением его результатов в виде графиков и диаграмм. Качественный контент-анализ позволил выявить ключевые термины, количественный – определить частотность

их употребления. Графики наглядно демонстрируют динамику развития терминологии, отражая как позитивные, так и негативные тренды функционирования определенных понятийных единиц, отмечают точки возникновения, роста и падения интереса исследователей. Диаграммы выражают процентное соотношение терминов в актуальный период, что делает возможным провести параллели между признанием термина в научных кругах и доминирующей исследовательской позицией. При отборе учитывались лишь те публикации, название которых содержало следующие понятия: языковая (коммуникативная, дискурсивная, риторическая) личность, речевой (языковой, коммуникативный, социолингвистический) портрет, лингвокультурный типаж, лингвоперсонома, речевой паспорт, идиолект – в русскоязычном дискурсе; *Sprachrepertoire*, *Sprachbiographie*, *Spracherleben*, *Sprachidentität*, *Sprachporträt* – в немецкоязычном дискурсе. Согласно методологическим требованиям построения исследования, название, как правило, соответствует предмету исследования. Таким образом, включенные в названия публикаций единицы выступают ключевым компонентом работы.

Основанием для построения графиков стали статистические данные, полученные из электронной библиографической базы *eLibrary*, интегрированной с Российским индексом научного цитирования, а также крупнейшего европейского репозитория научной литературы на иностранных языках *BASE (Bielefeld Academic Search Engine)*. В статистику включены 4900 публикаций (из них 4505 на русском языке и 395 на немецком языке), отобранные методом контролируемого поиска по ключевым словам, а также по данным тематического классификатора Дьюи (*Dewey Decimal Classification*). Этот инструмент привлекался для отбора только немецкоязычных научных статей как средство фильтра, чтобы избежать включения в статистику нерелевантных материалов. Например, если термин «*Sprachporträt*» фигурирует в статье про индустрию развлечений (публика: *sport, games, entertainment*), она не включается в анализ. Значительное расхождение в количестве научных работ объясняется разным соотношением публикаций по интересующей нас тематике в русско- и немецкоязычном научном дискурсе. В зарубежном исследовательском сообществе отсутствует полный аналог отечественной дисциплины «лингвоперсонология», а существующие научные работы, посвященные изучению личности с позиции языка, составляют весьма небольшой процент от общего числа публикаций. Для хронологического представления динамики терминологии был выбран период с 1985 по 2025 гг. (от первого упоминания терминов до настоящего времени). Весь период разбит на временные интервалы по пять лет, что обусловлено достижением большей наглядности при демонстрации диахронического развития основных терминов дисциплины и их точной временной локализации относительно друг друга. Представленные иллюстративные материалы интегрированы в текст статьи и пронумерованы.

2.1. Ограничения исследования

Изучение понятийной сферы современной лингвоперсонологии, основанное на отборе публикаций по избранным ключевым словам, содержащимся в названии научных работ, не претендует на всеохватывающий характер, однако позволяет выявить основные тенденции в личностно-ориентированных лингвистических исследованиях российского и немецкого научного дискурса.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Выдвижение человека в фокус исследовательского внимания обусловлено антропоцентрическим поворотом в лингвистике на рубеже XX-XXI вв. и интересом ученых к многогранной реализации языковой личности. Смена лингвистических парадигм сопровождалась расширением круга вопросов о том, «как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки открыты для его лингвокреативной деятельности и вообще зависят от «человеческого фактора»» (Кубрякова, 1995, с. 215). Само понятие «языковая личность» впервые появляется в научном обороте еще в 30-е годы XX в. одновременно в работах Й.Л. Вайсгербера (1927) и В.В. Виноградова (1930). Тем не менее данное словоупотребление еще не носит строго терминологического характера, так как оно не получает в трудах упомянутых ученых точного определения или подробного толкования. Лишь полвека спустя в отечественной русистике появились первые научные дефиниции рассматриваемого термина. Наиболее хрестоматийным становится определение «языковой личности», предложенное Ю.Н. Карауловым: «...языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» (Караулов, 1987, с. 38). Ученый описывает трехуровневую структуру языковой личности, включающую вербально-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационный уровни. В то же время советский лингвист В.П. Нерознак представляет научному сообществу «лингвоперсонологию» как новую область лингвистических исследований, обозначая предметом ее изучения – языковую личность (Нерознак, 1996).

Согласно разработанным теоретическим концепциям, «за каждым текстом стоит языковая личность». Эту идею поддерживают и следующие поколения ученых, считающие, что описание языковой личности осуществляется на материале созданных ею речевых произведений – антропотекстов (Голев, 2005). На наш взгляд, термин «антропотекст» только сегодня обретает особый смысл, противопоставляя вербальные репрезентации языковой личности человека – «искусственным» текстам, написанным нейросетями. Принимая во внимание текущие лингвистические тренды, актуальные лингвоперсонологические исследования посвящены, например, изучению «виртуальной языковой личности» в цифровом пространстве (Ахренова, 2022), выявлению языковой личности переводчика в целевом тексте (Уланова, 2023), идентификации языковой личности в анонимном тексте, в том числе при помощи современного программного обеспечения (Напреенко, 2024).

Трехуровневой схемы анализа языковой личности Ю.Н. Караулова в различных ее интерпретациях долгие годы придерживались отечественные ученые-лингвисты, а само понятие «языковая личность» приобрело статус оперативного научного термина и стало ключевой метаязыковой единицей лингвоперсонологического анализа. Значение понятия «языковая личность» трудно переоценить, а представленный ниже график демонстрирует ежегодный прирост научных публикаций, посвященных различным аспектам изучения языковой личности (см. Рис. 1). Пик публикационной активности авторов приходится на период с 2015 по 2020 гг., когда число научных работ, в названиях которых встречается рассматриваемый термин, достигло 852. Однако последующий период (с 2020 по 2025 гг.) характеризуется резким спадом интереса (минус 224 публикации).

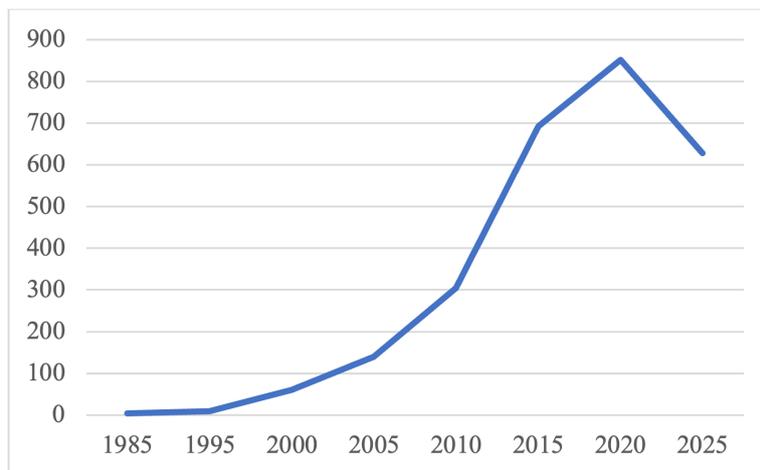

Рис. 1. Частотность употребления термина «языковая личность» в русскоязычном научном дискурсе

В настоящее время в лингвоперсонологии существуют различные подходы к определению объема и содержания понятия «языковая личность». В зависимости от задач конкретной работы встречаются «аспектуальные» термины: *(эмоционально)-коммуникативная личность* (В.В. Красных, Д.С. Мухортов, И.А. Стернин), *риторическая личность* (Л.Н. Колесникова, А.А. Мурашов), *(когнитивно)-дискурсивная личность* (О.А. Михайлова, Л.Н. Синельникова). В самом широком смысле языковую личность представляется возможным трактовать как «теоретически выводимый в опоре на лингвистические процедуры конструкт», некий инвариант, абстракцию от разнообразных вариантов реализации в различных дискурсивных условиях (Гришаева, 2006, с. 17). Тем самым каждый из приведенных выше конкретизирующих терминов раскрывает новый аспект инварианта языковой личности. При этом стоит отметить их неравномерную частотность употребления в текстах научных работ (см. Рис. 2). Первым в терминологическом обращении появляется понятие «коммуникативная личность» (2000 г.), пятью годами позже другие «аспектуальные» термины. Наибольшим ростом характеризуется понятие «дискурсивная личность»: в 2005-2010 гг. отмечается всего 5 публикаций, содержащих термин в названии, а в 2015-2020 гг. уже 28, что говорит о приросте в 5,5 раз. Для сравнения количество упоминаний термина «коммуникативная личность» увеличилось за указанный период лишь в 1,5 раза. Динамика понятия «риторическая личность» – скачкообразна, в текущий период демонстрирует негативный тренд, на что указывает кривая графика.

Обновление терминологического аппарата и наблюдаемый в последние несколько лет спад количества публикаций по общей теории языковой личности, вероятно, связан с окончанием эпохи лингвистических исследований в отрыве от коммуникативных и дискурсивных аспектов реализации человеческого фактора в языке. Актуальные исследования в области лингвоперсонологии проводятся преимущественно в рамках когнитивно-дискурсивной или функционально-коммуникативной парадигмы, что определяет терминологические предпочтения авторов и смещение исследовательских акцентов в сторону более конкретных аспектов изучения языковой личности. Некоторые исследователи констатируют потерю термином «эвристического заряда» или даже выражают скепсис в отношении его правомерности – любая личность априори выступает языковой, так как она формируется в процессе

воспитания и социализации человека, «безъязыковая» личность невозможна, а значит термин в некоторой степени избыточен (Богомолова, 2024). Современные лингвисты все чаще прибегают в научных работах к оперированию альтернативными понятиями, такими как «лингвокультурный типаж» или «речевой портрет».

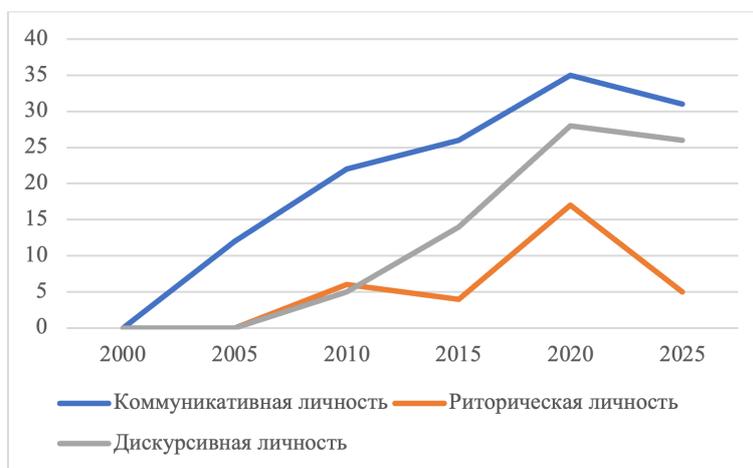

Рис. 2. Частотность употребления «аспектуальных терминов» в русскоязычном научном дискурсе

3.1. Лингвокультурный типаж vs. речевой портрет

Термин «лингвокультурный типаж» вводят в научный обиход представители Волгоградской лингвистической школы (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, Е.А. Ярмахова), отталкиваясь от «типажа» как некоего шаблона поведения, включающего определенные речевые характеристики и соотносимого с известными в конкретном лингвокультурном сообществе личностями. Так, лингвокультурным типажом обозначается «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» (Карасик, 2007, с. 88). По определению исследователей, лингвокультурный типаж выступает абстрактным ментальным образованием и в исследовательском отношении представляет собой скорее разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность. Тем самым лингвокультурный типаж представляет собой единицу высокого уровня обобщения, схематично изображающую представителей определенных этносоциальных групп в познавательном и ценностном аспектах, что в дальнейшем дает возможность их упрощенной или карикатурной репрезентации (Гуляева, 2011, с. 184).

Термин «лингвокультурный типаж» взаимодействует с другими смежными понятиями, характеризующими «человека говорящего» сквозь призму его речевого поведения. Среди них следует отметить «персонаж», «амплуа», «речевая маска», «стереотип», «имидж». Однако, в отличие от «стереотипа» или «персонажа», употребляемых преимущественно в исследованиях в области литературоведения, лингвокультурный типаж привязан к существующей или существовавшей в прошлом реальной личности, а в сравнении с «маской» или «имиджем», служащих инструментом намеренного формирования общественного мнения, типаж возникает бессознательно и стихийно в результате развития лингвокультурного сообщества (Дмитриева, Карасик 2005, с. 20).

Одной из самых употребительных терминологических единиц в понятийной системе современной лингвоперсонологии выступает «речевой портрет». Термин «портрет» заимствован из французского языка, где глагол «*portraire*» ранее означал «воспроизводить что-либо черта в черту», в широком смысле слова обозначает «изображение или описание какого-либо человека, группы людей, существующих или существовавших в реальной действительности, в том числе художественными средствами» (Фасмер, 2007).

В связи с явным метафорическим потенциалом понятия «портрет», позволяющим различные исследовательские интерпретации, появилось большое количество вариативных терминов, зачастую дублирующих друг друга или представляющих различные аспекты реализации исходного понятия: речевой, языковой, коммуникативный или социолингвистический портрет. Довольно размытой представляется грань в трактовке данных понятий, так как пока не существует общепринятых нормативов употребления, а термины в большинстве своем не систематизированы. Вместе с тем исследователи не отрицают того факта, что портрет в целом – явление собирательное и многогранное, для объективного охвата различных сторон портретируемой личности и были выделены «аспектуальные» термины. Коммуникативный портрет, например, наиболее близко соприкасается с прагматикой, акцентируя коммуникативные стратегии и тактики говорящего, его коммуникативные потребности и компетенции, а социолингвистический портрет основан на социальной идентичности личности, идущей от проблем принадлежности к социуму, культуре, субкультуре.

Одними из первых к исследованию речевого портрета обратились отечественные ученые М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, составившие русский речевой портрет. Однако основной акцент был сделан на описании произносительных предпочтений говорящего и вариативности орфоэпических норм (Китайгородская, Розанова, 1995). Вопросами речевого портретирования в различных аспектах сегодня занимаются и другие видные представители научных школ лингвоперсонологии: Уральской школы политической лингвистики (А.П. Чудинов, Н.Б. Руженцова, Е.А. Нахимова, М.В. Никифорова), Сибирской школы лингвоперсонологии (Н.Д. Голев, Е.Н. Татаринцева, Е.В. Иванцова), Волгоградской лингвистической школы (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, И.В. Гуляева, Е.В. Ярмахова). При определении речевого портрета ученые часто обращаются к дефиниции, предложенной Г.Г. Матвеевой: «речевой портрет есть набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» (Матвеева, 1993, с. 14).

Несмотря на параллельный рост количества упоминаний альтернативных терминов «речевой портрет» и «лингвокультурный типаж», бóльшим признанием в научном сообществе пользуется понятие «речевой портрет», что наглядно демонстрирует представленный ниже график (см. Рис. 3). Термин «речевой портрет» показывает уверенный рост на каждом временном отрезке длиной в пять лет, а понятие «лингвокультурный типаж» по частоте употребления довольно быстро выходит на плато. Совокупное число научных работ с упоминанием речевого портрета, изданных за весь период, почти вдвое превышает количество работ, посвященных изучению лингвокультурного типажа: 683 публикации против 355. Заданный тренд объясняется большей продуктивностью термина и его методологической пригодностью для широкого круга исследований. «Речевой портрет» предстает более универсальным понятием в силу его потенциала выступать маркером как индивидуальной, так и коллективной личности, а также отражать характеристики как конкретного, реально существующего человека, так и некоего абстрактного виртуального героя, например, одного из действующих лиц литературного произведения.

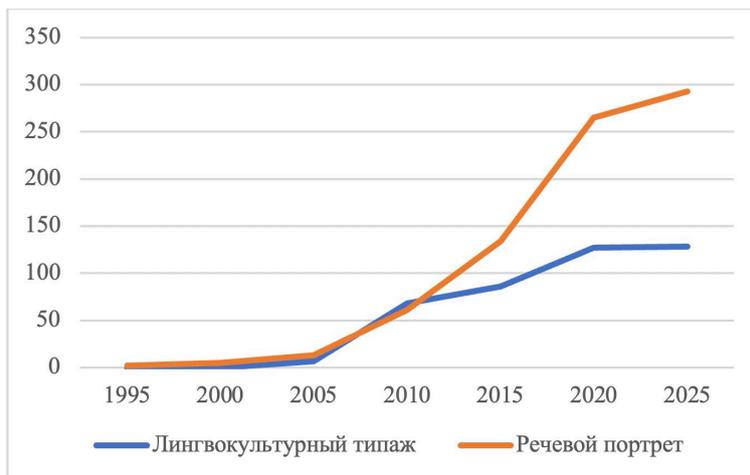

Рис. 3. Частотность употребления терминов «речевой портрет» и «лингвокультурный типаж» в русскоязычном научном дискурсе

В научных работах по лингвоперсоналогии наряду с упомянутыми ранее понятиями встречаются такие терминологические единицы, как «речевой паспорт» (В.И. Карасик), «идиолект» (В.А. Виноградов), лингвоперсона (А.Б. Алексеев). Для визуализации терминологических отношений нами были построены диаграммы, выражающие процентное соотношение между терминологическими инвариантами «личность» и «портрет», включающими все конкретизирующие понятия, с другими наиболее частотными терминами рассматриваемой дисциплины. В дополнение была установлена внутренняя корреляция между «аспектуальными» терминами в рамках каждой группы (см. Рис. 4).

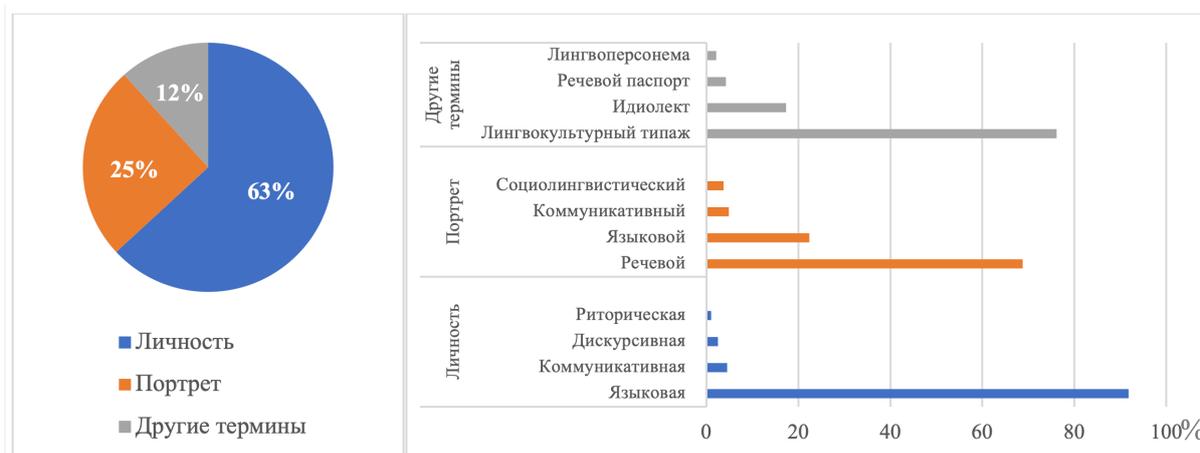

Рис. 4. Процентное соотношение «аспектуальных терминов» в русскоязычном научном дискурсе

Из представленной диаграммы становится очевидной доминирующая позиция термина «языковая личность» и его конкретизирующих понятий (63% от общего числа употреблений терминов). Языковая личность, избранная первоначальным объектом лингвоперсоналогических исследований, находится, с нашей точки зрения, в гиперо-гипонимических

отношениях с другими терминами научной дисциплины, используемыми для описания феномена «человека говорящего», и выступает родовым понятием по отношению к множественным «аспектуальным» терминам.

3.2. Структура терминологии в немецкоязычном научном дискурсе

Для формирования полноценной картины об актуальном состоянии и специфике терминологического аппарата современной лингвоперсонологии необходимо провести параллели с научными работами иностранных авторов и установить соотношение между терминами в российском и немецком научном дискурсе. Анализ литературы показал, что в зарубежном научном сообществе нет прямого аналога дисциплины «лингвоперсонология» как самостоятельного исследовательского направления. Однако, в 80-е годы XX в. западная научная мысль также переживает значительные изменения, вызванные переходом к новой антропоцентрической парадигме знания и переосмыслением роли языка в жизни человека. В социогуманитарных науках все большее значение приобретает изучение личности человека и ее влияния на восприятие действительности, социальное поведение и процессы принятия решений, характер коммуникации и выбора языковых средств, что подчеркивает тенденцию постепенного перехода к междисциплинарности лингвистических исследований. Общее направление изучения личности получило в немецкоязычном дискурсе лаконичное наименование «*Persönlichkeitsforschung*», а сам личностно-ориентированный подход обозначается в научных публикациях как «*der personenbezogene Ansatz der sozialwissenschaftlichen Forschung*».

Интерес зарубежных ученых к изучению человеческого фактора в языке выражен в ряде смежных научных направлений. Так, под влиянием провозглашенного М. Крейвортом (1992) «нарративного поворота» (англ. *narrative turn*) в фокус прикладной лингвистики попадает человек и его языковая история, что определяет появление исследовательского направления языковой биографии личности (нем. *Sprachbiographische Untersuchungen, Sprachbiografik*). Основными терминологическими единицами дисциплины выступают следующие понятия: языковой портрет (*Sprachenportrait / Sprachporträt*), языковой репертуар (*Sprachrepertoire*), языковая биография (*Sprachbiographie*). В англоязычном научном дискурсе используются терминологические обозначения «*language portrayals*», «*language profiles*», «*language diaries and journals*», «*language biographies and autobiographies*», «*language memories*» (Pavlenko, 2007). При этом необходимо отметить, что понятия, встречающиеся в публикациях иностранных авторов, часто не соответствуют терминам русскоязычного научного дискурса, применяемым в работах по лингвоперсонологии, а идентичная внешняя форма слов оказывается обманчивой, препятствуя верной идентификации терминов и стоящих за ними лингвистических явлений. Например, понятие «*Sprachenportrait*» трактуется как способ визуализации языкового опыта многоязычного человека. Данную методику впервые описал немецкий ученый Х. Крум, предложив участникам эксперимента заполнить изображенный силуэт человека различными цветами, ассоциированными с определенными языками, и локализовать их согласно собственным ощущениям (Krumm, 2001). Подобные портреты позволяют исследователям установить индивидуальные стратегии усвоения языка в эмоционально-функциональном аспекте и выявить скрытые проблемы в процессе языковой интеграции (Seel, 2020). Позже данную метафорико-символическую функцию установления языковой идентичности описала в своих работах Б. Буш, дополнив теорию понятием «языкового переживания» (*Spracherleben*) (Busch, 2018).

Принципиально иное смысловое наполнение термина «портрет» можно увидеть при изучении немецкоязычных работ в области диалектологии или лингвистической типологии, где совокупность основных структурных характеристик языка и наблюдаемых закономерностей метафорически именуется его собирательным портретом, необходимым для дальнейшей классификации или картирования языков. Примеры подобного терминологического употребления: 1) *Das Deutsche: auf dem Weg zu einem Sprachporträt* (Немецкий язык: на пути к языковому портрету), 2) *Stadtberndeutsch. Sprachporträts aus der Stadt Bern* (Языковые портреты города Берн), 3) *Sprachporträt Katalanisch* (Языковой портрет: каталанский) и др.

Центральный для лингвоперсонологии термин «языковая личность», несмотря на высокую частотность употребления в научных трудах отечественных ученых, не был полноправно принят зарубежным исследовательским сообществом. Поиск по международным базам данных «ScienceDirect» и «Semantic Scholar» показал, что понятие «языковая личность» в переводной кальке «*Sprachpersönlichkeit*» встречается исключительно в работах русскоязычных авторов (см. напр. (Kostomarov, 2014; Bagirova, 2024)). Кроме того, авторитетный корпус немецкоязычной научной литературы Института немецкого языка им. Лейбница (*Institut für Deutsche Sprache*) вовсе демонстрирует отсутствие каких-либо публикаций, содержащих лексический компонент «*Sprachpersönlichkeit*». Отдельные словоупотребления данного понятия зафиксированы в немецкоязычном рекламном дискурсе как окказиональный элемент для привлечения внимания к различного рода курсам, в том числе по ораторскому мастерству (*Sprachpersönlichkeit-Training*) (König, n.d.). Таким образом, термины «языковая личность» и «*Sprachpersönlichkeit*» обладают различным ассоциативным потенциалом и находятся в логических отношениях подчинения, так как исходное понятие русского языка характеризуется большей семантической широтой.

Наиболее равнозначным с рассматриваемых позиций логико-семантических отношений выступает термин «языковая идентичность», в англо- и немецкоязычном научном дискурсе «*linguistic identity*» и «*Sprachidentität*» соответственно. Немецкий ученый Г. Цифонун в своей статье «В поисках идентичности» пишет, что в современных социогуманитарных науках понятие «идентичность» стало возможным причислить к так называемым «пластиковым словам», характеризующимся плюрализмом трактовок и затемненным значением, с трудом поддающимся однозначной интерпретации в рамках конкретного контекста. Исследователь отмечает, что идентичность может быть как коллективной (*Wir-Perspektive*), так и индивидуальной (*Ich-als-Objekt (das Selbst)*), подразделяться на внешнюю и внутреннюю (*äußere und innere Identität*), языковую, национальную или личную идентичность (*sprachliche, nationale, persönliche Identität*). Ссылаясь на дефиниции термина в философских трудах, а также на определения аналогичного слова (англ. *identity* / фр. *identité*) в словарях английского и французского языков, исследователь подчеркивает, что идентичность есть «самость» человека в определенных обстоятельствах и в конкретный период времени, его индивидуальность (*Individualität*) и личность (*Persönlichkeit*) (Zifonun, 2002). Тем самым, в контексте социолингвистических исследований, где языковая идентичность помогает исследователю ответить на вопрос, какую функцию выполняют избранные человеком языковые средства в данной социальной ситуации, языковая идентичность сближается с понятием языковой личности в трактовке отечественных исследователей. Поэтому в большинстве случаев наиболее точным и полным относительно объема исходного понятия будет выступать вариант «*Sprachidentität*» (вариативно: «*sprachliche Identität*»).

Обзор научных работ зарубежных авторов позволил выявить основные термины личностно-ориентированных исследовательских направлений. В немецкоязычном дискурсе, в частности, к ним относятся такие термины, как «Sprachbiographie» (языковая биография), «Spracherleben» (языковое переживание), «Sprachporträt» (языковой портрет), «Sprachrepertoire» (языковой репертуар), «Sprachidentität» (языковая идентичность). На единых методологических основаниях, как и в случае с терминами отечественной лингвоперсонологии, были построены графики, отражающие отношения данных терминов в научных работах зарубежных ученых и демонстрирующие динамику их развития в диахронии (см. Рис. 5; Рис. 6). Источником данных послужил один из крупнейших репозиториев научной литературы европейских авторов BASE (Bielefeld Academic Search Engine), содержащий более 420 миллионов публикаций. В статистику были включены 395 научных работ на немецком языке, посвященных различным аспектам актуализации личности в языке.

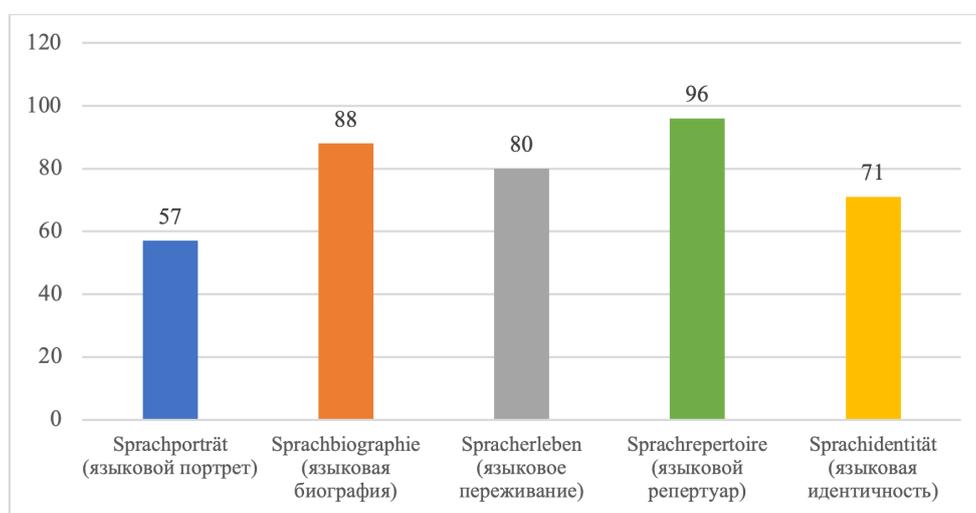

Рис. 5. Количественное соотношение терминов немецкоязычного научного дискурса

Представленная выше диаграмма демонстрирует отсутствие терминологической неоднородности в немецкоязычном научном дискурсе (см. Рис. 5). Термины характеризуются примерно идентичной частотностью употребления в публикациях зарубежных ученых: «Sprachrepertoire» (языковой репертуар) (96), «Sprachbiographie» (языковая биография) (88), «Spracherleben» (языковое переживание) (80), «Sprachidentität» (языковая идентичность) (71), «Sprachporträt» (языковой портрет) (57). Как показал обзор научных работ, понятия относительно четко разграничены друг от друга и закреплены за конкретной исследовательской областью, что помогает избежать терминологической путаницы. Исключение может составить лишь калькированный термин «Sprachporträt» (языковой портрет), который встречается как в работах по литературоведению, сравнительной лингвистике, типологии, миграционной лингвистике и многоязычию, что, на наш взгляд, можно обосновать его многократным заимствованием из трудов представителей зарубежных научных школ с отличающимися исследовательскими традициями. Предложенную гипотезу подтверждает функционирование термина в статьях на немецком языке в различных вариациях написания (прямой перевод, ассимилированная форма, сохранение французской внешней формы слова и др.).

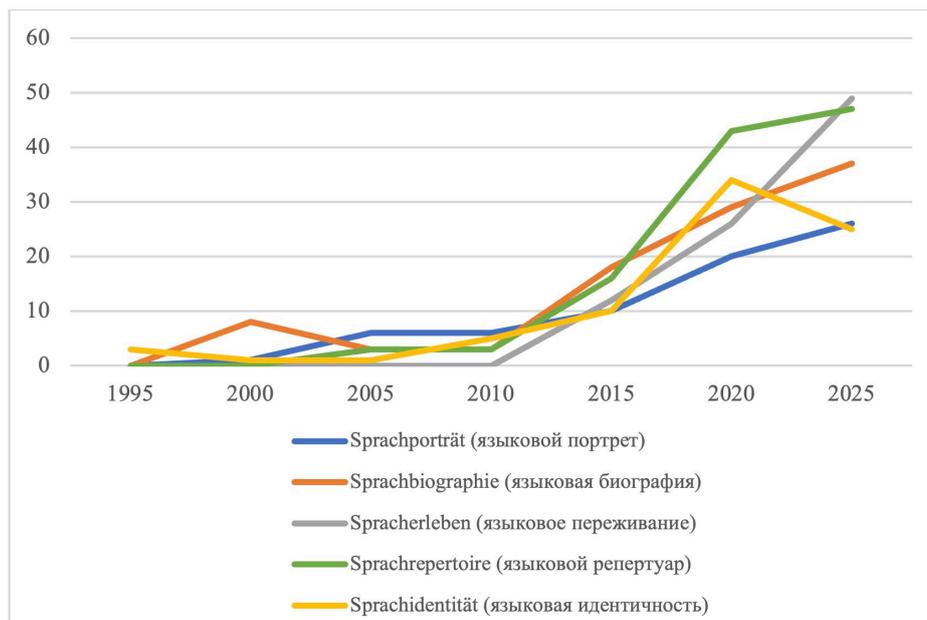

Рис. 6. Развитие немецкоязычных терминов в диахронии

При изучении динамики терминов в диахронии стоит также подчеркнуть их идентичную скорость развития относительно друг друга (см. Рис. 6). График показывает, одними из первых в научном обращении зарубежных авторов появились термины «Sprachbiographie» и «Sprachidentität» (впервые встречаются в 1995 г.), что обусловлено так называемым «нарративным поворотом» и общим стремлением ученых к междисциплинарности, например, к рассмотрению социальной и гендерной идентичности человека сквозь призму его языка, что и позволило говорить о языковой идентичности личности. Особенно показательным является период с 2010 года, когда количество упоминаний рассматриваемых терминов поднялось с практически нулевых показателей в среднем до 35-45. Самым резким всплеском интереса ученых в 2015-2020 гг., отразившимся в количестве упоминаний термина в научных работах, отличается понятие «Sprachidentität» (языковая идентичность). Отмечаемый семикратный рост (с 5 до 35 научных работ в рассматриваемый период) определяется экстралингвистическими факторами, а именно миграционным кризисом в Европе, в частности в Германии, что направило внимание исследователей на проблемы языковой интеграции и языкового самопозиционирования, для выражения которого активно применялся данный термин. Однако открытым остается вопрос о причинах наблюдаемого в последние несколько лет спада в употреблении термина, что может стать темой отдельного исследования.

На основании графиков сделан вывод о постепенном росте числа упоминаний терминов после их представления научному сообществу, что отражает высокую степень преемственности и согласованности терминологического употребления в немецкоязычном научном сообществе. Перспектива развития темы, на наш взгляд, состоит в развернутом анализе личностно-ориентированных подходов в смежных областях немецкоязычной лингвистики.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенного сопоставительного анализа терминологической системы современной лингвоперсонологии в русско- и немецкоязычном научном дискурсе, стоит отметить высокий интерес к феномену «человека в языке» как отечественных, так и зарубежных исследователей, вызванный общим антропоцентрическим поворотом в социогуманитарных науках. Все большее значение для ученых стал приобретать личностно-ориентированный подход (нем. *sprecher*innenzentrierte Zugänge*, англ. *personality approaches to studying language*), что отражается в формировании новых самостоятельных лингвистических направлений, таких как лингвоперсонология или языковая биография (нем. *Sprachbiographische Untersuchungen*). Однако в силу различия исследовательских традиций, обусловленных в том числе экстралингвистическими факторами (особенности языковой политики Европейского союза, миграционные кризисы и др.), акценты в научных трудах отечественных и зарубежных ученых расставляются не идентично, отмечается разная степень интереса к вопросам поли- и билингвизма, языковой интеграции, установления динамики языковой идентичности, теории социально-речевого портретирования и языковой личности. Данный факт объясняет различное смысловое наполнение ключевых понятий в российском и зарубежном научном дискурсе, что приводит к значительным терминологическим расхождениям, недифференцированному употреблению терминов или их множественному заимствованию. Кроме того, одной из характерных особенностей современной лингвоперсонологии выступает терминологическое словотворчество представителей различных школ и направлений, стремящихся рассмотреть «человека в языке» с разнообразных методологических позиций: когнитивных, лингвокультурных, психолингвистических, дискурсивных. Так, наиболее универсальные и употребительные в русскоязычном научном сообществе термины «языковая личность» и «речевой портрет» дополняются новыми конкретизирующими понятиями. В зависимости от избранной методологии исследования в текстах научных работ встречаются «аспектуальные» термины: «коммуникативная личность», «дискурсивная личность», «риторическая личность», «социолингвистический портрет», «языковой портрет», «коммуникативный портрет». Представители различных отечественных школ лингвоперсонологии вводят также новые термины, такие как «речевой паспорт» или «лингвоперсонама». В немецкоязычном научном дискурсе, напротив, большей частотностью употребления характеризуются четко разграниченные термины, характерные для конкретного исследовательского направления, например «*Sprachbiographie*» (языковая биография) или «*Spracherleben*» (языковое переживание). В то время как термин «*Sprachporträt*» (языковой портрет), обладающий наибольшим семантическим объемом и встречающийся в широких научных контекстах от типологии до социолингвистики, характеризуется наименьшим количеством употреблений из всех рассматриваемых терминов. Тем не менее понятийная система немецкоязычного научного дискурса отличается большей однородностью и внутренней согласованностью, а выявленные термины («*Sprachbiographie*» (языковая биография), «*Spracherleben*» (языковое переживание), «*Sprachporträt*» (языковой портрет), «*Sprachrepertoire*» (языковой репертуар), «*Sprachidentität*» (языковая идентичность)) обладают примерно идентичной частотностью употребления, что наглядно демонстрирует разницу в структуре современного терминологического аппарата отечественной и зарубежной лингвоперсонологии.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахренова Н.А., Милякова В.В. Языковая личность vs виртуальная языковая личность // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 1(60). С. 10-20. doi:10.37724/RSU.2022.60.1.001
2. Богомолова А.В. Языковая личность vs дискурсивная личность: от общего к частному // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 3. С. 5-19. doi: 10.25205/1818-7935-2024-22-3-5-19
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1927.
4. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.: Наука, 1930.
5. Голев Н.Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности (лингвоперсономы) // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций», Барнаул, 12-16 апреля 2005 г. Барнаул, 2005. С. 84-86.
6. Гришаева Л.И. Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «языковая личность» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №1. С. 16-22.
7. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. №3. С. 184-187.
8. Дмитриева О.А., Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5-25.
9. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс. 2007. №5. С.86-89.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Просвещение, 1987.
11. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. Москва, 1995.
12. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. Москва: Изд. РГГУ, 1995.
13. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.
14. Напреенко Г.В. Программные возможности идентификации текстов: сопоставление на схожесть, установление тождества, проверка на уникальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. №3 (485). С. 55-65. doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-55-65
15. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. научных трудов. Москва: Изд. МГЛУ, 1996. С. 112-116.
16. Постовалова В.И. О внутринаучной рефлексии в гуманитарном познании (Пролегомены к металингвокультурологии) // Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты / И.В. Зыкова. Москва: Гнозис, 2017. С. 8-25.
17. Уланова Е.Э. Вербальная репрезентация языковой личности устного переводчика: синтаксический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. №2(113). С. 146-158. doi:10.23859/1994-0637-2023-2-113-12

18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах. Москва: АСТ, 2007.
19. Чудинов А.П., Никифорова М.В. Лингвополитическая персонология: методологические основы и методика анализа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. №1. С. 22-29.
20. Bagirova G. Die sprachliche Persönlichkeit im künstlerischen Diskurs: Linguokultureller Aspekt. Verlag Unser Wissen, 2024.
21. Busch B. Das Sprachenportrait in der Mehrsprachigkeitsforschung // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. 2018. Vol. 93. S. 53-70.
22. König G. Autor, Publikationsberater, Sprachpersönlichkeits – Trainer [Электронный ресурс]. URL: <https://gerdkoenig.com> (дата обращения: 27.01.2025).
23. Kostomarov P.I. Anthropozentrismus und Sprachpersönlichkeit // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 3-4. S. 181-184.
24. Kreiswirth M. Trusting the tale: The narrativist turn in the human sciences // New Literary History. 1992. Vol. 23, No. 3. P. 629-657.
25. Krumm H.-J., Jenkins E.-M. Kinder und ihre Sprachen – lebendige Mehrsprachigkeit: Sprachenportraits gesammelt und kommentiert von Hans-Jürgen Krumm. Wien: Eviva, 2001.
26. Pavlenko A. Autobiographic Narratives as Data in Applied Linguistics // Applied Linguistics. 2007. 28(2). P. 163-188. doi: 10.1093/applin/amm008
27. Seel L. Das Sprachporträt als soziolinguistische Methode: Zur Sprachintegration multilingualer Migrant*innen aus Afrika im Rhein-Main-Gebiet // Arbeitspapiere des Instituts für Ethnologie und Afrikastudien. № 191. S.1-39. Mainz, 2020.
28. Zifonun G., Strauß G. Auf der Suche nach Identität // Ansichten der deutschen Sprache. Festschrift für Gerhard Stickel zum 65. Geburtstag. Tübingen: Narr, 2002. S. 165-213.

REFERENCES

1. Akhrenova, N.A., & Milyakova, V.V. (2022). Yazykovaia lichnost' vs virtual'naia iazykovaia lichnost' [Language personality vs virtual language personality]. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]*, 1(60), 10-20 (in Russian). doi:10.37724/RSU.2022.60.1.001
2. Bagirova, G. (2024). *Die sprachliche Persönlichkeit im künstlerischen Diskurs: Linguokultureller Aspekt [The linguistic personality in the artistic discourse: linguocultural aspect]*. Berlin: Verlag Unser Wissen (in German).
3. Bogomolova, A.V. (2024). Yazykovaia lichnost' vs diskursivnaia lichnost': ot obshchego k chastnomu [Linguistic personality vs discursive personality: from the general to the specific]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication]*, 22(3), 5-19 (in Russian). doi:10.25205/1818-7935-2024-22-3-5-19
4. Busch, B. (2018). Das Sprachenportrait in der Mehrsprachigkeitsforschung [The language portrait in multilingualism research]. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie [Osnabrück papers on language theory]*, 93, 53-70 (in German).
5. Chudinov, A.P., & Nikiforova, M.V. (2017). Lingvopoliticheskaya personologiya: metodologicheskie osnovy i metodika analiza [Linguopolitical personology: methodological foundations and methods of analysis]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 1, 22-29 (in Russian).

6. Dmitrieva, O.A., & Karasik, V.I. (2005). Lingvokul'turnyi tipazh: k opredeleniiu poniatia [Linguistic and cultural type: towards the definition of the concept]. In V.I. Karasik (Ed.), *Aksiologicalicheskaia lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi [Axiological linguistics: linguistic and cultural types]* (pp. 5-25). Volgograd: Paradigma (in Russian).
7. Fasmer, M. (2007). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]*. Moscow: AST (in Russian).
8. Golev, N.D. (2005). Lingvopersonologiya, antropotekst, tipy yazykovoi lichnosti (lingvopersonomy) [Linguopersonology, anthropotext, types of linguistic personality (linguopersonemes)]. In *Universitetskaya filologiya – obrazovaniyu: chelovek v mire kommunikatsii: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikativistika v sovremennom mire: chelovek v mire kommunikatsii» [University Philology for Education: A Human in the World of Communication: proceedings of the International scientific conference “Communication studies in the modern world: human in the world of communication], Barnaul, Russia, April 12-16, 2005* (pp. 84-86). Barnaul (in Russian).
9. Grishaeva, L.I. (2006). Individual'noe ispol'zovanie iazyka i kognitivno-diskursivnyi invariant «iazykovaia lichnost'» [Cultural identity and discourse]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 1*, 16-22 (in Russian).
10. Gulyaeva, E.V. (2011). Lingvokul'turnyi tipazh «politik» v sovremennom rossiiskom diskurse [Linguo-cultural type “Russian politician”]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 3(37)*, 184-187 (in Russian).
11. Karasik, V.I. (2007). Lingvokul'turnyi tipazh [Linguistic and cultural type]. *Yazyk. Tekst. Diskurs [Language. Text. Discourse], 5*, 86-89 (in Russian).
12. Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkii yazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and linguistic personality]*. Moscow: Prosveshchenie [Education] (in Russian).
13. Kitaigorodskaya, M.V., & Rozanova, N.N. (1995). *Russkii rechevoi portret [Russian speech portrait]*. Moscow: Fonokhrestomatiia [Phonotextbook] (in Russian).
14. König, G. (n.d.). *Autor, Publikationsberater, Sprachpersönlichkeits – Trainer [Author; publication consultant, language personality trainer]*. Retrieved 2025, January 27, from <https://gerdkoenig.com> (in German).
15. Kostomarov, P.I. (2014). Anthropozentrismus und Sprachpersönlichkeit [Anthropocentrism and language personality]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 3-4*, 181-184 (in German).
16. Kreiswirth, M. (1992). Trusting the tale: The narrativist turn in the human sciences. *New Literary History, 23(3)*, 629-657.
17. Krumm, H.-J., & Jenkins, E.-M. (2001). *Kinder und ihre Sprachen – lebendige Mehrsprachigkeit: Sprachenportraits gesammelt und kommentiert von Hans-Jürgen Krumm [Children and their languages - lively multilingualism: language portraits collected and commented by Hans-Jürgen Krumm]*. Wien: Eviva (in German).
18. Kubriakova, E.S. (1995). Evoliutsiia lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt pradiplomal'nogo analiza) [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigmatic analysis)]. In *Yazyk i nauka kontsa 20 veka [Language and science of the late 20th century]* (pp. 144-238). Moscow: RSUH Publisher (in Russian).
19. Matveeva, G.G. (1993). *Skrytye grammaticheskie znacheniiia i identifikatsiia sotsial'nogo litsa («portreta») govoriashchego [Hidden grammatical meanings and identification of the speaker's social face («portrait»)]* [PhD thesis, Saint-Petersburg] (in Russian).

20. Napreenko, G.V. (2024). Programmnye vozmozhnosti identifikatsii tekstov: sopostavlenie na skhozhest', ustanovlenie tozhdestva, proverka na unikal'nost' [Software capabilities for text identification: comparison for similarity, identity establishment, uniqueness check]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 3 (485), 55-65 (in Russian). doi: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-55-65

21. Neroznak, V.P. (1996). Lingvisticheskaia personologiya: k opredeleniiu statusa distsipliny [Linguistic Personology: towards determining the status of the discipline]. In *Yazyk. Poetika. Perevod [Language. Poetics. Translation]: collection of scientific articles*. Moscow: MSLU, 112-116 (in Russian).

22. Pavlenko, A. (2007). Autobiographic Narratives as Data in Applied Linguistics. *Applied Linguistics*, 28(2), 163-188. doi: 10.1093/applin/amm008

23. Postovalova, V.I. (2017). O vnutrinauchnoi refleksii v gumanitarnom poznanii (Prolegomeny k metalingvokul'turologii) [On intrascientific reflection in humanitarian cognition (Prolegomena to metalinguoculturology)]. In I.V. Zykova, *Metazyk lingvokul'turologii: konstanty i variant [The metalanguage of linguoculturology: constants and variants]* (pp. 8-25). Moscow: Gnozis (in Russian).

24. Seel, L. (2020). Das Sprachporträt als soziolinguistische Methode: Zur Sprachintegration multilingualer Migrant*innen aus Afrika im Rhein-Main-Gebiet [The language portrait as a socio-linguistic method: On the language integration of multilingual migrants from Africa in the Rhine-Main area]. *Arbeitspapiere des Instituts für Ethnologie und Afrikastudien [Papers of the Institute of Ethnology and African Studies]*, 191, 1-39 (in German).

25. Ulanova, E.E. (2023). Verbal'naia reprezentatsiia yazykovoï lichnosti ustnogo perevodchika: sintaksicheskii aspekt [Verbal representation of the interpreter's linguistic personality: syntactic aspect]. *Cherepovets State University Bulletin*, 2(113), 146-158 (in Russian). doi: 10.23859/1994-0637-2023-2-113-12

26. Vaisgerber, I.L. (1927). *Rodnoi yazyk i formirovanie dukha*. Moscow (in Russian).

27. Vinogradov, V.V. (1930). *O khudozhestvennoi proze*. Moscow: Nauka (in Russian).

28. Zifonun, G., & Strauß, G. (2002). Auf der Suche nach Identität [In search of identity]. In *Ansichten der deutschen Sprache. Festschrift für Gerhard Stickel zum 65. Geburtstag [Views of the German language. Publication for Gerhard Stickel for his 65th birthday]* (pp. 165-213). Tübingen: Narr (in German).

Информация об авторе:

Кузнецова Екатерина Дмитриевна – аспирант кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Москва, Россия). ORCID ID: 0009-0007-5619-5360.

Получено: 14 февраля 2025 г.

Принято к публикации: 7 мая 2025 г.

THE EVOLUTION OF KEY TERMS IN RUSSIAN AND GERMAN PERSONALITY RESEARCH TRADITION

Ekaterina D. Kuznetsova

MGIMO University

(Moscow, Russia)

rio14032014@gmail.com

Abstract: The evolving field of linguistic personality studies exhibits significant terminological variation, particularly between Russian and German academic discourse. This heterogeneity can impede clear communication, systematic development, and comparative research within the discipline. The article aims to explore the diachronic evolution of key terms in the conceptual framework of linguistic personality studies in these two academic traditions, identify fundamental terms, their variability, and emerging trends. The study determines the proportional distribution of the most frequently used terms, enabling a quantitative characterization of their relevance and demand in the academic community. A qualitative and quantitative content analysis was applied to the theoretical literature. This was followed by a statistical analysis to quantify and visualize results using graphs and diagrams. It is necessary for illustrating the formation, development, and transformation of the terminological corpus of personality-oriented linguistics. The qualitative content analysis identified key terms, while the quantitative approach measured their frequency of use. The analysis was conducted on 4900 academic publications (4505 Russian, 395 German), selected via controlled keyword searches. The significant difference in the number of research papers can be explained by the different proportions of publications in the field of Russian and German linguistic personality studies. The results highlight the heterogeneity of the terminological framework in linguistic personality studies, shaped by a diversity of research approaches, methodological paradigms, and researchers' inclination toward terminological innovation. Notably, distinct thematic focuses and varying degrees of interest in specific areas (e.g., bilingualism, language identity dynamics) were observed between Russian and German scholarship, contributing to different semantic interpretations and usage of key concepts. The conducted comparative analysis provides a deeper understanding of the current state of linguistic personality theory and may serve as a foundation for further improvement of classification criteria in the terminological system of the discipline.

Keywords: linguistic personality studies, terminology, linguistic identity, linguistic personality, speech portrait, comparative analysis.

How to cite this article: Kuznetsova, E.D. (2025). The Evolution of Key Terms in Russian and German Personality Research Tradition. *Professional Discourse & Communication*, 7(2), 33–50 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-33-50>

About the Author:

Ekaterina D. Kuznetsova is a PhD student in the Department of German Language at MGIMO University (Moscow, Russia). Her research focuses on linguistics, with a particular interest in linguistic personality studies and discourse analysis. ORCID ID: 0009-0007-5619-5360.

Received: February 14, 2025.

Accepted: May 7, 2025.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-51-72>

PRAGMATIC STRATEGIES IN MEDICAL ENCOUNTERS WITH MENTAL HEALTH PATIENTS IN NIGERIA

Bolanle Idowu Akeredolu-Ale
Federal University of Agriculture
(Abeokuta, Nigeria)
bolanlekassal@gmail.com

Ayo Osisanwo
University of Ibadan
(Ibadan, Nigeria)
ayosisdelexus@yahoo.com

Emmanuel Chinaguh
Federal University of Agriculture
(Abeokuta, Nigeria)
chuksnaguh@gmail.com

Abstract: Effective communication is critical in mental health care, as language shapes therapeutic outcomes and patient experiences. In Nigeria, where mental health care is under-resourced, the role of pragmatic strategies in medical encounters remains underexplored, despite their impact on patient outcomes. This research sought to characterize the key pragmatic acts employed as communication strategies during medical consultations with mental health patients in Nigeria and to elucidate their role in facilitating effective diagnosis and treatment. A qualitative design was employed at the Neuropsychiatric Hospital, Aro, Abeokuta. Seven medical encounters (average length 10 min 17s; range 2m 18s - 29m 26s) were audio-recorded between March and June 2022 with ethical approval and informed consent. Data were transcribed, translated, and analyzed using Mey's (2001) Pragmatic Acts Theory. Findings show that mental health practitioners deployed six preponderant pragmatic acts as linguistic strategies to aid the diagnosis and treatment processes of mental health patients in Nigeria. The pragmatic acts are counselling, interjectory, suggesting, inquiring, re-assessing, and assuring. Respectively, these acts were used by doctors/psychiatrists to perform the pragmatic functions of encouraging, prompting responses, tracking mental health history, showing medical concern, confirming, and assuring. These functions were realized through pragmatic cues such as relevance (REL), shared situation knowledge (SSK), reference (REF), inference (INF), prosody, and indirect speech acts. This study highlights the essential role of pragmatic strategies in enriching the diagnosis and treatment of mental health patients in Nigeria, offering valuable insights into communication patterns that can enhance patient engagement and clinical outcomes in mental health care, particularly in under-resourced settings.

Keywords: mental health, medical encounters, pragmatic strategies, Nigeria, doctor-patient communication, communication strategies.

How to cite this article: Akeredolu-Ale, B.I., Osisanwo, A., Chinaguh, E. (2025). Pragmatic Strategies in Medical Encounters with Mental Health Patients in Nigeria. *Professional Discourse & Communication*, 7(2), 51–72. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-51-72>

1. INTRODUCTION

Mental health constitutes a core element of human well-being, encompassing an individual's capacity to regulate emotions, establish social relationships, and function productively within their socio-cultural environment. It is not merely the absence of mental illness but a dynamic state of internal balance that enables individuals to adapt to life's challenges and contribute meaningfully to their communities. It is a state of well-being that allows individuals to manage life's stresses, recognize their potential, learn effectively, and work well (World Health Organisation, 2022). This internal balance or equilibrium is influenced by a complex interplay of psychological, biological, and socio-environmental determinants, and is essential to the attainment of personal fulfilment, resilience, and community engagement (Galderisi et al., 2015). Understanding mental health in this broader, integrative sense is crucial for developing effective interventions, particularly in clinical and therapeutic settings.

Given the centrality of communication in shaping human interaction, language emerges as a critical factor in mental health, increasingly recognised as both a diagnostic indicator and a therapeutic tool. As a fundamental medium for social connection and psychological expression, language not only reflects mental states but actively shapes cognitive and emotional experiences (Fanany, 2018). Empirical evidence demonstrates that linguistic patterns – from lexical choices to narrative coherence – serve as reliable markers of psychological well-being (Şimşek & Kuzucu, 2012). For instance, recent research found that individuals with higher anxiety scores tended to use more words associated with negative emotions and fewer with positive ones. Their narratives also featured more contrastive connectors (e.g., “but,” “else”) and fewer leisure-related terms, suggesting that specific linguistic markers can serve as indicators of anxiety levels in written language (Avram et al, 2024). Moreover, the choice of words can have profound effects on mental health: negative language can stigmatise and isolate, while positive terms foster dignity, empathy, and hope, highlighting the importance of mindful communication in mental health contexts (Richards, 2018). This understanding underscores the need for research into how language is used in medical encounters with mental health patients, particularly in contexts where effective communication can significantly enhance diagnosis and treatment outcomes.

In light of this, examining language use in medical encounters with mental health patients in Nigeria becomes crucial. Reports from the World Health Organization (2006) reveal a significant neglect of mental health services in Nigeria, where one in four people globally is likely to experience a mental illness in their lifetime. Nigeria is also categorised among the countries with the greatest burden of mental health disorders. This alarming statistic has therefore necessitated more research on mental health in Nigeria across different fields of study. Despite this, there are scant research studies on mental health within the ambit of Linguistics, Pragmatics, and/or Discourse studies. Existing studies (e.g., Deacon, 2013; Stein et al., 2022; Wanying, 2023) often revolve

around medical strategies for diagnosing and treating mental health-related diseases without giving much attention to how language use affects (positively or negatively) these processes in Nigeria.

Previous linguistic studies (Coppersmith et al., 2015; Hollingshead & Hwang, 2016) classified mental illness based on language use in social media as part of diagnostic resources for mental health treatment. A couple of others categorise mental distress based on other instances of language use: Roark et al. (2007), De Zulueta (2007), and O'Reilly & Lester (2017). What is common with these works is that they focus on language in classifying mental disorders, but overlook pragmatic functions of language use in mental health discourse as strategies by which mental health patients get diagnosed and treated in Nigeria. This study, therefore, has been designed to investigate pragmatic acts deployed by doctors in medical encounters with mental health patients in Nigeria to determine how these acts are used as pragmatic strategies for diagnosing and treating mental health patients in Nigeria.

The study is guided by the following research questions:

1. What pragmatic acts do doctors use in medical encounters with mental health patients in Nigeria?
2. How do these pragmatic acts function to facilitate the diagnosis and treatment of mental health patients?
3. How do pragmatic cues contribute to effective communication in medical encounters with mental health patients in Nigeria?

2. LITERATURE REVIEW

Table 1. *Summary of Key Literature on Language and Mental Health Diagnosis/Understanding*

Author(s)	Aim	Methodology	Sample Size	Key Findings
Roark et al. (2007)	Detect mild cognitive impairment (MCI) through speech characteristics	Natural Language Processing (NLP) of spoken language	Audio recordings of 74 neuropsychological examinations administered at the Layton Center at OHSU were collected	Multiple measures derived from spoken language aid in the automatic detection of MCI.
Ahmed et al. (2013)	Identify speech features to monitor Alzheimer's disease progression	Analysis of connected speech from living and post-mortem confirmed Alzheimer's cases	Samples were collected from 15 former participants of an ageing and dementia study, with Alzheimer's diagnosed during life and confirmed post-mortem.	Language integrity declines early in some Alzheimer's patients, with semantic, lexical, and syntactic measures tracking disease progression.
Gernsbacher et al. (2016)	Examine communicative phenomena in autism (e.g., pronoun reversal, echolalia)	Review of empirical and clinical data	Not specified	None of the communication phenomena are unique to autism or reliable diagnostic markers.
Coppersmith et al. (2015)	Classify mental illnesses using Twitter language	NLP analysis of tweets	Tweets with self-reported diagnoses for 10 mental health conditions.	Language use varies across conditions, with distinct patterns in vocabulary, sentiment, and linguistic structure.
Seitz (2016)	Assess mental health through social media language	NLP and machine learning on Twitter data	Tweets with health-related keywords for 9 conditions.	Personal pronouns, emotional language, and topic shifts signal distress. Models detect illness but omit broader health care contexts.
Present Study	Explore pragmatic strategies in the diagnosis and treatment of mental illness in Nigeria	Qualitative analysis of clinical discourse in mental health settings	Seven medical encounters between psychiatrists and patients with different mental health conditions.	Mental health practitioners in Nigeria employ counselling, inquiring, reassuring, and other pragmatic acts to aid diagnosis and treatment, relying on cues such as relevance, shared knowledge, and inference.

This literature review explores how language is employed in the detection, diagnosis, and

understanding of mental illness across clinical and digital contexts. While studies vary in methodology—from speech analysis to social media mining—they collectively demonstrate language’s diagnostic value, yet reveal a shared oversight of pragmatic language use in mental health treatment contexts (Table 1).

Roark et al. (2007) looked into spoken language as a measure of detecting mild cognitive impairment (MCI). The study presents Natural Language Processing (NLP) that automatically measures speech characteristics and the complexity of the elderly, and how these measures discriminate between healthy elderly subjects and those with MCI. Mild cognitive impairment is taken to mean the earliest clinical stages of incipient dementia. The data set was obtained from clinically elicited samples through neuropsychological tests. Neuropsychological tests assess cognitive function by analyzing spoken language features, such as pauses and linguistic complexity, to help detect mild cognitive impairment (MCI) (Roark et al., 2007). The study identifies linguistic signals such as pause frequency and duration, and linguistic complexity, and demonstrates how automatic syntactic annotation is used in calculating linguistic complexity, and how forced alignment is used in speech-based measures to accurately classify speech and pause regions.

Similarly, Ahmed et al. (2013) probed into the prosodic aspect of language, precisely connected speech, in order to monitor disease progression in autopsy-proven Alzheimer’s. Autopsy-proven Alzheimer’s disease refers to cases where Alzheimer’s was diagnosed in patients during life and later confirmed through post-mortem examination (Ahmed et al., 2013). The paper aimed to identify connected speech features that could be used to profile the impairment of the disease. Connected speech refers to natural, continuous speech produced by individuals in conversation or narrative tasks (Ahmed et al., 2013). Connected speech samples were taken from ageing and dementia subjects, who had been diagnosed with Alzheimer’s while living and confirmed at post-mortem. Thereafter, the measures of syntactic complexity, lexical content, speech production, fluency, and semantic content were used to analyse the samples. The analysis of the study of the individual cases revealed evident subtle changes in language during the prodromal stages of the disease, and two-thirds of the cases showed significant changes in connected speech. The study further discovered significant linear trends in syntactic complexity, lexical, and semantic content.

Gernbacher et al. (2016) also explored language in a clinical context but focused on autism spectrum disorder. They examined the empirical status of three communication phenomena germane to autism: pronoun reversal, echolalia, and a reduced or reversal production-comprehension lag. The authors note that later versions expunged echolalia as language impairment, only considered as one of several restricted and repeated behaviours. Pronoun reversal, which entails using “you” in place of “I”, was later excluded from the diagnostic criteria. This communicative behaviour has also been identified in adults living with aphasia and apraxia. The paper also highlights positions on the third criterion, production-comprehension, while noting that language production or expressive language has always lagged behind language comprehension or receptive language. The study states that language development in autism follows, and that an abnormal lag should not be diagnostic of the health condition. The paper concludes that identifying these three communication phenomena as unique to autism is a psychoanalytical and behaviourist interpretation of pronoun reversal/echolalia and a clinical assumption of production-comprehension lag.

Together, these three studies highlight the critical role of structural language features in diagnosing and monitoring cognitive and developmental disorders, ranging from the establishment of language as a biomarker to the longitudinal tracking of language deterioration, and the contextual critique of diagnostic assumptions. However, a key gap across all three is the lack of exploration

into how clinicians can apply these insights pragmatically, not only to identify disorders but also to enhance communication and therapeutic outcomes in clinical settings. This highlights the need for research that considers both the form and function of language to improve patient-provider interactions and optimize treatment outcomes.

Other research has shifted attention from clinical speech to the digital sphere, especially the language used on social media platforms. One such study was by Coppersmith et al. (2015), which classified Twitter users with mental illness based on the language of their tweets. The classification includes Twitter users with ten mental health conditions. These conditions are attention deficit hyperactivity disorder (ADHD), generalised anxiety disorder, bipolar disorder, borderline personality disorder, depression, eating disorders, post-traumatic stress disorder (PTSD), schizophrenia, obsessive-compulsive disorder (OCD), and seasonal affective disorder (SAD). The study extends to measure the similarities and differences in the language of Twitter users with various conditions, with hierarchical clustering between pairs and clusters of conditions to illustrate the degree of similarity of users' language. The findings suggest that there are sub-categories of language use that may indicate an existing mental illness, and comparison of language use across these conditions produces consistent groupings with other works. This led Coppersmith et al. to conclude that investigating mental illness through language advances research in mental health. However, the study only centres on the diagnostic aspect, while it overlooks the prevention and treatment of the identified mental illnesses through pragmatic strategies.

Another related study is by Seitz (2016), who examined language use as a measure of mental health. The study takes off by highlighting that language, though qualitative, provides a quantifiable signal that comes in handy in automatically assessing mental health status. The quantification is done through Natural Language Processing (NLP), which measures language properties like topic change, increase in the use of pronouns, elongated pauses between words, and the situation of use. The study was further motivated by the capacity of language to model and provide an understanding of text and talk with the assistance of machine learning techniques, and how that potential can serve to measure mental health on social media. Seitz's preference for language on social media was informed by the conceptualization of the study, which naturally signals our cognitive state. The study also focused on the ten mental health conditions mentioned above, in Coppersmith et al. (2015), as signalled by the language of Twitter users. The study identifies linguistic and modal features through language models and sentiment analysis, with a focus on lexicons with associated psychological meaning, pronouns, emotions, and functional words. The study further reveals that language models account for the presence of many more signals of mental illness; the lexicons were associated with trauma, and patients with depression used the singular personal pronoun "I" more than control users. This study focuses on how language, through the hybrid systems of human and machine learning, assists with the diagnosis of mental illness, but solely focuses on social media and excludes other aspects of mental healthcare. The gaps in these studies have therefore necessitated this research study, which is premised on examining pragmatic strategies in medical encounters with mental health patients in Nigeria, with an overarching goal of determining how the pragmatic use of language aids diagnosis and treatment processes of mental health patients in Nigeria.

3. THEORETICAL FRAMEWORK

This study takes into cognizance all linguistic cues deployed in medical encounters with mental health patients in selected live sessions of doctor-patient encounters in Nigeria. It is therefore against this backdrop that this study adopts Jacob Mey’s (2001) Pragmatic Act Theory as its framework. The Pragmatic act theory is a linguistic analytical framework that attempts to explain what the speaker means by performing linguistic, extra-linguistic, and psychological acts in discourse (Emike, 2015, p. 21). In other words, it is a theoretical framework that is used to investigate what a speaker means, which transcends sentence meaning. The theory is a context-based theory that emphasises the priority of cultural and social factors in meaning construction and comprehension (Odebunmi & Unuabonah, 2014). The theory, which caters for both verbal and non-verbal linguistic acts, is divided into two parts as shown in Figure 1 below:

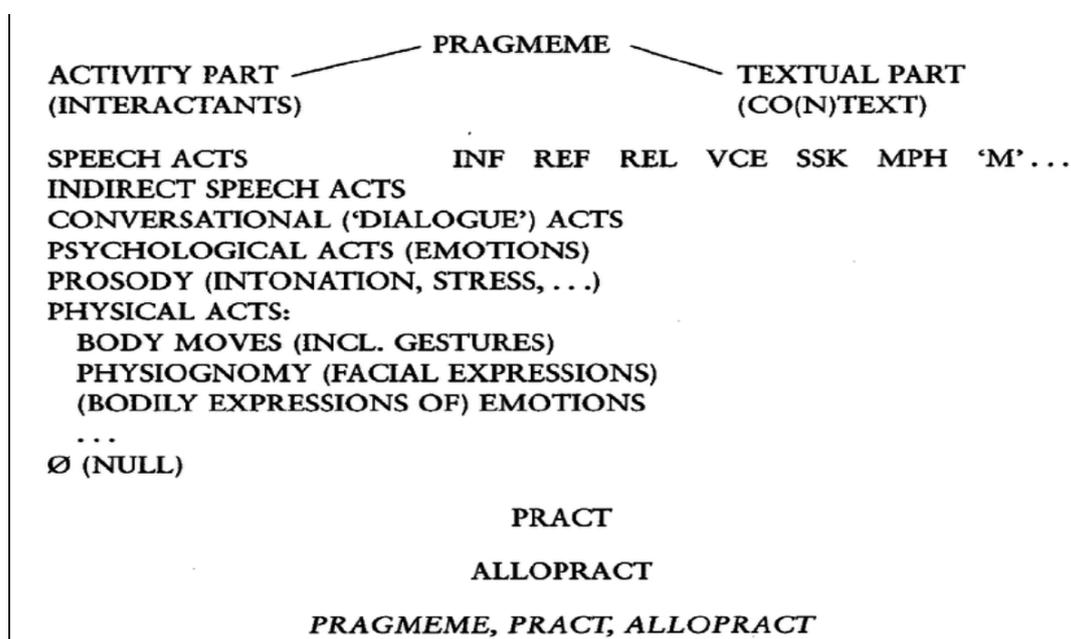

Figure 1. *Mey's Pragmatic Acts Model* (Mey, 2001, p. 222)

The activity component includes various types of linguistic acts, such as speech acts, indirect speech acts, conversational acts, psychological acts, prosodic acts, and physical acts. This framework serves as a linguistic tool to help interpret the speaker’s intended meaning, as Capone (2005) argues that comprehending pragmeme depends on the societal dimension of utterance interpretation. This extends beyond the literal meaning of the context and considers how society construes utterances in a general situation that the participants understand. The activity component pertains to the roles of the discourse participants, while the textual component pertains to the contextual variables that affect discourse situations. The textual part of Mey’s Pragmatic Act Theory is considered relevant to this study because its components – Inference (INF), Reference (REF), Relevance (REL), Voice (VCE), Shared Situation Knowledge (SSK), Metaphor (MPH) and Metapragmatics (‘M’) – are what Mey (2001, p. 222) refers to as “contextual features that influence communication”.

These components are therefore ideally suited to account for the complex pragmatic meanings

that emerge in doctor-patient encounters, particularly in mental healthcare, where diagnosis and treatment rely fundamentally on nuanced communication. Far from being mere background variables, they shape how utterances are understood within specific social and institutional settings. As argued by Mey (2001), there are no abstract speech acts – only concrete pragmatic acts instantiated in real situations. In medical settings, meaning is never derived solely from words themselves, but rather emerges dynamically through the interplay of linguistic choices with their social, institutional, and interpersonal contexts.

4. METHODOLOGY

The qualitative method was employed to gain an in-depth understanding of the pragmatic strategies in selected medical encounters with mental health conditions at the Federal Neuropsychiatric Hospital Aro Abeokuta, Abeokuta, Nigeria. The selection of this hospital was based on its specialised focus on neuropsychiatric care and the timely research approval granted by its Ethical Research Committee.

A total of seven medical encounters were selected for this study. The encounters involved doctors and patients diagnosed with various mental health conditions. The sampling was purposive, ensuring a representation of different mental health conditions and variations in language use. The participating doctors were licensed psychiatrists fluent in both English and Yoruba, the dominant local language. The patients were adults aged 18–60, diagnosed with mental health conditions, and capable of providing informed consent. In cases where a patient was not cognitively capable of providing consent, their legal guardians or family members were present to grant consent on their behalf before participation.

With participants' informed consent, seven medical encounters were audio-taped. They had an average length of 10 minutes and 17 seconds with a range of 2 minutes and 18 seconds to 29 minutes and 26 seconds. A summary table (Table 2) below organises key details of the seven medical encounters. Data collection was facilitated by five research assistants, who conducted transcription (via Otter AI), translation, data cleaning, and categorisation. Individual turns within the exchanges served as the unit of analysis.

Table 2. *Information about the medical encounters*

Encounter	Duration	Language Used	Consultant Role	Consent Source
1	3 minutes 39 seconds	English	Psychiatry	Patient
2	9 minutes 52 seconds	English/Yoruba	Psychiatry	Patient
3	2 minutes 18 seconds	English/Yoruba	Psychiatry	Patient
4	29 minutes 26 seconds	English/Yoruba	Psychiatry	Mother
5	17 minutes	English/Yoruba	Psychiatry	Patient
6	14 minutes 6 seconds	English/Yoruba	Psychiatry	Mother
7	2 minutes 45 seconds	English/Yoruba	Psychiatry	Mother

The analysis followed a systematic process to examine the pragmatic strategies used in doctor-patient interactions. First, pragmatic acts such as counseling, suggesting, and inquiring were identified and coded based on their communicative functions, including encouraging and reassuring patients. Next, contextual cues – such as relevance (REL), shared situation knowledge (SSK), reference (REF), inference (INF), prosody, and indirect speech acts – were analyzed to determine how they influenced communication in medical encounters.

Inter-rater agreement testing was conducted to ensure the reliability of coding. Three indepen-

dent coders analysed a subset of the data, and discrepancies were discussed and resolved through collaborative review with the principal investigator. For example, in instances where one coder classified an utterance as “reassuring” while the other labeled it “encouraging,” the team revisited the interactional context and clarified coding criteria to reach consensus. This process helped refine the coding scheme and enhanced analytical consistency.

In adherence to the *International Ethical Guidelines for Biomedical Research Involving Human Subjects* (Council for International Organizations of Medical Sciences, 2002) and national research ethics standards, ethical approvals were obtained from the National Health Research Ethics Committee of Nigeria (NHREC), Abuja, and the Neuropsychiatric Hospital Ethical Research Committee, Aro, Abeokuta, Ogun State. As part of the ethical requirements, the Principal Investigator completed certified training in Research Ethics Evaluation, Informed Consent, Public Health Research Ethics, and the National Code for Health Research Ethics through TRREE and the Clinical Trials Centre of the University of Hong Kong. Application documents, including anonymized informed consent forms, were submitted and approved before data collection.

5. DATA ANALYSIS

Findings from the medical encounters in the study show that mental health practitioners deploy six preponderant pragmatic acts (hereafter referred to as ‘practs’ for brevity in subsequent sections) as linguistic strategies that aid diagnosis and treatment processes of mental health patients in Nigeria. The pragmatic acts are – counselling, interjectory, suggesting, inquiring, re-assessing, and assuring. Respectively, these acts are used by doctors/psychiatrists to perform the pragmatic function of encouraging, prompting responses, tracking mental health history, showing medical concern, confirming, and assuring. These acts/functions are realised through pragmatic cues entailed by REL, SSK, REF, INF, prosody, and indirect speech acts. The acts constitute dominant pragmatic strategies through which the diagnosis and treatment of mental health patients in Nigeria are enriched. The identified acts/functions, therefore, emphasise Nigerian mental health workers’ readiness to positively respond to patients’ medical needs.

5.1. Counseling practs used by the doctor to encourage the patient/caregiver

In mental health discourse, doctors deploy counselling pract as a pragmatic strategy aimed at encouraging their patient(s). The essence of this pragmatic strategy is to enable mental health patients to realise that they can still get much better and that they need not lose hope. This strategy is mostly enhanced by REF and indirect speech acts (or ISA) as shown in the excerpt below:

Excerpt 1

Background: The conversation is between a doctor and a parent who is almost losing hope concerning her child's mental health issues. As an encouragement strategy, the doctor indirectly deploys counselling pract as explicated in the conversation that ensues between the doctor (D) and the patient's mother (PM).

Turn	Speaker	Utterance	Pragmatic Strategy
1	D	As a parent, do you know that your child needs your support to make progress in life?	Positive politeness (PP); ISA, SSK, REF, VCE
2	PM	I know.	PP, SSK
3	D	You know that your child needs social support from you?	PP; REF, PsychologicalAct (PA)
4	PM	Yes.	PP, SSK
5	D	So, what kind of support do you think you can give to her as your child?	NP, ISA, conversational act (CA)
6	PM	You see, concerning her progress. After we'd gone for scan...	M, NP, PA
7	D	Okay. What character traits/behaviours can you have towards her that would make her to be at peace?	PP, PA, VCE, REF
8	PM	Well, I have noticed that she doesn't want someone to be irritated towards her. Because if you're irritated by her, it's whatever you tell her not to do that she would do.	PA, REF
9	D	Can you now see that you don't have to feel irritated by her?	PP, M, INF, PA, REF
13	D	But you know... do you think there are some words that shouldn't be spoken to her?	PA, ISA, REF
14	PM	Yes.	SSK, INF

In excerpt 1, the doctor's use of indirect speech act (as an information-elicitation strategy), along with PM's dominant use of REF in her responses, enables the doctor to diagnose the patient's need for adequate social support. Thus, PM needs to be encouraged on issues relating to her child's mental health. To realise this, the doctor (in turn 1), through the pragmatic entailment of his utterances, counsels PM on the need for her to support her ailing child by indirectly telling the mother that it is her duty to support her child and that the child will only make progress in life when there is parental support – 'As a parent do you know that your child needs your support to make progress in life'? The doctor's use of polite questioning enables PM to infer (INF) a demonstration of concern and attentiveness, reflecting politeness strategies observed in diagnostic elicitation and consultation to reassure patients (Olorunsogo, 2021) and the efficacy of positive politeness – such as agreement-seeking and reassurance – in enhancing patient comfort and facilitating disclosure (Khan et al., 2025).

Based on the information elicited by the doctor, the doctor is able to ascertain that PM needs some reorientation to fast-track the treatment of the patient. Therefore, the doctor politely deploys the counselling pract from turn 13 downward in a strategy that will enable PM to understand that it is a responsibility and not just a necessity to support the ailing child. Even when PM flouts the maxims of quantity and relation in turn 6, (thereby derailing from what the doctor intends to achieve) the doctor, still, politely brings back PM to the theme of discourse in turn 7 – 'what character traits/behaviours can you have towards her that would make her to be at peace'? By so doing, PM gets the intention of the doctor and she is able to supply the doctor with the relevant response which enables the doctor to infer that PM has got the intended message as he (the doctor) says in turn 9 – 'can you now see that you don't have to feel irritated by her'?

In the latter part of the conversation, the doctor still maintains the politeness principle which he has used to begin the conversation by seeking PM's cooperation – 'she needs your support' and by assuring and encouraging that there would be a positive improvement since PM does what the doctor has suggested. This act of reassurance effectively counters PM's initial belief that the

child's condition cannot be resolved, thereby motivating her to support the child more actively. Such assurance plays a crucial role in addressing the psychosocial needs of individuals undergoing rehabilitation, as counseling is often required to foster both emotional and practical engagement in the recovery process (Atherton & Hudock, 2022; Sanra et al., 2024).

5.2. Interjectory practs used by doctors to prompt patients' response

Interjections are single-word expressions that appear in conversations as emotion markers. In some contexts, interjectory expressions are conversational interrupts. However, in doctor-patient conversations on mental health issues, interjections extend beyond mere emotion markers or conversational interrupts. When a doctor deploys interjectory practs during conversation with a mental health patient, it is basically to prompt the patient's response(s) (eliciting information) to intensify diagnosis and treatment processes. This is explicated with the excerpt below:

Excerpt 2

Background: The conversation is between a doctor and a mental health patient who has once had an encounter with another doctor previously. Since the (new) doctor is meeting the patient for the first time, the doctor had to deploy some conversation interjections that will prompt the patient to give out necessary information relating to his mental health.

Section	Turn	Speaker	Utterance	Pragmatic Strategy
1.1 Diagnosing (Opening/Case Exposition)	1	Doctor	Okay, alright. So, what actually happened?	Prosody (Pro),
	2	Patient	Yesterday night, when I was asleep, I suddenly woke up. I noticed my heart was vibrating and I was shivering.	PA, speech act (SA),
	3	Doctor	Okay/...hmm\ hmm/	Pro, ISA
	4	Patient	I quickly went to the toilet like two different times. Sometimes, I will be sweating. And I normally have the fear that I will die anytime I sleep. So, things like that. Also, my heart is always heavy anytime I have that fear.	SA, PA, REF
	5	Doctor	Oh...okay\ okay/	PP, SSK, INF, Pro
	6	Patient	My head normally gets swelled up too.	INF, SA
	7	Doctor	Oh...okay. (0.2) Any other complaint?	Pro, INF
	8	Patient	No	Ø (null pract)
1.2 Case Review	9	Doctor	Okay... it's like you have once had similar complaint sometimes ago?	PP, REF, SSK
	10	Patient	(Positive nod)	Physical Act (PhA)
	11	Doctor	Okay... So, that time you came, what were the complaints you made?	PA, REF
1.3 Treating (Counselling/Enlightening)	12	Patient	Similar to what I said now...then, I used to take substances but I have stopped it now.	REL, REF
	13	Doctor	But... hmm, you may need to see a cardiologist because there was a finding here that one side of your heart... your heart has four chambers of which one is a bit bigger than normal... so...	Pro, ISA, PA
	14	Patient	(Cuts in) And is that frightening?	PA, REF
	15	Doctor	No no no... (smiles) It is not too frightening. I just feel it's something a cardiologist should look into. The first time you were here, you couldn't meet a cardiologist right?	PA, REF
	16	Patient	No, we couldn't meet up with the cardiologist as at that time.	REF
Referral	17	Doctor	Today is Monday. Cardiologist should be around. I will write a referral for you to take there.	SA, REF

In excerpt 2, the pragmatic function of prompting the patient's response is realised through

the doctor's use of interjectory practs, as enhanced by prosodic features (stress and intonation as aspects of Mey's activity part) in turns 1, 3, 5, 7, 9, 11, and 13. Prosodic features are crucial in identifying and addressing mental health conditions (Klipper et al., 2015). In turn 1, the doctor at first interjects 'okay, alright' as an attention-seeking strategy before asking for new information from the patient. The doctor is, however, not satisfied with the little information provided by the patient (in turn 2). This, therefore, necessitated the doctor's polite preponderant use of interjectory expressions in subsequent turns. The doctor does this politely by elongating each of the interjections (as a marker to show his attentiveness to the patient's complaints) and then ending the following interjections with a rising intonation tune to prompt the patient to continue talking. To avoid communication gaps, the patient easily infers (INF) that he is meant to say more as the doctor keeps prompting him through interjections. It is as a result of this that the doctor is able to make diagnoses and then switches to treatment processes in turn 13. Getting to turn 13, the doctor's use of interjectory practs 'but...hmmm...' stimulates the patient's fear; as he infers (INF) that the doctor intends to mean that his case is very critical on – turn 13/14 'and is that frightening'? Consequently, the doctor's immediate interjection (complemented by a positive face-saving and physiognomic act of smiling) necessitated the patient's perlocutionary act of relief in subsequent turns.

Interjectory practs were utilised to prompt patients and sustain doctor-patient interactions, significantly enhancing the effectiveness of the diagnostic and treatment processes. They facilitated the smooth transition from diagnosis to treatment, but also played a key role in eliciting the perlocutionary act of relief from patients in subsequent conversational turns. Their impact was further reinforced by prosodic features such as stress and intonation, which helped maintain engagement and provide reassurance throughout the interaction. This aligns with Klipper et al. (2015), who highlight the significance of prosodic variations in detecting and responding to mental health conditions.

Although the study highlights the benefits of interjectory practs, some research suggests that excessive or inappropriate use of interjections can disrupt communication. For example, Gardner (2001) cautions that over-reliance on backchanneling cues may be perceived as insincere or dismissive, which could damage patient trust. Furthermore, the study's concentration on Nigerian mental health interactions may not adequately consider cultural differences in applying interjectory practs. Research by Gumperz (1982) and Wierzbicka (2003) highlights how pragmatic strategies can differ greatly between cultures. For example, in certain cultures, the use of frequent interjections might be perceived as intrusive rather than supportive.

5.3. Suggesting practs used by the doctor to track the patient's mental health history

Based on the data garnered, doctors deploy the suggesting pract as a pragmatic strategy aimed at tracking down a patient's mental health history. This pragmatic strategy is used during the diagnosis stage when the doctor observes that the patient is (naturally) unable to express himself/herself or the patient is deliberately unwilling to disclose some relevant health-related information. Excerpt 3 further explicates this position.

Excerpt 3

Background: The conversation ensues between a doctor and a mental health patient who is somewhat reluctant to disclose information regarding his mental state.

1	Speaker	Utterance	Pragmatic Feature
1	Patient	Eeh... I have a minor issue that is before now... [unclear]	NP, Pro, REF
2	Doctor	Okay. What was the sickness? ...huh?	Pro, REF
3	Patient	I later find out when I got here.	MPH, ISA
4	Doctor	Eeh, what was it? Tell me about it.	Pro
5	Patient	Huh?	Pro
6	Doctor	Maybe we should speak Yoruba; can you understand?	PP, SSK
7	Patient	Okay. I should speak Yoruba?	SSK
8	Doctor	Yes. So, why were you brought here?	REL
9	Patient	I noticed I was having some stomach ache one day... but I didn't know anything was wrong with me.	SA, PA
10	Doctor	Okay...	PP, Pro
11	Patient	It's from home I was brought to this place where I got to know of my mental illness or something.	REF, INF
12	Doctor	But do you feel as if some people want to harm you or something like that?	INF, REL
13	Patient	I don't feel like that anymore now, but when the sickness was serious, I used to feel that.	REF, INF, REL
14	Doctor	That's when you used to feel that way?	Pro, REF, REL
15	Patient	Yes. Like one is about to be killed or something like that.	VCE; MPH
16	Doctor	But you don't feel like that anymore, / right?	REL, REF, Pro
17	Patient	Yes.	REL, REF, SA
18	Doctor	So any complaints today?	VCE, SSK, VCE
19	Patient	Aside the head...	REL, REF
20	Doctor	Is your head aching or what?	REF, INF
21	Patient	Yes, but it's little by little...	SA, PA
22	Doctor	All right. No problem. But do you sleep very well?	PA, VCE, SSK
23	Patient	Yes, I do sleep but since a week now, I do wake up around 5a.m.	REF, REL
24	Doctor	Hmm hmm. So when you wake, what do you do?	Pro, REL
25	Patient	At times, I will sleep again later or watch video.	REL

From the conversation in excerpt 3, the doctor preponderantly deploys suggesting pract in order to gather information regarding the patient's mental health. This pract, which is enhanced by contextual relevance (REL), prosody (intonation), shared situational knowledge (SSK), and indirect speech act, is used in turns 6, 12, 16, 26, and 28. The contextual relevance of this pract in turn 6 is necessitated by the doctor's inference of the communication gap between him and the patient within their first five conversation turns. This, therefore, makes the doctor suggest an option of switching from the English Language to the Yoruba Language ('Maybe we should speak Yoruba...'). It is at that moment that the patient is able to give the required answer to the doctor's earlier asked question (in turn 2 – 'What was the sickness? ...huh?'). To further track down information about the patient's mental state, it becomes relevant for the doctor to suggest likely signs the patient must have been encountering – 'But do you feel as if some people want to harm you or something like that?' (turn 12). The response given by the patient in the subsequent turn (13) – 'I don't feel like that anymore now, but when the sickness was serious, I used to feel that' shows the medical importance of making suggestions for mental health patients during the diagnosis process. Furthermore, with the use of a fall-rise intonation tone in turn 16 ('But you don't feel like that anymore, / right?'), the doctor's suggestion is meant to reconfirm if the patient is no longer feeling the way he usually feels. Doctors engage in suggestive prompts to ease the disclosure during consultation to achieve optimal outcomes (Robinson, 2003).

5.4. Inquiring practs used by doctors to show medical concern

An act of inquiry is usually deployed to request information from someone. In mental health encounters (based on the data garnered for this study), the inquiry act is not only to elicit information from the patient but also to show medical concern regarding the patient's mental state. As doctors track down patients' medical history, suggesting practs are engaged as a pragmatic strategy, especially when patients struggle to communicate (due to cognitive or emotional barriers) or hesitate to share relevant health information. Excerpt 4 below complements this explanation.

Excerpt 4

Background: the conversation is mainly between the doctor and the patient's family member (PF) who has brought the patient for his periodic checkup.

S/N	Speaker	Utterance	Pragmatic Feature
1	DOCTOR	So, how is his health?	PP, REL
2	PF	He is okay	REF
3	DOCTOR	Why is he smiling? Has he behaved somehow lately?	INF, REF, ISA
4	PF	Well, I don't know...maybe it's about what you told us	CA, INF
5	DOCTOR	Oh...okay	PA, SSK
6	PF	That thing happened to him again during the Ramadan period	REF, REL
7	DOCTOR	But...since then, he has not been having crisis right? Any other complaint?	SA, INF, REF
8	PF	No, it is just only that.	REL, REF
9	DOCTOR	But has he used his medications that particular day (before the incident)?	SA, REF
10	PF	Yes, that same day before the incident. It rained that day. Possibly, the crisis was triggered by cold. Can it be caused by cold?	PA, CA, INF
11	DOCTOR	Hmm... not really... but you have been taking your medications often? And no signs of side effects?	Pro, INF, SSK
12	PATIENT	No	REL
13	PF	He has been sleeping very well.	REF
14	DOCTOR	So, has he been doing any work?	SA, INF
15	PF	I didn't allow him to do any work	SA, REL
16	DOCTOR	Ah...why?	Pro, SA
17	PF	I don't want that thing to do him	REF, PA
18	DOCTOR	Hmm, he can still be engaged. You said the crisis only came up once, right?	PP, PA, INF, REF
19	PF	Yes. I also want him to be going out...	SA, REL
20	DOCTOR	Let us give him a little time and be observant. If it doesn't come up again, then we will know what next to do. Don't worry, everything will be okay ma.	SA, PA, REL, REF

In excerpt 4, the doctor's conversation turns are preponderantly dominated by the pragmatic act of inquiry aimed at eliciting the patient's health information and to show his concern towards the patient's recovery. Eddy (1992) highlights the need for systematic evidence collection to inform clinical decisions. At the opening exchange segment of the conversation, the inquiry pract (used by the doctor to show medical concern) is enhanced by SSK and REF. In turn 1, the doctor's question – 'So, how is his health?' (directed to the patient's family) – shows an existing shared situational knowledge between the interlocutors. The doctor's use of this act presupposes that he is not oblivious to the patient's health records; hence, a professional concern for the patient's mental state is upheld. To buttress further, the doctor's inquisitiveness lingers through subsequent turns – 'why is he smiling...has he behaved somehow lately?' (turn 3). PF's response ('...maybe it's about what you told us' turn 4) to the doctor's question also shows an existing common ground between the interlocutors. Likewise, the assertive response given by the doctor in turn 5 – 'oh... okay' shows how the doctor assures the patient's family member about his awareness (concern) of what could have triggered the patient's emotive behaviour (smiles). The doctor's concern about the

patient's wellbeing is also apparent in turn 14 when the doctor enquires to know if his patient has become socially active – ‘So, has he been doing any work?’ As the diagnosing session continues, the patient's family member makes some hedges (negative politeness strategy) in the form of suggestive expressions, but the doctor counters through the same strategy by making an inference that the patient's family does not need to teach him his work (turns 10 and 11 respectively). Through this, the doctor is able to track how the patient has been responding to treatment.

5.5. Re-assessing pract used by the psychiatrist to confirm the patient's response to treatment

Based on the data garnered, the re-assessing pract is a pragmatic strategy used by mental health professionals to determine and confirm a patient's response to treatment. This is done by engaging the patient in a pep talk, which is premised on issues familiar to both the patient and the psychiatrist (to sustain common ground). Excerpt 5 buttresses this:

Excerpt 5

Background: Psychiatrist-Patient interaction

Turn No.	Speaker	Utterance / Description	Pragmatic Strategy / Act
1	Psychiatrist	“Okay, mummy, good morning ma. How is your health condition?”	PP, SA, REL
2	Patient	“We thank God.”	PA, SSK
3	Psychiatrist	“Please, don't be offended that we could not meet last Thursday...”	VCE, PA
4	Patient	“It's okay.”	SA, REL, SSK
5	Psychiatrist	“Oh, you went to Lagos? Oh, that's good... So, how is Lagos?”	PA, REF
6	Patient	“Lagos is fine.”	SA, REF
7	Psychiatrist	“Oh, you want to go back to Lagos? Why?”	PA, INF, REL
8	Patient	“Because my children are there.”	REL, REF
9–20	Both	Conversation about children, family, emotional state, travel plans	SA, REL, SSK
21	Psychiatrist	“That's very good... thank God.”	PP, PA
22	Psychiatrist	“So, they are aware of the things you complained about... Glory be to God.”	INF, SSK
23	Patient	“Yes, they are aware now.”	REF, SSK
24	Psychiatrist	“Let me have a look... okay, do you normally get these at Precious Pharmacy?”	REF
25	Patient	“Yes, that's where I usually get them.”	SA, REL
26	Psychiatrist	“That's good... How do you normally use it?”	PP, REF
27–29	Both	“Very good.” + Patient describes use of medication, confirms regularity and effects	SA, REF, PP, INF
30	Psychiatrist	“Okay... what's your reaction to the drugs?”	Pro, REF
31	Patient	“It makes me a bit dizzy sometimes.”	REF
32	Psychiatrist	“Hmmm.”	Pro
33	Patient	“But I still take it.”	REL
34–43	Both	Dizziness, visions, body sensations – follow-up on symptoms	SSK, REF, REL
44	Psychiatrist	“Very good. Do you remember that it didn't just stop in a day?”	PP, REF

The psychiatrist employs indirect speech acts to gather information without making the patient feel interrogated. In the initial (phatic) stage of the interaction, the psychiatrist addressed the patient with an in-group identity marker (“mummy”) and used polite greetings (“good morning ma”), which attuned to the cultural expectation of regard for elders. This aligns with the Shared Situation Knowledge (SSK) component of Pragmatic Act Theory, as it establishes common ground between

the psychiatrist and the patient. However, the patient's response, "We thank God," was evasive, which signals reluctance or emotional reservation. This might have prompted the psychiatrist to shift the conversation to topics that are less intrusive, such as the patient's family and social life. At the next turn, the psychiatrist sought to establish openness and deepen rapport by apologizing for postponing their last appointment, thus acknowledging the patient's feelings and reinforcing her importance in the therapeutic relationship (VCE).

The psychiatrist, through an indirect speech act enhanced by contextual relevance (REL), further deploys a re-assessing pract to confirm the patient's response to treatment. The psychiatrist's questions about the patient's family and social engagements serve as an indirect approach to assessing her mental well-being. By referencing the patient's trip to Lagos and inquiring about their children's visits, the psychiatrist leverages Relevance (REL) and Inference (INF) strategies. The patient's responses, particularly her expressed desire to return to Lagos, prompted the psychiatrist's use of psychological acts, such as emotion markers ("Oh...") and conversational cues ("So..."), to enhance engagement. For instance, in Turn 7, the psychiatrist's response, "Oh, you want to go back to Lagos? Why?" serves as a prompt for the patient to elaborate on their feelings without feeling pressured. This aligns with the Voice (VCE) component, ensuring that the patient's perspective is acknowledged.

During the symptom re-assessment phase, the psychiatrist employs prosodic acts, such as backchanneling ("hmmm") (Turns 32, 34, 38), to sustain engagement and signal active listening. These prosodic cues create a supportive atmosphere, encouraging the patient to elaborate on their experiences. The psychiatrist also uses confirmatory questions, such as "But the dizziness has gone since you stopped it?" (Turn 36), which serve as conversational acts to track the patient's progress and validate their self-reported improvements. By revisiting past symptoms, such as in the question, "What about the things you said you usually see?" (Turn 38) – i.e., hallucinations – the psychiatrist employs conversational acts and reference (REF) to monitor improvement over time. This reference to prior discussions contextualises the current assessment and also reinforces the continuity of care, which demonstrates the psychiatrist's attentiveness to the patient's ongoing treatment journey. In the concluding part of the conversation, the psychiatrist reassures the patient by emphasizing that recovery is a gradual process: "Do you remember that it didn't just stop in a day?" This serves as both a metapragmatic and psychological act, highlighting the importance of progress and helping to prevent feelings of discouragement.

5.6. Assuring pract used by doctors to reinforce patients' confidence in quick recovery

Based on the data for this study, the pragmatic act of assurance is another strategy used by psychiatrists in medical encounters with mental health patients in Nigeria. This strategy is used intermittently during diagnosis and treatment processes to assure the patient of quick recovery as explicated in excerpts 6, 7, and 8 below:

Section / Category	Turn	Speaker	Utterance Summary	Pragmatic Features
Excerpt 6 – Background	1	Doctor	What do you think abandoning her without speaking with her can cause?	PP, REF, INF, SSK
	2	PM	I know it can't help... there is no reason for me to abandon her.	INF, REF, SSK
Closing / Follow-up	3	Psychiatrist	Very good then... Please, don't abandon her... She needs your support... we'll do our best here.	PP, REF, SSK, REL
Excerpt 7 – Background	1	Psychiatrist	That's good... What about the feelings of something moving in your body parts?	PP, REF, REL
	2	Patient	That one has stopped.	REF
Follow-up Care	3	Psychiatrist	Very good... It didn't stop in a day... the strange images will also stop.	PP, REL, SSK
Excerpt 8 – Background	1		The first time you were here, you couldn't meet a cardiologist, right?	REL, SSK
	2	Patient	No, we couldn't meet up with the cardiologist at that time.	REF, REL
Referral	3	Psychiatrist	Today is Monday... Cardiologist should be around... I will write a referral for you.	REF, REL
Eliciting Info	4–8	Both	Patient asks for cause; doctor explains possible drug influence, ongoing tests; patient mentions worsening.	REF, REL
Giving Assurance	9	Psychiatrist	Don't worry, everything will be better. Okay?	PP, Pro, PA
Medication Prescription	10	Psychiatrist	I will add some medications to the ones prescribed.	SA, REF
Medication Clarification	11–19	Both	Dialogue on anxiety, effect of previous medication, mood enhancers, dosage duration.	CA, SA
Follow-up Instruction	20	Psychiatrist	Don't stop any medication until we ask you to do so.	SA, REF
	21	Patient	Okay.	REF, REL

In Excerpts 6, 7, and 8, the pragmatic strategy of the assuring pract is prominently used by the mental health practitioners to provide patients and their families with confidence in the treatment process and the possibility of recovery. It is a pract deployed to stimulate the patient's hopes of quick recovery and that the treatment given at their psychiatric hospital is sufficient to hasten their recovery. This approach mirrors prior work by Cape et al. (2010), where GPs use active listening and validation as part of a broader strategy to reassure patients, facilitating their understanding of mental health challenges. The doctor's emphasis on involving the patient's family and addressing concerns reinforces previous findings on the benefits of empathetic communication in medical practice (Archer & Meyer, 2021). In Excerpt 6, the doctor employs an assuring pract through an indirect speech act: "We will also do our best here" (Turn 3). This statement serves as a psychological act aimed at reassuring the patient's mother (PM) that the responsibility of supporting the patient is a collective effort, not solely hers. Through this strategy, the doctor succeeded in alleviating the PM's concerns. This act is contextually relevant (REL) as it addresses PM's potential anxiety about her role in the patient's recovery. This is accentuated by the doctor's use of cooperative language ("Please, don't abandon her. She needs your support"), which further establishes SSK. This approach reinforces the collaborative nature of the treatment process, fostering a sense of partnership and mutual understanding between the doctor and the patient's mother.

Similarly, in Excerpt 7, the psychiatrist employs an assuring pract to address the patient's concerns about persistent symptoms. The psychiatrist's response, "So, don't worry, the strange images you have been seeing will as well stop", is a psychological act that provides optimism and emotional support. This act is triggered by her inference (INF) from the preceding conversation that indicates the patient's growing doubt regarding the persistence of hallucinations. By referencing the gradual improvement in symptoms ("Do you remember that it didn't just stop in a day? It was gradual"), the psychiatrist uses Reference (REF) to contextualize the patient's progress, making the assurance more credible. This strategy reflects the importance of reassurance as a therapeutic

strategy, echoing Halldorsson and Salkovskis's (2023) assertion that reassurance from medical professionals serves as a powerful means of mitigating perceived threats and managing anxiety in health-related contexts.

In Excerpt 8, the doctor repeatedly uses assuring practs to address the patient's scepticism and concerns about his recovery. For instance, in Turn 3, the doctor assures the patient, "Cardiologist should be around. I will write a referral for you to take there," which is a speech act aimed at resolving a previous unmet need. This assurance is contextually relevant (REL) as it addresses the patient's frustration about not seeing a cardiologist during their last visit. This highlights the intrinsic connection between communication and the cultivation of therapeutic alliances, emphasizing the tangible impact of communication strategies on the improvement of mental health care (iResearchNet, n.d.). Later, in Turn 9, the doctor uses a psychological act to assure the patient: "Don't worry, everything will be better. Okay?" This statement is a direct response to the patient's expressed concerns about his worsening condition and scepticism about his recovery: "I observed that the situation has worsened now that I'm no longer using drugs". The question tag "Okay?" functions as a metapragmatic cue, reinforced by the falling-rising intonation pattern (prosody), to maintain a collaborative and supportive tone in the interaction.

The doctor's assurance to add medications ("I will add some medications to the ones prescribed to you already" – Turn 10) is another speech act that serves to address the patient's immediate needs. This act is further reinforced by the doctor's explanation of the treatment plan, which aligns with SSK by ensuring the patient comprehends the rationale behind the prescribed medications. Additionally, in Turn 18, the doctor employs a metapragmatic cue to provide conditional assurance: 'If it, however, has no effect, we will know what next to do.' This statement not only reassures the patient but also upholds their autonomy by framing the assurance within a collaborative treatment approach. Such speech acts, particularly those that clarify treatment plans and offer reassurance, are central to effective doctor-patient communication and contribute to building trust, meeting patient needs, and encouraging shared decision-making (Černý, 2007).

The recurring use of assuring practs across these excerpts highlights their strategic importance in mental health encounters. It further underscores the strategic role of mental health practitioners in managing patients' psychological states. By embedding assurances within their professional discourse, they help patients suspend distressing thoughts, maintain hope in their treatment, and build trust in medical care. This pragmatic approach highlights the therapeutic power of language in mental health settings, emphasising the importance of communicative strategies in reinforcing patient well-being (O'Reilly & Lester, 2021).

6. CONCLUSION

The findings of this study underscore the critical role of pragmatic strategies in the diagnosis and treatment of mental health patients in Nigeria, emphasising their potential to enhance patient engagement, trust, and overall therapeutic outcomes. This aligns with the renewed global call for prioritizing mental health, as highlighted by the World Health Organization (2023) and other international bodies/initiatives (United for Global Mental Health, 2024), and is particularly urgent in light of persistent treatment gaps and resource constraints in low- and middle-income countries like Nigeria. These insights have practical implications for training, policy, and clinical practice. Integrating pragmatic strategies into medical training programs can equip mental health practi-

tioners with the communication skills needed to navigate complex patient interactions, build rapport, and provide empathetic care. For instance, a focus on inquiry can encourage open dialogue, allowing patients to express their concerns and experiences more freely. Similarly, the practice of reassessment can help in continuously evaluating treatment effectiveness and adapting care plans in response to patient needs.

Moreover, policymakers should take the initiative to incorporate pragmatic competence into national mental health care guidelines to ensure that communication strategies are recognized as a core component of effective diagnosis and treatment. Standardised protocols that emphasise the role of language in mental health care can contribute to improved patient-centered care, particularly in resource-limited settings where therapeutic communication plays a crucial role in treatment adherence. By legitimising these strategies as essential components of patient-centered care, mental health service delivery in Nigeria can align more closely with international best practices. The study's findings further highlight the necessity of a more patient-centered approach that leverages language as a therapeutic tool in mental health care. By deliberately incorporating pragmatic strategies like reassurance, inquiry, and reassessment, clinicians can foster a supportive environment that promotes open communication and helps patients feel understood and valued. This approach is especially pertinent in Nigeria, where cultural expectations and stigma associated with mental illness often create barriers to seeking and sustaining treatment.

While this study provides valuable insights into the use of pragmatic strategies in mental health encounters in Nigeria, it is not without limitations. First, the study focuses primarily on verbal communication and does not extensively explore non-verbal cues, such as body language or facial expressions, which also play a significant role in doctor-patient interactions. Second, the study adopts a qualitative design, which, while rich in depth, restricts the ability to make broad statistical inferences about the identified pragmatic strategies. Additionally, the cultural specificity of the findings may limit their applicability to other cultural contexts.

Future research should examine how these pragmatic strategies function across various mental health care settings and patient demographics to determine their broader applicability. Additionally, investigating the integration of pragmatic communication techniques into digital and telemedicine platforms could enhance remote mental health support, making care more accessible and effective. Recognizing the power of language in shaping patient experiences allows the healthcare system to implement targeted improvements that foster better mental health outcomes and ensure compassionate, patient-centered care.

Acknowledgements:

- i. TETFUND 2020 NRF RESEARCH GRANT CYCLE (for funding this project) – TETF/DR&D/CE/NRF2020/HSS/12/VOL.1
- ii. Dr. Sunday Mauton AMOSU, Dr. Adegboyega OGUNWALE and Dr. Olanrewaju So-deinde (of Neuropsychiatric Hospital, Aro, Abeokuta)
- iii. Mr. Adeyemi Adewale YUSUF and Mr. Olatunbosun Semeton AGOSU (of Federal University of Agriculture, Abeokuta)

Ethical statement: Related ethical issues were sought, and approvals were given accordingly. Details are available upon request.

Grant Information/Funding details: This work was supported by the [TETFUND 2020

NRF RESEARCH GRANT CYCLE] under Grant [TETF/DR&D/CE/NRF2020/HSS/12/VOL.1].

Disclosure statement. The authors report there are no competing interests to declare.

REFERENCES

1. Ahmed, S., Haigh, A. M., de Jager, C. A., & Garrard, P. (2013). Connected speech as a marker of disease progression in autopsy-proven Alzheimer's disease. *Brain: a journal of neurology*, 136(Pt 12), 3727–3737. <https://doi.org/10.1093/brain/awt269>
2. Archer, E., & Meyer, I.S. (2021). Applying empathic communication skills in clinical practice: Medical students' experiences. *South African Family Practice*, 63(1), a5244. <https://doi.org/10.4102/safp.v63i1.5244>
3. Atherton, W.L., & Hudock, D. (2022). Addressing the psychosocial needs of individuals with communication disorders: The integration of animal-assisted therapy within counseling. *Seminars in Speech and Language*, 43(1), 24-34. doi:10.1055/s-0041-1741556
4. Avram, L., Ciumăgeanu, M.D., & Sava, F.A. (2024). Written Language: A Promising Gateway to Anxiety Disorders Assessment. *SAGE Open*, 14(2). <https://doi.org/10.1177/21582440241241420>
5. Cape, J., Geyer, C., Barker, C., Pistrang, N., Buszewicz, M., Dowrick, C., & Salmon, P. (2010). Facilitating understanding of mental health problems in GP consultations: a qualitative study using taped-assisted recall. *The British journal of general practice: the journal of the Royal College of General Practitioners*, 60(580), 837-845. <https://doi.org/10.3399/bjgp10X532567>
6. Capone, A. (2005). Pragmemes (a study with reference to English and Italian). *Journal of Pragmatics*, 37(9), 1355-1371. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2005.01.013>
7. Černý, M. (2007, August 3). On the function of speech acts in doctor-patient communication. *Linguistica Online*. <https://www.phil.muni.cz/linguistica/art/cerny/cer-001.pdf>
8. Coppersmith, G., Dredze, M., Harman, C., & Hollingshead, K. (2015). From ADHD to SAD: Analyzing the Language of Mental Health on Twitter through Self-Reported Diagnoses. In *Proceedings of the 2nd Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology: From Linguistic Signal to Clinical Reality* (pp. 1-10). Denver: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.3115/v1/W15-1201>
9. Council for International Organizations of Medical Sciences (2002). International ethical guidelines for biomedical research involving human subjects. *Bulletin of medical ethics*, 182, 17–23. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/14983848/>
10. De Zulueta, C.F. (2007). Mass violence and mental health: Attachment and trauma. *International Review of Psychiatry*, 19(3), 221-233. <https://doi.org/10.1080/09540260701349464>
11. Deacon, B.J. (2013). The biomedical model of mental disorder: A critical analysis of its validity, utility, and effects on psychotherapy research. *Clinical Psychology Review*, 33(7), 846-861. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2012.09.007>
12. Eddy, D.M. (1992). Clinical decision making: from theory to practice. Cost-effectiveness analysis. Is it up to the task? *JAMA*, 267(24), 3342–3348. <https://doi.org/10.1001/jama.267.24.3342>
13. Emike, A.J. (2015). I Am an Ex-Service Man: Towards Defending Nigerian English Pragma-Lexico-Semantic Corpora. *American Research Journal of English and Literature*, 1(3), 20-25. <https://www.arjonline.org/papers/arjel/v1-i3/2.pdf>
14. Fanany, R. (2018). Language and Well-being. In *Proceedings of the International Con-*

ference on Language, Literature, and Education (ICLLE 2018) (pp. 50-57). Atlantis Press. doi:10.2991/iclle-18.2018.7

15. Galderisi, S., Heinz, A., Kastrup, M., Beezhold, J., & Sartorius, N. (2015). Toward a new definition of mental health. *World Psychiatry, 14*(2), 231–233. <https://doi.org/10.1002/wps.20231>

16. Gardner, R. (2001). *When listeners talk: Response tokens and listener stance*. John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.92>

17. Gernsbacher, M.A., Morson, E.M., & Grace, E.J. (2016). Language and speech in autism. *Annual Review of Linguistics, 2*, 413-425. doi:10.1146/annurev-linguist-030514-124824

18. Gumperz, J.J. (1982). *Discourse strategies*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511611834>

19. Halldorsson, B., & Salkovskis, P.M. (2023). Therapists' beliefs about excessive reassurance seeking and helping manage it: Does experience play a role? *The Cognitive Behaviour Therapist, 16*, Article e25. <https://doi.org/10.1017/S1754470X23000144>

20. Hollingshead, K., & Hwang, J.D. (2016). Crazy mad nutters: The language of mental health. In *Proceedings of the Third Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology* (pp. 52-62). San Diego: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/W16-0306>

21. iResearchNet. (n.d.). Improving communication in mental health care. Psychology. Retrieved January 15, 2025, from <https://psychology.iresearchnet.com/health-psychology-research/patient-provider-communication/improving-communication-in-mental-health-care/>

22. Khan, M.M., Ibtisam, Fatima, Naila, & Jamal, I. (2025). Politeness Strategies Used during Doctor-Patient Interaction by Doctors of Mardan Medical Complex, Mardan, Pakistan. *Journal of Bacha Khan Medical College, 5*(2), 188–193. <https://doi.org/10.69830/jbkmc.v5i02.180>

23. Kliper, R., Portuguese, S., & Weinshall, D. (2015). Prosodic Analysis of Speech and the Underlying Mental State. In S. Serino, A. Matic, D. Giakoumis, G. Lopez, P. Cipresso (Eds.), *Pervasive Computing Paradigms for Mental Health. MindCare 2015. Communications in Computer and Information Science, vol. 604*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32270-4_6

24. Mey, J. (2001). *Pragmatics: An introduction*. US: Blackwell.

25. O'Reilly, M., & Lester, J.N. (2017). *Examining Mental Health through Social Constructionism: The Language of Mental Health*. London: Palgrave Macmillan. doi:10.1007/978-3-319-60095-6

26. O'Reilly, M., & Lester, J.N. (Eds.). (2021). *Improving communication in mental health settings: Evidence-based recommendations from practitioner-led research*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003024330>

27. Odebunmi, A., & Unuabonah, F. (2014). Defensive acts in a quasi-judicial public hearing. *Ibadan Journal of English Studies, 10*, 105-128.

28. Olorunsogo, D. (2021). Politeness strategies and pragmatic functions in doctor-patient interactions in private hospitals in Akure. *Ghana Journal of Linguistics, 10*(1), 353–371. <https://doi.org/10.4314/gjl.v10i1.14>

29. Richards, V. (2018). The importance of language in mental health care. *The Lancet Psychiatry, 5*(6), 460–461. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(18\)30042-7](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(18)30042-7)

30. Roark, B., Mitchell, M., & Hollingshead, K. (2007). Syntactic complexity measures

for detecting mild cognitive impairment. In K. B. Cohen, D. Demner-Fushman, C. Friedman, L. Hirschman, J. Pestic (Eds.), *Biological, translational, and clinical language processing*, Prague, Czech Republic (pp. 1-8). Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.3115/1572392.1572394>

31. Robinson, J.D. (2003). An interactional structure of medical activities during acute visits and its implications for patients' participation. *Health Communication*, 15(1), 27-59. https://doi.org/10.1207/S15327027HC1501_2

32. Sanra, A., Lubis, L.A., & Nurbaini, N. (2024). Communication Strategies of Counselors in Out Patient Rehabilitation Programs at the Primary Clinic of the National Narcotics Agency, Sumatera Utara Province. *Formosa Journal of Applied Sciences*, 3(1), 363-378. <https://doi.org/10.55927/fjas.v3i1.7701>

33. Seitz, K.H. (2016, June 23). Language as a Measure of Mental Health [PowerPoint Slides]. Florida Institute for Human and Machine Cognition. <https://www.clsp.jhu.edu/wp-content/uploads/2016/06/Language-as-a-Measure-of-Mental-Health.pdf>

34. Şimşek, Ö.F., & Kuzucu, Y. (2012). The gap that makes us desperate: Paths from language to mental health. *International Journal of Psychology*, 47(6), 467-477. <https://doi.org/10.1080/00207594.2011.645479>

35. Stein, D. J., Shoptaw, S.J., Vigo, D.V., Lund, C., Cuijpers, P., Bantjes, J., Sartorius, N., & Maj, M. (2022). Psychiatric diagnosis and treatment in the 21st century: Paradigm shifts versus incremental integration. *World Psychiatry*, 21(3), 393-414. <https://doi.org/10.1002/wps.20998>

36. United for Global Mental Health. (2024). *Global Mental Health Advocacy Roadmap 2024-2025*. <https://static1.squarespace.com/static/6273e1a7f401986aac80886d/t/65e04631b8de77489dee1b40/1709196854799/GMHAN+Advocacy+Roadmap+2024-2025.pdf>

37. Wanying, G. (2023). Evolution and impact of psychological medicine: A holistic approach to mental health. *Journal of Medicine and Medical Sciences*, 14(3), 1-3. doi:10.14303/2141-9477.2023.26

38. Wierzbicka, A. (2003). *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction (2nd ed.)*. Mouton de Gruyter.

39. World Health Organization. (2006). *WHO-AIMS Report on Mental Health System in Nigeria*. WHO and Ministry of Health, Ibadan, Nigeria. Geneva: WHO Press. https://cdn.who.int/media/docs/default-source/mental-health/who-aims-country-reports/nigeria_who_aims_report.pdf?sfvrsn=6bd16cef_3

40. World Health Organization. (2022, June 17). *Mental health*. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>

41. World Health Organization. (2023). *World Mental Health Day 2023*. <https://www.who.int/campaigns/world-mental-health-day/2023>

About the authors

Bolandle Idowu Akeredolu-Ale is a Professor in the Communication and Language Studies program at the Institute of Communications and General Studies, Federal University of Agriculture, Abeokuta, Nigeria, where she previously served as Deputy Vice-Chancellor (Academics). She is currently the Vice-Rector of the Pan African University, Yaoundé, Cameroon. Her research has been published in numerous international journals, including *English for Specific Purposes World*, *Journal of Social Development in Africa*, *English Language Teaching Today*, *Journal of Humanities*, *Social Sciences and Creative Arts*, *Changing English*, *Linguistik Online*, *Internation-*

al Health, and Indian Journal of Applied Linguistics. She is the Principal Investigator of the National Research Fund (NRF) project on Facework for Mental Health and a co-recipient of another NRF grant on Blended Learning for Higher Education, both awarded by the Tertiary Education Trust Fund. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6252-4553>

Ayo Osisanwo is a Senior Lecturer in the Department of English at the University of Ibadan, Nigeria. His work has appeared in several international journals, including *Critical Discourse Studies, Language Matters, Discourse and Society, Discourse and Communication, Critical Terrorism Studies, African Identity, Journal of Forensic Psychology Research and Practice, Journal of Asian and African Studies, Corpus Pragmatics, Pragmatics & Society, Corpus-Based Studies Across Humanities, Language and Semiotic Studies, Sexuality & Culture, Comedy Studies, Howard Journal of Communications, Mediální Studia, Athens Journal of Mass Media and Communication, Research in English and Applied Linguistics, World Journal of English Language, Journal of Linguistic Association of Nigeria, and Ibadan Journal of Humanistic/English Studies*. He is a Postdoctoral Fellow of the African Humanities Programme (AHP), sponsored by the American Council of Learned Societies (ACLS), New York, USA. He was a 2020 Remote Mentorship Grantee under the AHP of ACLS at the Department of Linguistics, University of Dar es Salaam, Tanzania, and is also a Fellow of the Georg Forster Fellowship for Experienced Researchers, awarded by the Alexander von Humboldt Foundation, Germany. From 2022 to 2024, he served as a Senior Researcher at the Institute of English Studies, Leuphana Universität Lüneburg, Germany. He is a co-recipient of the National Research Fund (NRF) on Facework for Mental Health, awarded by the Tertiary Education Trust Fund. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5365-0926>

Emmanuel Chinaguh is a Lecturer in the Communication and Language Studies program at the Institute of Communications and General Studies, Federal University of Agriculture, Abeokuta, Nigeria. His research has been published in international journals such as *Athens Journal of Mass Media and Communication, Research in English and Applied Linguistics, Health and New Media Research, Linguistik Online, and the Journal of Humanities, Social Sciences and Creative Arts*. He is a co-recipient of the National Research Fund and International Conference Grant, both awarded by the Tertiary Education Trust Fund. Dr. Chinaguh has actively contributed to global academic discourse through participation in numerous international conferences, including the 2025 International Business and Economy Conference hosted by Iona University and Tennessee State University, United States, and held at Assumption University, Thailand. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7997-3339>

Received: December 15, 2024.

Accepted: April 22, 2025.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-73-92>

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ПОЛЯРИЗАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕБАТОВ Д. ТРАМПА И ДЖ. БАЙДЕНА)

Я.Ю. Хлопотунов

Школа Центра педагогического мастерства

khlopotunov-jet@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности использования различных языковых средств реализации тактики поляризации в американском предвыборном дискурсе. Актуальность исследования обусловлена интенсивностью использования тактики поляризации как способа манипуляции общественным мнением, что в связи с агональным характером американского политического дискурса и предвыборного дискурса как одной из его разновидностей приобретает особую значимость, поскольку способствует достижению основной цели коммуникантов – получить поддержку наибольшего числа избирателей. Также в статье отмечается биполярность политической модели взаимодействия в США, которая находит свое отражение и в языке. Целью исследования стало выявление языкового инструментария, задействованного коммуникантами для дифференциации своих взглядов и картин мира. Эмпирическим материалом исследования стали расшифровки президентских дебатов между Дональдом Трампом и Джоозефом Байденом, которые прошли в 2020 и 2024 гг. Методологическую основу исследования составил функционально-лингвистический и лингвопрагматический анализ речевых тактик и стратегий, дополненный количественной оценкой частотности языковых маркеров поляризации. Автор приходит к выводу, что тактика поляризации реализуется через оппозицию «свой – чужой» и входит в речевой арсенал различных коммуникативных стратегий: дискредитации, обвинения, убеждения, самозащиты, положительной репрезентации, оправдания. В качестве основных средств маркирования круга «своих» и круга «чужих» используются дейктические конструкции: личные, определительные, указательные и притяжательные местоимения, местоименные наречия и словосочетания. С помощью местоимений коммуникант подчеркивает свое единство с избирателями и противопоставляет себе и им действия своего оппонента. Местоименные наречия используются менее интенсивно, чтобы в основном подчеркнуть локально-темпоральную соотнесенность «своих» и «чужих» с объектом речи. Другим средством поляризации является употребление в речи слов с аксиологическим и тимнологическим компонентом. С их помощью коммуникант формирует в сознании избирателей корреляцию между деятельностью политиков из круга «своих» или «чужих» и значимостью их действий, превознося свои достижения и принижая достижения своего оппонента. Отдельное внимание также уделяется лексемам со значением «совместности» как одним из средств реализации тактики поляризации. К ним относятся слова, словосочетания и идиомы

со значением «вместе делать что-то хорошо / выполнять обещанное», номинации социальных и этнических групп, обобщения, а также метафоры, гиперболы и парафразы, обозначающие группу лиц.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, американский политический дискурс, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, политическая поляризация, речевое манипулирование.

Для цитирования: Хлопотунов, Я.Ю. (2025). Языковые средства реализации тактики поляризации в американском предвыборном дискурсе (на примере дебатов Д. Трампа и Дж. Байдена). *Дискурс профессиональной коммуникации*, 7(2), 73–92. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-73-92>

1. ВВЕДЕНИЕ

Современный американский предвыборный дискурс традиционно построен на биполярной политической модели. Несмотря на возможность участия в президентской гонке представителей разных партий, основная борьба за власть разворачивается между двумя кандидатами – представителями Демократической и Республиканской партий. Как правило, республиканцы и демократы в своих выступлениях репрезентуют такие общественно-политические настроения, в которых отражаются различные картины мира: расходятся не только видения будущего страны, но и отношение к социальному разнообразию, религии, медицине, государственным институтам и т.д. Такая дифференциация взглядов американцев находит свое отражение и в языке, поскольку задачей кандидатов в президенты становится активизация сторонников, привлечение нового электората, а также убеждение сомневающихся избирателей в правильности своей позиции. В связи с этим тактика поляризации, которая является одним из наиболее эффективных способов манипуляции общественным сознанием, требует особого изучения и обуславливает актуальность данного исследования. Предполагается, что тактика поляризации реализуется через широкий спектр языковых средств, которые служат не только для дифференциации коммуникантами своих политических позиций, но и для воздействия на эмоциональное восприятие избирателей, мобилизации аудитории и дискредитации оппонента.

В качестве предвыборного дискурса мы рассматриваем особую сферу коммуникации, которая привязана ко времени и месту проведения политических кампаний и обслуживает определенную социальную сферу – выборы. Данный дискурсивный тип является частью политического дискурса и отличается экспрессивностью и эмоциональностью (Ясакова, 2022, с. 144). Цель данной статьи заключается в выявлении языковых средств реализации тактики поляризации на материале дебатов Дональда Трампа и Джозефа Байдена. Для достижения цели исследования были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Какие языковые средства используются для создания дихотомии «свой – чужой» в выступлениях политических кандидатов?
2. Каким образом тактика поляризации интегрируется в коммуникативные стратегии дискредитации, обвинения, убеждения и самозащиты?
3. Какие различия в реализации данной тактики можно наблюдать в риторике Дональда Трампа и Джозефа Байдена на дебатах?

Ответы на эти вопросы позволят выявить стратегии и языковые приемы, которые помогают кандидатам не только дифференцировать свои позиции, но и мобилизовать избирателей.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области институционального дискурса (Т. ван Дейк, В.И. Карасик, А.П. Чудинов, Ю.С. Ясакова, Р.В. Агаджанян) и функциональной лингвистики (О.С. Иссерс, Е.И. Шейгал, У.А. Ульянова, Е.Н. Василенко, Н.Г. Левшина, О.Л. Михалева, А.А. Горностаева, Н.А. Быстров, А.П. Евласьев, Е.В. Бондаренко, Н.А. Чес, Д.С. Храмченко, С.А. Абрамян, В.З. Демьянков, К.Е. Калинин, С.В. Кузьмина). В первую очередь внимание уделено поляризации как одному из тактических способов реализации конфронтационных коммуникативных стратегий и языковым средствам, посредством которых эта тактика реализуется в дискурсе.

Концепцию критического дискурса-анализа в отношении политического дискурса одним из первых применил Т. ван Дейк. Особое место в ней занимает понятие «манипуляция», которую исследователь представляет как форму словесной интеракции, реализующуюся посредством текстов и речи и включающую в себя власть и злоупотребление дискурсивной властью (ван Дейк, 2013, с. 258–263). А.П. Чудинов отмечает диалогический и воздействующий характер политического дискурса (Чудинов, 2012, с. 58–59). С.А. Абрамян выделяет образность, эмоциональность, оценивание и призывность в качестве характерных стилевых черт политического дискурса (Абрамян, 2016, с. 168). В.И. Карасик наблюдает стирание границ институционального общения. Так, по мнению ученого, телевизионные дебаты строятся как зрелищное мероприятие, и сценические характеристики в них выходят на первый план, нежели характеристики политического дискурса (Карасик, 2002, с. 238). С.В. Кузьмина подчеркивает особую роль языка политического дискурса, представляющего мир политики (Кузьмина, 2011, с. 56). Р.В. Агаджанян выделяет роль манипулятивной функции языка в общественно-политическом дискурсе (Агаджанян, 2023, с. 769). В.З. Демьянков считает, что общественное предназначение политического дискурса заключается во внушении адресатам, то есть гражданам сообщества, необходимость «политически правильных» действий или оценок (Демьянков, 2002, с. 37).

Как отмечает Е.И. Шейгал, борьба за власть составляет интенциональную базу политического дискурса, что предопределяет его основные функции и способы их реализации: речевые акты, стратегии и тактики (Шейгал, 2000, с. 4). В данном аспекте поляризация рассматривается как один из ключевых способов воздействия на аудиторию, который используется для реализации различных речевых стратегий. К.Е. Калинин считает, что задача адресанта при реализации коммуникативной стратегии состоит в том, чтобы спрогнозировать реакцию адресата (Калинин, 2009, 12). О.С. Иссерс определяет речевую стратегию как комплекс речевых действий, которые направлены на достижение прагматического успеха (Иссерс, 2008, с. 54). Мы придерживаемся данного определения, поскольку оно позволяет выстроить логичную структуру анализа, в рамках которой речевая стратегия рассматривается как надуровневая категория, включающая в себя более частные элементы — речевые тактики.

Тактика, в отличие от стратегии, представляет собой отдельное речевое действие, направленное на решение промежуточной задачи в рамках реализации общей коммуникативной цели (Khranchenko, 2025). В данной работе особое внимание уделяется тактике поляризации, которую мы рассматриваем как подстратегию, входящую в состав следующих ключевых стратегий предвыборного дискурса:

- стратегии дискредитации,
- обвинения,
- убеждения,
- положительной репрезентации,
- самозащиты,
- оправдания.

У.А. Ульянова в качестве одной из коммуникативных стратегий выделяет стратегию создания круга «чужих», которая достигается с помощью тактики поляризации (Ульянова, 2023, с. 94). Это эмоциональное влияние способствует закреплению образа «своего» и «чужого», формируя предвзятое отношение у аудитории. А.А. Горностаева отмечает, что в политической коммуникации оппозиция «мы» (друзья) и «они» (враги) используется для деления мира на союзников и противников. Эта структура лежит в основе многих стратегий политической иронии (Gornostaeva, 2024, р. 59). В работе Е.Н. Василенко также подчеркивается, что цель подобных стратегий заключается в формировании негативного образа противоположной социальной группы, тем самым вызывая отрицательные чувства и укрепляя межгрупповое противостояние (Василенко, 2021, с. 90). Н.Г. Левшина выделяет возможный имплицитный (непрямой) способ речевого воздействия в предвыборном дискурсе, способствующего выстраиванию такого отношения реципиента к участникам предвыборной борьбы, которое заставило бы избирателя сделать нужный отправителю выбор (Левшина, 2005, с. 19). Н.А. Чес говорит о языке как средстве манипулирования сознанием людей (Чес, 2020, с. 511). О.Л. Михалева замечает, что в политическом дискурсе важен эмоциональный уровень реципиента, который строится на соотношении симпатии и антипатии, степени доверия и недоверия к адресанту (Михалева, 2013, с. 73). По мнению Н.А. Быстрова, одним из способов воздействия на аудиторию в американском политическом дискурсе является присвоение прозвищ политикам и использование таких синтаксических конструкций, как синтаксический параллелизм и повтор (Bystrov, 2024, р. 45). А.П. Евласьев и Е.В. Бондаренко отмечают значительное количество «новояза», используемого американскими политиками. К такой лексике, например, относятся слова *Trumpism*, *Bidenism*, *Pro-life* и другие (Евласьев, Бондаренко, 2021, с. 149).

Соответственно, теоретическая база данного исследования сосредоточена на стратегиях и тактиках, используемых для создания и поддержания поляризации. Эти теоретические положения позволяют глубже понять, как лингвистические приемы и стратегии формируют образы «своих» и «чужих» и позволяют манипулировать восприятием аудитории, что становится особенно актуальным в условиях политических дебатов.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использовались три основные группы данных: записи и транскрипции дебатов между Д. Трампом и Дж. Байденом, состоявшиеся 29 сентября 2020 года, 15 октября 2020 года и 27 июня 2024 года. В них обсуждался широкий спектр вопросов: от внутренней политики и экономики до вопросов национальной безопасности и международных

отношений. Дебаты включают как относительно нейтральные обсуждения, так и моменты речевой конфронтации. Данный корпус материала был выбран по причине политической значимости самих событий, а также благодаря высокому вниманию общественности, что позволяет считать дискурс, выстроенный вокруг дебатов, особенно показательной иллюстрацией поляризации в политике США. Также последние дебаты включают важное событие – объявление о выходе Дж. Байдена из предвыборной гонки, что делает их особенно значимыми для понимания динамики политического противостояния и тактики поляризации. Общий объем материала составляет более 200 фрагментов выступлений и включает в себя примерно 23 тысячи слов. Выбор дебатов между двумя конкретными кандидатами обеспечивает целостный анализ их стратегий и тактик в рамках одной кампании.

Корпус был сформирован на основе ряда критериев. Для включения в корпус отбирались фрагменты, содержащие высказывания, которые демонстрировали риторiku, направленную на формирование в сознании реципиентов концепта «свой – чужой». Особое внимание уделялось фразам и выражениям, которые эксплицитно или имплицитно создают образ оппонента как «чужого» или «угрозы» для аудитории кандидата. К основным признакам поляризации относились:

- оппозиция «свой-чужой»: использование личных, притяжательных и указательных местоимений (например, *we, us* для обозначения «своих» и *they, them* для маркирования «чужих»), а также конструкции, акцентирующие различия между группами (*our people* против *their supporters*);
- эмоционально-оценочная лексика: лексемы с ярко выраженным аксиологическим компонентом (*great, disaster, criminal*), инвективная лексика и ярлыки, создающие негативный образ оппонента;
- метафоры и гиперболы: упрощенные образы, усиливающие эмоциональную реакцию аудитории (*a rat's nest, losers, suckers*);
- синтаксические конструкции: параллелизм, повтор и противопоставления, подчеркивающие контраст между позициями кандидатов, условные конструкции и гипотетические сценарии, усиливающие поляризацию (*If he were here, it would be worse*);
- апелляции к коллективному опыту и единству: номинации со значением совместности (*together, our allies, the American people*), подчеркивающие принадлежность к кругу «своих».

Фрагменты, не содержащие указанных выше признаков поляризации, исключались из анализа. К таким материалам относились ответы на технические вопросы, нейтральные высказывания, не направленные на дискредитацию или мобилизацию аудитории.

Для анализа данных применялся комплекс лингвистических методов: компонентный, контекстуально-семантический, количественный, лингвопрагматический и функциональный анализ, лингвистическое описание. Была рассмотрена частотность применения различных языковых средств категории «свой – чужой».

Метод компонентного анализа был использован на предварительном этапе для классификации и отбора фрагментов, содержащих признаки поляризации. В частности, он позволил выявить наличие компонентов, выражающих бинарную оппозицию «свой – чужой», а также оценочных признаков, закодированных в лексеме (например, наличие негативного аксиологического значения, инвективных элементов, лексикализованных метафор). Компонентный подход применялся не как отдельный этап интерпретации, а как инструмент предварительной систематизации материала перед контекстуально-семантическим и прагматическим анализом.

Далее анализировались контекстуальные значения высказываний. Данный метод позволил рассмотреть, как одно и то же выражение приобретало новые смысловые оттенки в зависимости от ситуации. Например, инвективная лексика в ряде контекстов использовалась не только для оскорбления оппонента, но и для его негативной репрезентации.

На следующем этапе внимание уделялось прагматическим аспектам высказываний, таким как намерение и воздействие на аудиторию. Лингвопрагматический анализ позволил выявить стратегии, направленные на создание и поддержание негативного образа оппонента, такие как дискредитация, обвинение и убеждение. Эти речевые акты способствуют формированию образа «чужого» в сознании избирателей.

На последнем этапе было исследовано, как различные речевые элементы выполняют конкретные функции в дискурсе, направленном на поляризацию. Например, некоторые выражения служили для усиления доверия аудитории к говорящему, другие – для создания дистанции между аудиторией и оппонентом.

Одной из задач исследования было выявление частотности использования различных языковых средств реализации тактики поляризации. Для этого применялся количественный анализ, который включал подсчет частоты употребления маркеров поляризации (личных местоимений, эмоционально-оценочной лексики, метафор и гипербол), сравнение частотности использования языковых средств между Д. Трампом и Дж. Байденом, анализ распределения маркеров по категориям (например, местоимения 1-го лица, оценочная лексика с положительной или отрицательной коннотацией). Данные количественного анализа представлялись в виде таблиц и графиков для визуализации результатов.

Таким образом, предложенная последовательность методов позволила всесторонне исследовать тактику поляризации и её реализацию в риторике политических дебатов.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

4.1. Общая частотность использования маркеров «свой – чужой»

Тактика поляризации является важной составляющей ряда коммуникативных стратегий: дискредитации, обвинения, убеждения, положительной репрезентации – и реализуется в первую очередь с помощью оппозиции «свой – чужой». Данная базовая для предвыборного дискурса дихотомия позволяет соотнести кандидата с группой своих сторонников и противопоставить ей соперников и их последователей. В речи Дональда Трампа и Джозефа Байдена можно найти немало примеров применения различных маркеров «чуждости» и маркеров «своих». Общее число найденных нами речевых маркеров можно увидеть в таблице:

Таблица 1. Частотность применения маркеров «свой – чужой» в речи Дж. Байдена и Д. Трампа (на тысячу слов)

Частотность применения речевых маркеров со значением «свой – чужой» в речи Дж. Байдена (на тысячу слов)	Частотность применения речевых маркеров со значением «свой – чужой» в речи Д. Трампа (на тысячу слов)
206 слов	137 слов

Для исследования частоты использования тактики поляризации в дебатах между Дж. Байденом и Д. Трампом были выделены основные категории языковых средств, способствующих разделению «свой – чужой». В анализ включены местоимения, наречия

и лексемы, которые помогают кандидатам формировать эффект принадлежности или дистанции в отношении своей аудитории. Частотность использования различных категорий слов в речи Дж. Байдена и Д. Трампа можно увидеть на Графике 1.

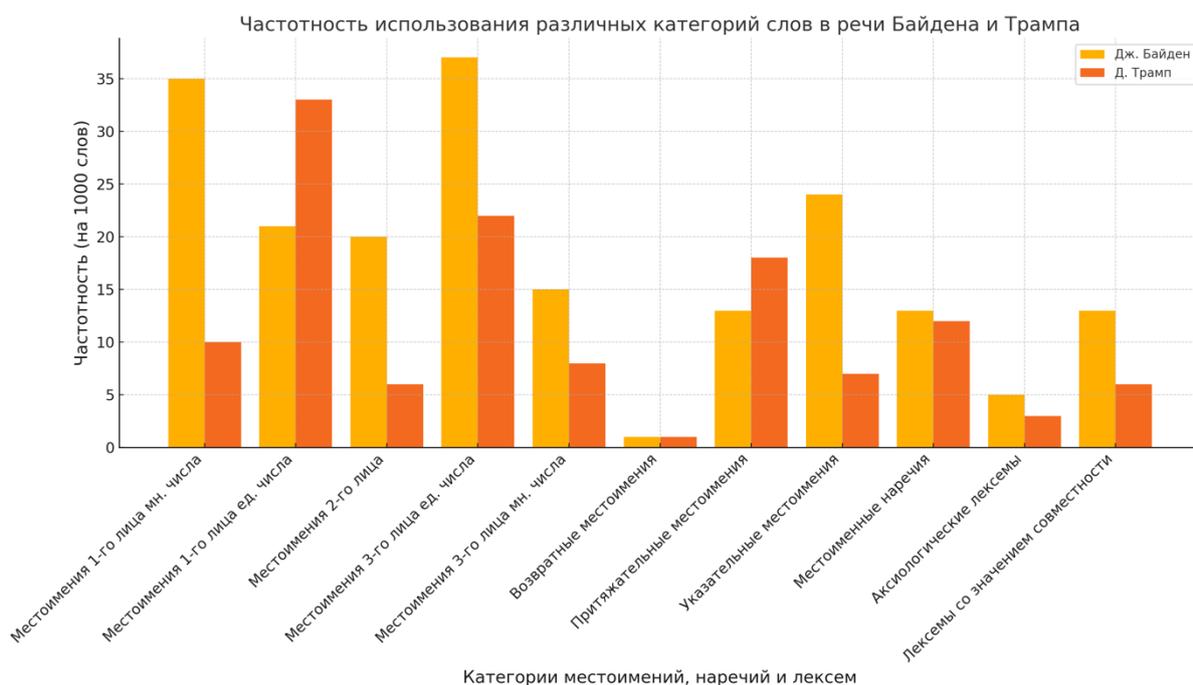

График 1. Частотность использования различных категорий слов в речи Байдена и Трампа

На данном графике мы видим, что Дж. Байден чаще использует местоимения 1-го лица множественного числа и лексемы со значением совместности, что подчеркивает его стремление идентифицировать себя с аудиторией и показать единство с группой «своих». В речи Д. Трампа наблюдается активное использование местоимения 1-го лица единственного числа и притяжательных местоимений, что помогает ему формировать негативный образ оппонента и акцентировать внимание на своих положительных качествах.

4.2. Использование дейктических конструкций

В качестве основного способа эксплицитного маркирования «своих» и «чужих» применяются дейктические слова и выражения: личные, возвратные, указательные и притяжательные местоимения, местоименные наречия. Частотность использования дейктических конструкций можно увидеть в Таблице 2:

Таблица 2. Частотность использования дейктических конструкций в речи Дж. Байдена и Д. Трампа (на тысячу слов)

Типы конструкций	Речь Дж. Байдена (на тысячу слов)	Речь Д. Трампа (на тысячу слов)
Местоимения 1 лица единственного числа	21 слово	33 слова
Местоимения 1 лица множественного числа	35 слов	10 слов
Местоимения 2 лица	20 слов	6 слов
Местоимения 3 лица единственного числа	37 слов	22 слова
Местоимения 3 лица множественного числа	15 слов	8 слов
Возвратные местоимения	1 слово	1 слово
Притяжательные местоимения	13 слов	18 слов
Указательные местоимения	24 слова	7 слов
Местоименные наречия	13 слов	12 слов

Рассмотрим подробнее следующие примеры:

(1) Donald Trump: By the time **we** finished – so **we** did a great job. **We** got a lot of credit for the economy, a lot of credit for the military, and no wars and so many other things. (...) **He** has not done a good job. **He's** done a poor job. And inflation's killing **our** country. It is absolutely killing us (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(2) Joe Biden: When **he** was president, **we** still found ourselves in a position where **you** had a notion that **we** were **this** safe country. The truth is, **I'm** the only president **this** century that doesn't have any – **this** – **this** decade – doesn't have any troops dying **anywhere** in the world, like **he** did (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(3) Joe Biden: The issue is the American people should speak. **You** should go out and vote. **You're** voting **now**. Vote and let **your** Senators know strongly how **you** feel (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript 2020, n.d.).

(4) Donald Trump: Joe, **you've** had 308,000 military people dying because **you** couldn't provide them proper healthcare in the military. So don't tell **me** about **this**. And if **you** were **here**, **it** wouldn't be 200, **it** would be two million people because **you** were very late on the draw. **You** didn't want **me** to ban China, which was heavily infected. **You** didn't want **me** to ban Europe (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript 2020, n.d.).

(5) Donald Trump: And what **I** did is **I** put three great Supreme Court justices on the court, and **they** happened to vote in favor of killing Roe v. Wade and moving it back to the states. **This** is **something** that **everybody** wanted (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(6) Donald Trump: But **he** could be a convicted felon **as soon as he** gets out of office. Joe could be a convicted felon with **all of the things** that **he's** done. **He's** done horrible **things** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(7) Joe Biden: **I** was recently in – in – in France for D-Day, and **I** spoke to **all** – about those heroes that died. **I** went to the World War II cemetery – World War **I** cemetery **he** refused to go to. **He** was standing with **his** four-star general, and he told him – **he** said, **I** don't want to go in there because **they're** a bunch of losers and suckers. **My** son was not a loser. **He** was not a sucker. **You're** the sucker. **You're** the loser (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

Во фрагменте (1) Д. Трамп реализует тактику поляризации с помощью противопоставления личных местоимений *we – he*. Использование в качестве обозначения «своих» множественной формы местоимения 1-го лица позволяет Трампу подчеркнуть общность работы его администрации, соотнести свои действия с интересами всего американского народа. Для маркирования «чужих» коммуникант намеренно использует форму единственного числа местоимения 3-го лица, указывая тем самым на то, что его конкурент несет личную ответственность за все те негативные действия, которые совершила администрация Дж. Байдена за последние 4 года. Использование синтаксического параллелизма, усиленное использованием местоимений *our* и *us*, позволяет Д. Трампу обозначить действия своего конкурента как «вредительские» в первую очередь для круга «своих» (под которыми коммуникант, очевидно, понимает граждан страны).

Для речи Дж. Байдена во фрагменте (2) тоже характерна оппозиция местоимений *we – he*. Единичное использование местоимения *I* в сочетании с указательным местоимением *this* и местоименным наречием *anywhere* позволяет Байдену сделать акцент на свой личный вклад в нулевую смертность американских солдат за рубежом, выделить себя среди других президентов XXI века. Многократное использование коммуникантом во фрагменте (3) местоимения *you* позволяет имплицитно воздействовать на сознание избирателей, побуждая их проголосовать.

Во фрагменте (4) Д. Трамп использует личное местоимение *you* с другой целью: обратиться к оппоненту и обвинить его в смерти 308 тысяч солдат из-за проблемы с медицинским страхованием, а также нежелании поддержать президентские решения об ограничении въезда в США жителей Китая и Европы, чтобы предотвратить распространение коронавируса в стране. Местоимение *it* в сочетании с условной конструкцией позволяет коммуниканту выстроить гипотетическую ситуацию, в которой Дж. Байден принял бы менее удачные решения, чем его соперник, что привело бы к большей смертности. Таким образом Д. Трамп отводит критику от себя и дискредитирует оппонента, репрезентуя его как некомпетентного в вопросах здравоохранения человека.

Лексический повтор местоимения *I* во фрагменте (5) позволяет коммуниканту сделать акцент на том, что он назначил людей из круга «своих» в Верховный суд с целью принять закон, который был благоприятно воспринят его избирателями, названными в речи с помощью местоимения *everybody*. Данная дейктическая конструкция используется Д. Трампом для того, чтобы имплицитно подчеркнуть, что решение судей было сделано не из личных соображений, а по воле всего населения США. Грамматическая основа *this is something* также позволяет не уточнять, чего именно желали избиратели, а просто преподнести суждение коммуниканта как данность.

В свою очередь, лексический повтор местоимения *he* и существительного с частично местоименным значением *things*, а также ярлык *a convicted felon* во фрагменте (6) позволяют создать необходимую коннотацию в отношении Дж. Байдена с преступным миром. При этом Д. Трамп намеренно не конкретизирует, какие действия совершил его соперник, ограничиваясь эпитетом *horrible*.

Во фрагменте (7) Дж. Байден использует синтаксический параллелизм, чтобы противопоставить своего покойного сына Д. Трампу. Инвективы *loser* и *sucker*, а также характерное обыгрывание артиклей *a/the* позволяют не только оскорбить оппонента, но и представить его как неуспешного человека. Оппозиция *I – he* используется для того, чтобы подчеркнуть разное отношение политиков к армии и военным ритуалам.

Соответственно, в приведенных выше фрагментах мы можем увидеть, что кандидаты в президенты могут дистанцироваться от личного местоимения *I*, чтобы подчеркнуть собственную интеграцию в число «своих» и указать на совместность принимаемых решений. Местоимение *I* используется в том случае, когда необходимо положительно репрезентовать себя как человека, который сделал какие-то важные для страны (уникальные) действия. Для маркирования «чужих» используется местоимение *he*, а не *they*, чтобы дискредитировать оппонента и показать, что он несет персональную ответственность за все те ошибки, которые совершил в своей политической карьере. Местоимение *you* используется как для побуждения избирателей к действиям, так и для обращения к оппоненту, чтобы обвинить его в нежелательных действиях. Местоименные наречия используются значительно реже и в первую очередь для того, чтобы подчеркнуть важность локально-темпоральной соотнесенности «своих» и «чужих» с происходящими событиями.

4.3. Слова с аксиологическим компонентом

Значимым способом реализации тактики поляризации также является использование средств с аксиологическим компонентом. Здесь можно выделить тимнологическое ранжирование по таким параметрам, как «важное – неважное», «правильное – неправильное», «честное – нечестное», «консервативное – либеральное». Частотность употребления слов этой семантической группы можно увидеть в Таблице 3:

Таблица 3. Употребление слов с аксиологическим компонентом
в речи Дж. Байдена и Д. Трампа

Семантический ряд	Речь Дж. Байдена (на тысячу слов)	Речь Д. Трампа (на тысячу слов)
«важное – неважное»	1 слово	1 слово
«правильное – неправильное»	5 слов	2 слова
«честное – нечестное»	2 слова	3 слова
«консервативное – либеральное»	0,3 слова	1 слово

Рассмотрим подробнее на примерах:

(8) Donald Trump: Obamacare is **no good**. We made it **better** and I had a choice to make very early on. We took away the individual mandate. We guaranteed pre-existing conditions, but took away the individual mandate. Listen, this is the way it is. And that destroyed ... They shouldn't even call it Obamacare, then I had a choice to make, do I let my people run it really **well or badly**? If I run it **badly**, they'll probably blame him, but they'll blame me. But **more importantly**, I want to help people. Okay. I said, "You've got to run it so **well**." And I just had a meeting with them. They said the problem is, no matter how well you run Obamacare, it's a **disaster**. It's **too expensive**. Premiums are too high, that it doesn't work. So we do want to get rid of it. Chris, we want to get rid of that and give something that's cheaper and **better** (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript 2020, n.d.).

(9) Donald Trump: Now, all of a sudden, he's trying to get a little tough on the border. He come out – came out with a **nothing deal**, and it reduced it **a little bit**. **A little bit**, like this much. It's **insignificant** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(10) Joe Biden: For 51 years, that was the law. 51 years, constitutional scholarship said it was the **right way to go**. 51 years. And it was taken away because this guy put **very conservative** members on the Supreme Court (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(11) Donald Trump: As far as the abortion's concerned, it is now back with the states. The states are voting and in many cases, they – it's, frankly, a **very liberal** decision. In many cases, it's the opposite (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(12) Joe Biden: The idea that I did anything **wrong** relative to what you're talking about is **outrageous**. It's simply **a lie**, number one. Number two, the idea that you have a right to seek retribution against any American just because you're a president is **wrong**, is **simply wrong** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(13) Donald Trump: What this man has done is **absolutely criminal** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(14) Donald Trump: I did **nothing wrong**. We'd have a system that was **rigged** and **disgusting**. I did nothing **wrong** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(15) Donald Trump: All over the world we were **respected**, and then he comes in, and we're now **laughed** at, we're like **a bunch of stupid people**. What happened to the United States' reputation under this man's leadership is **horrible**, including weaponization, which I'm sure at some point you'll be talking about, where he goes after his political opponent because he can't beat him **fair and square** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

Фрагмент (8) посвящен отношению Д. Трампа к программе медицинского страхования *Obamacare*. С помощью лексических конструкций с отрицательным и негативным значениями *no good*, *disaster*, *too expensive* адресант подчеркивает неуспешность данного проекта. Сравнительная форма *better* и оппозиция *well-badly*, в свою очередь, указывают на желание Д. Трампа улучшить программу медицинского страхования, сделать ее лучше, чем

получилось у предшественника на посту президента. Вводная конструкция *more importantly* помогает коммуниканту также продемонстрировать приоритеты собственной политики: помочь людям быстрее и легче получить доступ к медицинским услугам.

Во фрагменте (9) Д. Трамп характеризует политику своего оппонента по защите границ с помощью следующих конструкций со значением незначимости и незначительности: *a nothing deal, a little bit u insignificant*. В данном случае это позволяет реализовать стратегию негативной репрезентации, обесценивая деятельность Дж. Байдена на посту президента.

Фрагмент (10) посвящен замечанию Дж. Байдена, касающемуся отмены Верховным Судом постановления, согласно которому федеральные власти гарантировали право женщины на аборт до достижения жизнеспособности плода. Идиома *right way to go* позволяет адресанту продемонстрировать свое согласие с отмененным постановлением, эксплицитно выразить правильность функционировавшего на протяжении 51 года решения Верховного Суда. В отношении судей, проголосовавших за отмену постановления, Дж. Байден использует эпитет *conservative*, усиленный наречием *very*, и соотносит данных членов Верховного Суда с кругом «чужих», поскольку они были назначены Д. Трампом (*this guy put very conservative members on the Supreme Court*). Таким образом можно говорить о том, что в данной ситуации коммуникант использует речевую стратегию обвинения, имплицитно перекладывая ответственность за отмену постановления на своего оппонента.

Во фрагменте (11) Д. Трамп реализует стратегию самозащиты, пытаясь переложить свою ответственность за ужесточение права на аборт на избирателей (*the states are voting*). Решение в пользу поздних абортов коммуникант характеризует с помощью эпитета *liberal*, так же, как и в предыдущем примере, усиленного наречием *very*. При этом противоположные решения в других штатах Д. Трамп номинирует с помощью дейктической конструкции *the opposite*. Соответственно, коммуникант отказывается от очевидной характеристики своих сторонников как консерваторов, поскольку лексемы с данным значением часто имеют негативную коннотацию.

Фрагмент (12) посвящен реакции Дж. Байдена на возможность его уголовного преследования со стороны Д. Трампа. Использование прилагательного с сильным эмоциональным семантическим компонентом *outrageous*, а также лексем со значением «лживое, ошибочное» *wrong* и *a lie* позволяют коммуниканту выразить свою возмущенность критикой, прозвучавшей в его адрес. С помощью лексического повтора адресантом подчеркивается несогласие со словами оппонента и его действиями, которые он характеризует как неправильные.

Во фрагменте (13) Д. Трамп использует в качестве номинации своего соперника эмоционально-оценочное прилагательное *criminal*, усиленное наречием *absolutely*. В данном случае коммуникант, как и во фрагменте (6), соотносит круг «чужих» с кругом «криминального мира», характеризуя действия Дж. Байдена как преступные.

Синтаксический параллелизм во фрагменте (14) используется для реализации стратегии оправдания, чтобы подчеркнуть коммуникантом правильность тех действий, которые он совершил. Эпитеты *rigged* и *disgusting* позволяют охарактеризовать судебную и политическую систему в США как нечестную и предвзятую и таким образом имплицитно указать на то, что уголовное дело в отношении Д. Трампа было заведено по указанию его соперников.

Во фрагменте (15) Д. Трамп использует тактику обвинения для реализации стратегии дискредитации в отношении Дж. Байдена. Контекстные антонимы *respected* и *laughed* указывают на изменения, которые произошли в США с приходом к правлению нового президента, имплицитно противопоставляя им страну при правлении Д. Трампа. Сравнение

a bunch of stupid people используется для косвенной номинации круга «чужих», неспособных управлять государством. Эпитет *horrible* позволяет негативно охарактеризовать работу Дж. Байдена на посту президента, а идиома *fair and square* репрезентует его как нечестного соперника, который занимается политическим преследованием оппонента, а не пытается выиграть выборы.

Следовательно, в данных фрагментах (7–15) мы видим, что коммуниканты для номинации действий «своих» и «чужих» используют слова с оценочным значением (*well, badly, right, wrong, liberal, conservative, insignificant, outrageous, criminal, a lie, disaster*). С их помощью в сознании избирателей формируется корреляция между деятельностью политиков из круга «своих» или «чужих» и значимостью их действий. Как мы можем заметить, действия политиков из круга «своих» обозначаются как правильные, полезные, важные, а действия их оппонентов – как незначительные, вредные, возмутительные, преступные.

4.4. Лексемы со значением совместности

Также в качестве языкового средства тактики поляризации можно выделить использование лексем со значением «совместности» для определения принадлежности аудитории к кругу «своих» (см. Табл. 4).

Таблица 4. Использование лексем со значением совместности в речи Дж. Байдена и Д. Трампа

Лексемы со значением совместности	Речь Дж. Байдена (на тысячу слов)	Речь Д. Трампа (на тысячу слов)
Слова со значением «вместе»	6 слов	7 слов
Слова со значением «американцы»	13 слов	6 слов

Обратимся к следующим примерам.

(16) Donald Trump: Success is going **to bring us together**. We are on the road to success (Trump & Biden Final Presidential Debate Transcript 2020, n.d.).

(17) Joe Biden: We're a country in the world who keeps our word and everybody trusts us, **all of our allies** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(18) Joe Biden: We put – and, by the way, **the American public** has greater health care coverage today than ever before (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(19) Joe Biden: The only terrorist who has done anything crossing the border is one who came along and killed three in his administration, killed – an al-Qaida person in his administration killed three American soldiers, killed three **American soldiers** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(20) Donald Trump: He's the one that killed people with the bad border, including hundreds of thousands of people dying, and also killing **our citizens** when they come in. We – we are living right now in a rat's nest. They're killing **our people** in New York, in California, in every state in the union, because we don't have borders anymore (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(21) Joe Biden: I made sure that we're in a situation where all those **black families** and those **black individuals** who provided had to take out student loans that were ballooning, that if they were engaged in nursing and anything having to do with volunteerism, if they paid their bills for 10 years on their student debt, all the rest was forgiven after 10 years. Millions have benefited from that and we're going to do a whole lot more for **black families** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(22) Donald Trump: He caused the inflation and it's killing **black families** and **Hispanic families** and just about everybody. It's killing **people**. They can't buy groceries anymore. They can't (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(23) Joe Biden: We're also in a situation where we have great respect for **veterans**. My – my son spent a year in Iraq **living next to one of those burn pits**. Came back with stage four glioblastoma (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

(24) Joe Biden: And there's billions, about \$40 billion already being invested and being built right now in the United States, creating significant jobs for **Americans all over – from all over the world** (Read: Biden-Trump debate transcript, 2024).

Во фрагменте (16) фразовый глагол *to bring together* используется коммуникантом для привлечения внимания избирателей и реализации речевого акта обещания. Д. Трамп подчеркивает, что его деятельность на посту президента приведет жителей страны к успеху.

Для номинации союзников американского государства во фрагменте (17) используется словосочетание *all of our allies*, которая указывает на их общность в отношении США. Для положительной репрезентации своей страны как значимого партнера Дж. Байден использует идиому *keeps our word*, тем самым указывая на честность и надежность Америки.

Обобщение *the American public* во фрагменте (18) позволяет указать на то, что все жители США имеют хорошую медицинскую страховку. Сравнение *than ever before* позволяет коммуниканту указать на то, что жители страны достигли такого уровня благодаря его действиям.

Лексический повтор словосочетания *three American soldiers* во фрагменте (19) используется Дж. Байденом для реализации тактики обвинения, чтобы имплицитно соотнести теракт, в результате которого погибли три американских солдата, с миграционной политикой его оппонента (*in his administration*). Таким образом коммуникант дискредитирует своего соперника, перенося на него ответственность за смерть людей из круга «своих». Для отвода от себя обвинения Д. Трамп во фрагменте (20) использует гиперболу *a rat's nest u we don't have borders anymore*, отмечая с помощью парафраз *our people* и *our citizens*, что жители страны гибнут на самом деле из-за миграционной политики Дж. Байдена.

Во фрагменте (21) используется лексический повтор прилагательного *black*, чтобы, с одной стороны, указать на некоторую обособленность афроамериканцев в американском обществе, а с другой, подчеркнуть, что чернокожие избиратели так же, как и другие, входят в круг «своих», и коммуникант учитывает их интересы при проведении своей политики, что вербализуется через смысловые центры высказывания *I made u we're going to do*.

В свою очередь, Д. Трамп во фрагменте (22) употребляет конструкции со значением обобщения *black families* и *Hispanic families*, чтобы дискредитировать оппонента и эксплицитно указать на то, что политика Дж. Байдена направлена на то, чтобы уничтожить эти этнические группы. Использование многозначного слова *people* в данном контексте усиливает эмоциональную составляющую высказывания, поскольку не конкретизирует, каких конкретно людей «убивает» политический соперник коммуниканта. Следовательно, действия Дж. Байдена вредят неограниченному числу избирателей, которые и составляют круг «своих» для Д. Трампа.

Номинация *veterans* используется Дж. Байденом во фрагменте (23) для того, чтобы обозначить американских солдат и ветеранов как еще одну социальную группу, входящую в круг «своих». Коммуникант также подчеркивает, что его сын до своей смерти входил в дан-

ную категорию, и имплицитно указывает также на то, что он находился в небезопасных условиях (*living next to one of those burn pits*). Таким образом Дж. Байден репрезентует себя как человека, который уважает ветеранов и понимает их проблемы.

Во фрагменте (24) Дж. Байден для номинации работоспособного населения США использует обобщающую номинацию *Americans from all over the world*. В данной коммуникативной ситуации адресант показывает, что его деятельность направлена на создание рабочих мест не только в США, но и по всему миру. Указание на конкретное население также позволяет подчеркнуть приоритетность граждан Америки перед эмигрантами, поскольку именно американцы являются избирателями главы государства.

Соответственно, мы можем видеть, что лексемы со значением совместности чаще всего используются для обозначения связи субъекта и объекта речи с кругом «своих». В речах политиков действия их оппонентов чаще всего наносят ущерб кругу «своих», в то время как действия самого коммуниканта имеют положительное влияние на своих сторонников. Особое внимание уделяется номинациям со значением социальных и этнических групп, чтобы подчеркнуть, что коммуникант учитывает их интересы при проведении внутренней и внешней политики.

Полученные данные показывают, что американский предвыборный дискурс характеризуется интенсивным использованием поляризующих тактик, основанных на противопоставлении «свой – чужой». Это подчеркивает тенденцию к разделению общественного мнения и мобилизации электората через негативные и позитивные образы, что свидетельствует об усиливающейся роли манипулятивных стратегий в американской политической риторике.

5. ВЫВОДЫ

Результаты проведенного анализа подтверждают выдвинутую в начале исследования гипотезу: тактика поляризации действительно реализуется через широкий спектр языковых средств, которые позволяют не только обозначить различие политических позиций, но и повлиять на эмоционально-психологическое восприятие кандидатов. Она выстраивается с помощью противопоставления круга «своих» и «чужих» и формируется благодаря различному инструментарию языковых средств, среди которых можно выделить следующие:

1. дейктические конструкции (личные, определительные, притяжательные и указательные местоимения, а также местоименные слова других частей речи и словосочетания);
2. слова и словосочетания с аксиологическо-тимиологическим компонентом, репрезентирующие действия коммуниканта и его соперника с точки зрения их важности, правильности, честности и соответствия современным ценностям (выражены с помощью лексических конструкций с эмоционально-оценочным значением, эпитетов, вводных конструкций со значением «приоритетности», усилительных наречий, лексического повтора и синтаксического параллелизма);
3. лексемы со значением «совместности», указывающие на принадлежность коммуниканта к кругу «своих» (словосочетания и идиомы со значением «вместе делать что-то хорошо / выполнять обещанное», номинации социальных и этнических групп, обобщения, метафоры, гиперболы и парафразы).

Проведенный анализ позволяет не только выявить отдельные языковые средства реализации тактики поляризации, но и проследить принципиальные различия в риторике Д. Трампа и Дж. Байдена.

Речь Дональда Трампа характеризуется преобладанием индивидуализированных речевых конструкций (активное использование местоимения *I*, притяжательных местоимений, конструкций с прямыми обвинениями), обилием оценочной лексики с негативной коннотацией, направленной на дискредитацию оппонента, сценарным моделированием гипотетических угроз с использованием условных конструкций. Таким образом, Трамп выстраивает тактику поляризации через усиление конфронтации, негативной репрезентации «чужих» и активное подчеркивание собственной исключительности.

Речь Джо Байдена, напротив, строится на коллективных маркерах идентичности (*we, you, our allies, the American people*), чаще включает в себя лексемы со значением совместности, что указывает на стремление к объединению и мобилизации группы «своих», чаще апеллирует к ценностям и социальным группам (ветераны, студенты и т.д.), что способствует созданию образа ответственного и заботливого лидера. В риторике Байдена поляризация достигается через включение и солидаризацию, а не через агрессивную дихотомию. Он чаще стремится показать, кто входит в круг «своих», тогда как Трамп акцентирует внимание избирателя на том, кто является «чужим».

Таким образом, поляризация в американском предвыборном дискурсе может реализовываться по-разному: либо через демонстративное противопоставление и атаки (Трамп), либо через стратегию привлечения и эмоциональной общности (Байден). Эти различия не только отражают риторические стили кандидатов, но и свидетельствуют о различном подходе к построению электорального образа и установлению контакта с аудиторией.

Полученные результаты показывают, что тактика поляризации позволяет кандидатам не только укреплять свою базу сторонников, но и дистанцироваться от оппонентов, вызывая у аудитории нужное восприятие. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для анализа предвыборных кампаний, оценки влияния риторических приемов на общественное мнение и создания рекомендаций для более этичного использования языковых стратегий в политической риторике.

Исследование частотности употребления тех или иных языковых средств реализации тактики поляризации в американском предвыборном дискурсе заслуживает дальнейшей разработки. Перспективным также представляется расширение корпуса анализа, включение в него дебатов других кандидатов на разные политические должности, что позволит проверить универсальность выявленных стратегий и тактик. Кроме того, важно обратить внимание на изучение изменений в тактике поляризации в зависимости от аудитории и культурного контекста и оценку долгосрочного влияния поляризующей риторики на восприятие аудитории.

Эти направления позволят не только углубить понимание природы поляризации в политическом дискурсе и её влияние на общественные настроения, но и уточнить роль языковых механизмов в формировании электоральных предпочтений и политической поляризации в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян С.А. Англоязычный политический дискурс в межкультурном контексте. Ереван: издательство ЕГУ, 2016.

2. Агаджанян Р.В. Языковое манипулятивное воздействие: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. С. 765-772. <https://doi.org/10.30853/phil20230151>
3. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякиной, Е.В. Переверзевой, А.М. Амаатовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
4. Василенко Е.Н. Создание негативного образа социальной группы в интолерантном дискурсе: лингвопрагматический аспект // West-East. 2021. Т. 6. № 1. С. 86-92. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-6-1-86-92>
5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 31-44.
6. Евласьев А.П., Бондаренко Е.В. Особенности современного политического новояза (на материале английского языка). Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 148-150. doi:10.37882/2223-2982.2021.01.08
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Издание 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
8. Калинин К.Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе (Автореферат дисс. ... канд. наук). Нижний Новгород, 2009.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
10. Кузьмина С.В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 54-56. doi:10.18500/1818-9601-2011-11-2-54-56
11. Левшина Н.Г. Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе (на материале выборов Главы Администрации Псковской области) (Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.). Санкт-Петербург, 2005.
12. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
13. Ульянова У.А. Репрезентация коммуникативной стратегии «чужие» в англоязычном военно-политическом дискурсе // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 23–24 марта 2023 г. / под ред. Е.А. Пригодич. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 90-96.
14. Чес Н.А. Манипулятивный потенциал сложных метафорических концептов в политическом медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3(42). С. 510-514.
15. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53-59.
16. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация. Екатеринбург: изд-во УГПУ, 2009.
17. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. (Дисс. ... доктора филологических наук). Волгоград, 2000.
18. Ясакова Ю.С. Феномен языковой игры в американском предвыборном политическом дискурсе. Казанская наука. 2022. № 3. С. 144-146.
19. Bystrov N.A. Contemporary American Political Discourse: a Study of Content, Structure, and Formation Features // Professional Discourse & Communication. 2024. Vol. 6, No. 2. P. 35-48. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-35-48>

20. Gornostaeva A.A. The “Friend–Foe” Opposition in Modern Ironic Political Discourse // *Professional Discourse & Communication*. 2024. Vol. 6. №2. P. 49-61. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-49-617>.

21. Khranchenko D. S. The mechanism of verbal warfare & polarization: Exploring communicative strategies in American political discourse // *Journal of Research in Applied Linguistics*. 2025. Vol. 16, No. 1. P. 105-124. <https://doi.org/10.22055/RALS.2024.47805.3363>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ВЫБОРКИ

1. Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript 2020 [Электронный ресурс] // *Rev.com*. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020> (дата обращения 13.08.2024).

2. Read: Biden-Trump debate transcript [Электронный ресурс] // *CNN*. 28 июня 2024. URL: <https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript/index.html> (дата обращения 13.08.2024).

3. Trump & Biden Final Presidential Debate Transcript 2020 [Электронный ресурс] // *Rev.com*. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020> (дата обращения 13.08.2024).

REFERENCES

1. Abramyan, S.A. (2016). *Angloyazychny politichesky diskurs v mezhkulturnom kontekste [English-language political discourse in the intercultural context]*. Erevan: izdatel'stvo EGU [Yerevan State University] (in Russian).

2. Agadzhanian, R.V. (2023). Yazykovoe manipulyativnoe vozdejstvie: teoreticheskij obzor [Linguistic Manipulative Influence: A Theoretical Review]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 16(3), 765-772 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20230151>

3. Bystrov, N.A. (2024). Contemporary American Political Discourse: a Study of Content, Structure, and Formation Features. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 35-48. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-35-48>

4. Ches, N.A. (2020). Manipulyativnyj potencial slozhnyh metaforicheskikh konceptov v politicheskom mediadiskurse [Structural metaphors in mediatized political discourse: power of persuasion]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*, 3(42), 510-514 (in Russian).

5. Chudinov, A.P. (2009). *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsia [Modern political communication]*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University (in Russian).

6. Chudinov, A.P. (2012). Diskursivnye karakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*, 2(40), 53-59 (in Russian).

7. Demyankov, V.Z. (2002). Politichesky diskurs kak predmet politicheskoy philologii [Political discourse as the subject of political philology]. *Politiicheskaya nauka [Political science]*, 3, 31-44 (in Russian).

8. Evlasiev, A.P., & Bondarenko, E.V. (2021). Osobennosti sovremennogo politicheskogo novoyaza (na materiale anglijskogo yazyka) [Peculiarities of Modern Political Newspeak as Exemplified in the English Language]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities]*, 1, 148–150 (in Russian). doi:10.37882/2223-2982.2021.01.08
9. Gornostaeva, A.A. (2024). The “Friend–Foe” Opposition in Modern Ironic Political Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 6(2), 49-61. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-2-49-61>
10. Issers, O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]*. Moscow, LKI (in Russian).
11. Kalinin, E.I. (2009). *Kommunikativnye strategii ubezhdeniya v angloyazychnom politicheskom diskurse [Communicative strategies of persuasion in the English-language political discourse]* [Candidate's thesis abstract, Nizhny Novgorod State Linguistic University] (in Russian).
12. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoј krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]*. Volgograd: Peremena (in Russian).
13. Khranchenko, D.S. (2025). The mechanism of verbal warfare & polarization: Exploring communicative strategies in American political discourse. **Journal of Research in Applied Linguistics**, 16(1), 105-124. <https://doi.org/10.22055/RALS.2024.47805.3363>
14. Kuzmina, S.V. (2011). Politicheskij diskurs kak neot'emlemaya chast politicheskoi komunikatsii [Political discourse as an integral part of political communication]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. Scientific section. Sociology]*, 11(2), 54-56 (in Russian). doi:10.18500/1818-9601-2011-11-2-54-56
15. Levshina, N.G. (2005). *Kosvennye rechevye taktiki v predvybornom diskurse: na materiale vyborov Glavy Administratsii Pskovskoj oblasti [Indirect speech tactics in the pre-election discourse: based on the material of the election of the Head of the Pskov Region Administration]* [Candidate's thesis abstract]. Saint Petersburg (in Russian).
16. Mikhalyova, O.L. (2013). *Politicheskij diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdejstviya [Political discourse: The specifics of manipulative influence]*. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» (in Russian).
17. Sheigal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]* [Doctoral dissertation]. Volgograd (in Russian).
18. Ulyanova, U.A. (2023). Rezentatsiya kommunikativnoj strategii «chuzhie» v angloyazychnom voenno-politicheskom diskurse [Representation of the communicative strategy «them» in English military political discourse]. In E.A. Prigodich (Ed.), *Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya [Foreign languages: innovation, prospects for research and teaching]: the VI International scientific conference, Minsk, Belarus, March 23-24, 2023: proceedings* (pp. 90-96). Minsk: Belarusian State University (in Russian).
19. Van Dijk, T.A. (2013). *Diskurs i vlast' [Discourse and Power]* (E.A. Kozhemyakina, E.V. Pereverzeva, A.M. Amatova, Trans.). Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» (in Russian).
20. Vasilenko, E.N. (2021). Sozdanie negativnogo obraza socialnoj grupy v intolerantnom diskurse: lingvopragmaticheskij aspekt [Creating a negative image of a social group in an intolerant discourse: linguopragmatic aspect]. *West-East*, 6(1), 86-92 (in Russian). <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-6-1-86-92>

21. Yasakova, Yu.S. (2022). Fenomen yazykovoj igry v amerikanskom predvybornom politicheskom diskurse [The phenomenon of language play in the American election discourse]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 3, 144-146 (in Russian).

SAMPLE SOURCES

1. *Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript 2020*. (n.d.). <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020>
2. CNN. (2024, June 28). *Read: Biden-Trump debate transcript*. <https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript/index.html>.
3. *Trump & Biden Final presidential debate Transcript 2020*. (n.d.). <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020>

Информация об авторе:

Хлопотунов Ярослав Юрьевич - кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, Школа Центра педагогического мастерства (Москва, Россия). Сфера научных интересов: лингвистика, теория дискурса, политический дискурс, коммуникативные стратегии, английский язык. ORCID: 0000-0002-1079-9675.

Получено: 27 августа 2024 г.

Принято к публикации: 7 мая 2025 г.

LINGUISTIC MEANS OF POLARIZATION TACTICS IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE: ANALYZING TRUMP-BIDEN ELECTORAL DEBATES

Yaroslav Yu. Khlopotunov

The Comprehensive School of the Center for Teacher Excellence

khlopotunov-jet@mail.ru

Abstract: This article investigates the distinctive linguistic means employed to realize polarization tactics in American electoral discourse, a phenomenon intensified by its manipulative potential and the agonal nature of U.S. political communication. The primary aim is to identify the specific linguistic toolkit that political actors, exemplified by Donald Trump and Joseph Biden, use to differentiate their worldviews and rally support. The empirical material comprises transcripts from the 2020 and 2024 presidential debates between these candidates. A comprehensive linguistic analysis, incorporating discourse, contextual-semantic, functional-linguistic, linguapragmatic, and quantitative approaches, was employed to examine the data. The findings reveal that polarization tactics are primarily actualized through the “us vs. them” dichotomy and are integral to various

communicative strategies, including discreditation, accusation, persuasion, self-defense, positive self-representation, and justification. Key linguistic markers include deictic constructions (personal, demonstrative, and possessive pronouns; pronominal adverbs), which speakers use to emphasize unity with their supporters while contrasting themselves with opponents. Furthermore, words with strong axiological and thymiological components are deployed to modify voter perception by correlating the actions of “ingroup” politicians with positive significance and “outgroup” figures with negative outcomes, thereby extolling their own achievements and disparaging those of adversaries. Lexemes denoting “togetherness” or “joint action” (including specific idioms, nominations of social/ethnic groups, generalizations, and figurative language) also play a crucial role in constructing ingroup cohesion. This study underscores the increasing reliance on manipulative polarization in contemporary political rhetoric. Its relevance lies in providing a detailed understanding of how specific linguistic choices construct electoral realities, offering valuable data for discourse analysts, political strategists, diplomats, and those examining persuasive communication in high-stakes political situations.

Keywords: electoral discourse, American political discourse, communicative strategies, communicative tactics, political polarization, speech manipulation.

How to cite this article: Khlopotunov, Ya.Yu. (2025). Linguistic Means of Polarization Tactics in American Political Discourse: Analyzing Trump-Biden Electoral Debates. *Professional Discourse & Communication*, 7(2), 73–92 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-73-92>

About the author:

Yaroslav Yu. Khlopotunov, Cand. Sci. (Philology), is a Teacher in the Department of Russian Language at The Comprehensive School of the Center for Teacher Excellence (Moscow, Russia). His research interests include functional linguistics, discourse theory, political discourse, and communicative strategies. ORCID: 0000-0002-1079-9675.

Received: August 27, 2024.

Accepted: May 7, 2025.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-93-112>

ПОЛИСЕМИЯ КОЛОРОНИМОВ «БЕЛЫЙ» И «ЧЕРНЫЙ» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Н.А. Крупнова

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
(Арзамас, Россия)
krupnova.n.a@yandex.ru*

Аннотация: В условиях расширения межкультурной профессиональной коммуникации возрастает значимость адекватной рецепции культурно-специфичных коннотаций, заложенных в языке, в частности, в паремиологических единицах, которые аккумулируют народную мудрость и культурные установки. Неверная интерпретация символики цвета может привести к серьезным коммуникативным сбоям и недопониманию в профессиональной среде, влияя на результативность делового взаимодействия. Настоящее исследование посвящено детальному изучению полисемии базовых колоронимов «белый» и «черный» в пословицах и поговорках русского и немецкого языков, что определяет его научную новизну в компаративистском аспекте и в контексте выявления потенциальных зон расхождения в процессе культурного восприятия. Цель исследования – выявить, описать и сопоставить на семантическом и морфологическом уровнях спектр значений указанных цветолексем в паремиологическом фонде двух языков. Эмпирическим материалом послужили русские и немецкие пословицы и поговорки, отобранные методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических и интернет-источников. В работе применялся комплекс методов: семантический анализ для выявления лексико-семантических вариантов (ЛСВ), метод толкования через подбор синонимов, грамматический анализ для изучения морфологических особенностей и сравнительный анализ для сопоставления полученных данных. В результате исследования установлено, что колоронимы «белый» и «черный» обладают выраженной полисемантичностью в паремиологических фондах обоих языков, образуя в совокупности 33 ЛСВ. При этом лишь 7 ЛСВ демонстрируют полное или частичное совпадение, отражая некоторые общие для культур представления (например, «белый» как синоним лучшего, приятного, светлого; значение выделяемости на фоне остальных, непохожести). Однако 26 ЛСВ являются уникальными и отражают этнокультурную специфику. Так, для русского языка характерны такие значения «белого», как «трудный, непосильный», «красивый», «внешне красивый, а внутри плохой», и обобщающее значение, которые не свойственны немецким паремиям. Морфологически колоронимы чаще всего выражены прилагательными в полной и краткой форме; реже встречаются производные существительные, глаголы и наречия. Полученные данные о совпадениях и расхождениях в семантике колоронимов в двух лингвокультурах имеют непосредственное практическое значение для сферы профессиональной коммуникации. Понимание различий

способствует предотвращению межкультурных недоразумений, повышению эффективности деловых переговоров, успешности международного сотрудничества и оптимизации процессов обучения иностранным языкам специалистов, чья деятельность связана с межкультурным взаимодействием.

Ключевые слова: полисемия, колоронимы, паремиологический фонд, русский язык, немецкий язык, сравнительный анализ, семантика.

Для цитирования: Крупнова, Н.А. (2025). Полисемия колоронимов «белый» и «черный» в пословицах и поговорках русского и немецкого языков. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 7(2), 93–112. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-93-112>

1. ВВЕДЕНИЕ

Пословицы и поговорки как малый жанр устного народного творчества играют немаловажную роль в фольклоре любого языка. Они составляют существенную часть паремиологического фонда за счет богатства заключенного в них смысла и лаконичности его выражения. Они дают представление о добре и зле, учат образно мыслить и рассуждать, делают ярче и разнообразнее процесс любой межличностной коммуникации. Не зря в народе говорят: «*Всякая пословица не мимо дела молвится*», «*Пословица не на ветер молвится*», «*Пень – не околица, глупая речь – не пословица*» и другие (Энциклопедия народной мудрости, 1997, с. 108).

В лингвистической литературе есть немало определений рассматриваемых нами паремий народного эпоса. Приведем лишь некоторые из них. Российский знаменитый этнограф В.И. Даль определяет пословицу как «коротенькую притчу», считая ее «суждением, приговором, поучением, высказанным обиняком и пущенным в оборот, под чеканом народности» (Даль, 1957, с. 35). Поговорка, по его мнению, «заменяет только прямую речь окольной, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает» (Там же, с. 41). Похожий смысл вкладывал в определение поговорок и другой русский историк и фольклорист И. М. Снегирев, считая, что они «выражают только намек, применение, уподобление, сравнение, общеупотребительный оборот речи» (Снегирев, 1831, с. 2). Пословицы же, по его мнению, являются «изречениями людей, среди народа превосходных умом и долговременною опытностью, утверждаясь общим согласиём, составляют – мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец» (Там же, с. 3). А. Д. Райхштайн подчеркивает лексические особенности пословиц, говоря при этом, что «пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей и явлений, дает им оценку или предписывает образ действий. Обязательное наличие обобщения и весьма частое оценочно-предписывающее содержание образуют характерный для пословиц назидательный смысл...» (Райхштайн, 1971, с. 41). Поговорки этот ученый определяет как «литературно-разговорные, обиходно-разговорные и просторечные всесторонне устойчивые фразы, способные выражать только частный смысл» (Райхштайн, 1971, с. 73). В «Толковом словаре русского языка» У.Д. Ушакова пословица характеризуется как «краткое образное законченное изречение, обычно ритмичное по форме, с назидательным смыслом», а поговорка, как «принятое, ходячее выражение, обычно образное, иносказательное, не являющееся цельной фразой, предложением» (Толковый словарь русского языка, 1934-1940). Резюмируя все вышеприведенные дефиниции пословиц и поговорок,

следует, что пословица – это всегда созидательное и поучительное по своей сути высказывание, наставление или суждение, которое несет в себе глубокий внутренний смысл на определенный случай жизни. Поговорка же – это красноречивое образное выражение, оборот речи, отражающее какое-либо явление жизни и не являющееся законченным предложением по своей грамматической структуре. В дальнейшем в статье во избежание повторения используется также для их наименования термин «паремия» в значении «малый жанровый тип фольклора, который характеризуется краткостью и устойчивостью формы» (Матвеева, 2010, с. 295).

Колоративная лексика в пословицах и поговорках занимает одно из центральных мест и способствует, по нашему мнению, более лучшему и глубокому пониманию и выражению заключенного в них смысла. Цветонаименования являются предметом изучения многих наук, например, психологии, этнологии, истории и этнолингвистики.

Проблема происхождения цвета всегда интересовала научные умы. Еще древнегреческий философ Демокрит основными цветами считал *белый, черный, красный и зеленый* (Автайкина, 2006, с. 3). Аристотель же полагал, что все цвета происходят из двух: белого и черного (Там же, с. 4). Уже в 15 веке великий художник Леонардо да Винчи, изучая цвета, определяет белый и черный таким образом: «белый берем мы за свет, без которого нельзя видеть ни одного цвета, а черное – за мрак» (Леонардо да Винчи, 2008). Проблемой цвета интересовался и И. Ньютон с его теорией спектрального анализа (Ньютон, 1954, с. 127), и великий немецкий поэт И. В. Гете, написавший «Учение о цвете» (Месяц, 2012, с.51). Английский этнограф и антрополог В. Тернер дефинировал в своей работе цветовую триаду *белый – черный – красный*, как первичную и универсальную для многих культур (Тернер, 1987, с. 135).

Наиболее значимой в постижении цвета является теория американских ученых из Стэнфордского университета П. Кейя и Б. Берлина. В своем труде «Basic color terms: their universality and evolution» (Берлин, Кей, 1969) они разработали методику определения механизмов базовых цветонаименований, основываясь на данных, полученных в результате анализа ста языков. По их мнению, к «базовым» следует относить одиннадцать цветов, это *белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый и серый*. Данные цветолексемы появляются в разных языках в определенном порядке в процессе их исторического развития. П. Кей и Б. Берлин говорят о семи стадиях формирования основного набора терминов цветообозначений. Согласно их теории, в немецком языке есть все одиннадцать базовых цветов, а в русском – их двенадцать, так как в нем есть два цветообозначения для синего спектра (голубой и синий). По их мнению, большинство наименований цветов происходит от названия предметов или объектов природы: «как молоко», «как снег» (белый), «как сажа» (черный) и так далее (Василевич и др., 2005, с. 103). Польский лингвист А. Вежбицкая предлагала выделять основные цвета, опираясь на простые первичные понятия. По ее мнению, в каждом языке есть обозначения для белого и черного, потому что они основаны на оппозиции день – ночь (Вежбицкая, 1996, с.125).

Таким образом, проблема цветообозначения сложна и многогранна. Истоки ее исследования уходят корнями в глубокую древность, где уже тогда два колоронима «белый» и «черный» были признаны основными цветами, первичными по своему происхождению и наделенными определенными коннотациями. Н. П. Кононов определяет белый цвет как «мать» всех цветов, потому что от него «произошли» все остальные цвета (Кононов, 1975, с.162). А. Меметов считает, что «восприятие белого цвета вызывает по ассоциации представление

о чем-то положительном, хорошем, светлом, на основе чего возникает потенциальная сема 'светлый, чистый, незапятнанный', которая становится базой для образования метафорически переносных значений» (Меметов, 1997, с. 159). Черный цвет чаще всего ассоциируется со злом, землей и выступает как знак траура. Издавна эти два контрастных цвета, по мнению М. Д. Абжапаровой, считаются «простым наглядным способом отражения противостояния света и мрака, как жизни и смерти» (Абжапарова, 2017, с.3). Исходя из сказанного выше, важно, на наш взгляд, проследить полисемию значений этих двух колоронимов в паремиях русского и немецкого языков, чтобы лучше понять представляемые ими мировоззренческие аспекты лингвокультур.

Объектом исследования стал широкий спектр значений цветолексем «белый», «черный», их полисемия в рассматриваемых паремиях.

Цель настоящего исследования – описание лексико-семантических вариантов колоронимов «белый», «черный» в пословицах и поговорках русского и немецкого языков и сравнение полученных результатов на семантическом и морфологическом уровнях рассматриваемых языков. Она реализуется в решении следующих задач:

- выбрать паремии с колоронимами «белый», «черный» в русском и немецком языках;
- сформулировать лексико-семантические варианты (*далее ЛСВ*) названных колоративов в паремиях двух языков;
- сформировать на основе ЛСВ семантические группы паремий;
- рассмотреть грамматические особенности выражения колоронимов «белый», «черный» в двух языках;
- провести сравнительный анализ паремий с колоронимами «белый», «черный» на семантическом и морфологическом уровнях.

Актуальность данного исследования заключается, с одной стороны, в неполной и неглубокой, на наш взгляд, разработанности проблемы полисемии цветообозначений «белый», «черный» в паремиях русского и немецкого языков, а также практического отсутствия сопоставительного исследования названных единиц, о чем свидетельствует анализ научно-исследовательской литературы по данному вопросу. Так, например, лингвистов М. И. Дойникову, С. А. Волину интересовали только фразеологизмы с компонентом цветообозначения «черный» в современном немецком языке. Они связывали широкий спектр значений этого цвета с языковой картиной мира носителей изучаемого языка (Дойникова, Волина, 2020, с. 187). Коннотациям цветообозначения в пословицах германских языков посвятили свой труд Н. В. Гордеева и С. В. Кузнецова. На данном эмпирическом материале они выявили особенности эмоционально-оценочных характеристик разных цветов в двух языках (Гордеева, Кузнецова, 2020). В. П. Захаров и А. Ц. Масевич рассматривают прилагательные цвета в русских поэтических текстах, начиная с 18 века и до современности (Захаров, Масевич, 2019, с.167). А. С. Чекулаева в центр своего анализа ставит базовые цветолексеми «голубой» и «синий» в английском и китайском языках (Чекулаева, 2016, с.115). Глубокое и детальное исследование именно паремий с колоронимами «белый», «черный» в русском и немецком языках в компаративистическом аспекте в научной среде отсутствует. С другой стороны, паремии с цветоприсутствием «белый», «черный» выражают принципиально важные и значимые в менталитете каждого народа понятия, этические ценности и жизненные убеждения. В них заключена народная мудрость и память поколений, тот фундаментальный опыт и кладезь бесценных советов на каждый случай жизни, которые передаются из уст в уста и способствуют духовному и морально-нравственному воспитанию будущих поколений.

Профессиональная коммуникация все чаще осуществляется в многоязычном межкультурном пространстве. Эффективное вербальное взаимодействие между представителями разных культур требует не только знания иностранного языка, но и глубокого понимания лингвокультурных особенностей и различий, включая неявные смыслы, имплицированные в устойчивых выражениях, пословицах или поговорках. Неправильная рецепция культурно-специфичных коннотаций, в том числе связанных с цветовой символикой, может стать источником недоразумений и коммуникативных сбоев в профессиональном общении, влияя на результативность деловых переговоров, командной работы, международного сотрудничества и прочие ключевые аспекты профессиональной деятельности. Таким образом, исследование полисемии колоронимов, отраженной в паремиологическом фонде, приобретает особую значимость в плане оптимизации и гармонизации межкультурной профессиональной коммуникации, позволяя выявить потенциальные области культурных различий и разработать практические рекомендации для повышения эффективности межкультурной профессиональной интеракции.

Теоретическую базу исследования составляют следующие работы. Представление о различных толкованиях терминов «пословица» и «поговорка» на современном этапе было получено из научно-исследовательской статьи Н.А. Потаповой (Потапова, 2016). В глубоком и более объемном понимании проблемы происхождения цвета нам помогла работа С.Н. Кузнецовой, А.П. Василевич и С.С. Мищенко (Василевич и др., 2005). В труде А. Д. Райхштейна мы черпали основную информацию о признаках, особенностях и характерных чертах пословиц и поговорок как малого жанра народного эпоса немецкого языка (Райхштейн, 1971). Научные исследования Н. В. Гордеевой и С. В. Кузнецовой (Гордеева, Кузнецова, 2020), а также М. И. Дойниковой и С. А. Волиной (Дойникова, Волина, 2020) мы использовали при формировании лексико-семантических вариантов интересующих нас колоронимов.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования для данной статьи послужили пословицы и поговорки с присутствием цветообозначений «белый», «черный» в русском и немецком языках. При его сборе мы использовали данные разных Интернет-ресурсов. Паремии немецкого языка отбирались из таких источников, как «Academic Dictionaries and Encyclopedias» (n.d.), «Немецко-русский словарь пословиц и поговорок» (n.d.), «400 немецких рифмованных пословиц и поговорок» (1980) и других. Русские пословицы и поговорки мы собирали из «Энциклопедии народной мудрости» (1997), «Словаря русских пословиц и поговорок» Снегирева И.В. (Снегирев, 1996) и других источников.

В работе применялись следующие методы исследования. Материал для анализа был получен методом случайного отбора. При описании значений колоронимов «белый», «черный» в паремиях были применены метод семантического анализа и метод толкования с использованием близких по значению слов. Для описания особенностей морфологического выражения цветообозначений был привлечен грамматический метод анализа. При подведении итогов полученных результатов и сопоставлении данных в двух языках был задействован метод сравнительного анализа.

3. ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Для удобства исследования эмпирического материала предлагаем разделить его на следующие три группы:

1. Пословицы и поговорки с колоронимом «белый» в немецком и русском языках;
2. Пословицы и поговорки с колоронимом «черный» в немецком и русском языках;
3. Пословицы и поговорки с колоронимами «белый», «черный» в немецком и русском языках.

Такое разделение на группы вполне обоснованно. Оно позволяет охватить весь языковой материал, собранный по данной теме и провести более детальный его анализ в каждой группе отдельно, резюмируя в заключении полученные результаты. Некоторые паремии имеют варианты звучания, а смысл один и тот же. Они будут писаться нами через косую черту, или слеш – «/». Также отметим, что к отдельным паремиям можно подобрать аналоги перевода в русском языке пословичного типа, но там, где это невозможно, будет дан дословный перевод паремии. Следует особо подчеркнуть, что группы значений колоронимов будут даны в порядке убывания по количеству наполняемых их паремий, то есть первая группа является самой многочисленной, вторая – уже чуть меньше по наполняемости, третья – еще меньше и так далее.

3.1. Пословицы и поговорки с колоронимом «черный» в немецком и русском языках

В немецком языке паремий с этим колоронимом довольно много. Он имеет в них такие значения:

1. «Черный» как синоним зла, коррумпированности, черной души, подлости и коварства выступает в таких паремиях, как: *Schwarz bleibt Schwarz. / Was schwarz ist, bleibt schwarz* (Черное останется черным / Что черное, то и остается черным). Эта пословица в процессе деловой коммуникации может быть использована для выражения скептицизма и недоверия к партнеру, потому что подчеркивает неизменность негативных свойств, качеств. Другие примеры этой группы: *Schwarz macht schwarz* (Черное делает черное); *Bist du selbst schwarz, so schilt andere nicht Raben* (Если ты сам черный, не ругай других, как воронов); *Schwarz oder garstig geboren, macht wischen und waschen verloren* (Рожденный черным или противным, вытирать и мыть – это пустая трата времени) / *Schwarz geboren hat's Waschen verloren* (Черную душу и мылом не отмоешь. Сколько не мой гагару, все черна) и другие. В составе данной группы паремий есть такие, которые содержат противопоставление черному в данном значении, это такие: *Bin ich auch schwarz, so bin ich doch kein Zigeuner* (Даже если я черный, я не цыган) / *Es ist mancher schwarz und ist kein Schlotfeger* (Некоторые люди черные, но не трубочисты); *Ich schwarz und du schwarz, hat der Teufel zum Kohlenbrenner gesagt* (Я черный и ты черный, сказал черт угольщику). Здесь мы видим такое качество, как «темность», «мрачность» души напрямую, буквально сравнивается с черным цветом.

2. «Черный» как синоним нечистой силы, которая символизируется черной кошкой, предвестником чего-то неприятного и смутного: *Da ist die schwarze Katze dazwischen gekommen* (Тут черная кошка пробежала); *Schwarzer Montag, schwarze Katze* (Черный понедельник, черные кошки).

3. «Черный» как синоним мрачности, серости, непробудности жизни, тьмы в таких паремиях, как: *Es ist nicht alles so schwarz, als es aussieht* (Все не так мрачно, как кажется); *Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihn malt* (Не так страшен черт, как его малюют).

4. «Черный» как синоним положительного качества, даже отчасти красоты, свободы и дружелюбия в таких паремиях, как: *Schwarzer Grund trägt gute Frucht* (Чернозем приносит хорошие плоды); *Schön schwarz ist auch sauber (hübsch)* (Хороший черный, тоже чистый, красивый); *Schwarz und freundlich ist auch angenehm* (Черный и дружелюбие тоже приятно); *Schwarzbrot und Freiheit* (Черный хлеб и свобода) и другие.

5. «Черный» в своем прямом значении, как показатель цвета в таких паремиях, как: *Er ist schwarz vor Hunger* (Он черный от голода). Ведь на самом деле, когда человек голоден, он чернеет, нет ни единой кровиночки на его лице. Или паремия *Bei Nacht sind alle Kühe schwarz* (Ночью все кошки серы. А буквальный перевод звучит как: Ночью все коровы черны), где ночь имеет свой природный черный цвет, все окрашивает в черный, все сглаживает, делает похожим, одинаковым.

Также нам встретились еще и другие значения черного цвета в отдельно взятых паремиях: 1. «Черный» как синоним предела, крайности и в то же время всемогущества и могущества в паремии: *Über schwarz keine Farbe, über Gott kein Herr* (Нет цвета над черным, нет господина над Богом); 2. «Черный» как символ бесполезности действия в паремии: *Da kannst du warten, bist du schwarz wirst* (Ждать у моря погоды). Буквально можно перевести как: «не жди, иначе почернеешь». Так говорят о том, что, скорее всего, никогда не произойдет, поэтому нет смысла ждать.

Если посмотреть на разобранные нами паремии с грамматической точки зрения, то отметим, что в большей их части колороним **schwarz** выступает как прилагательное в полной или краткой форме: полная форма – *Schwarzer Grund trägt gute Frucht* (Чернозем приносит хорошие плоды); *Da ist die schwarze Katze dazwischen gekommen* (Тут черная кошка пробежала); *Schwarzer Montag, schwarze Katze* (Черный понедельник, черные кошки) и другие; краткая форма – *Über schwarz keine Farbe, über Gott kein Herr* (Нет цвета над черным, нет господина над Богом); *Es ist nicht alles so schwarz, als es aussieht* (Все не так мрачно, как кажется); *Bei Nacht sind alle Kühe schwarz* (Ночью все кошки серы) и другие. В паремии *Schwarzbrot und Freiheit* (Черный хлеб и свобода) это прилагательное входит в состав сложного слова, являясь в нем определительной частью.

В русском языке пословиц и поговорок с колоронимом «черный» также много. Весь существующий объем проанализировать и рассмотреть не позволяют рамки нашей статьи. Поэтому ограничимся определенным их количеством. Колоратив «**черный**» имеет такие значения:

1. «Черный» как синоним трудностей, жизненных препятствий, преград, лишений: *Береги денежки про чёрный день / Береги денежку на чёрный день; В чёрном году — пятнадцать месяцев; Вместе с народом и чёрный день — праздник; Дни черны с немилым мужем, а ночи — еще хуже; Деньга на бубен, деньга на праздник да деньга про чёрный день; Конец смертный всякому черен* и другие. Примеры этой семантической группы акцентируют предусмотрительность в дни финансовых трудностей, что может быть воспринято в профессиональной коммуникации, например, с деловым партнером из Германии, как пессимистичность или недостаток деловой хватки, уверенности.

2. «Черный» как синоним зла, зависти: *Чёрный глаз, карий глаз — минуй нас! Чёрной совести и кочерга виселицей кажется; Красным-красно, а чёрным глаза застит; Между ними черная кошка пробежала* и другие.

3. «Черный» в значении «нехороший, испорченный, плохой»: *Глаз чёрный, взгляд бойкий, обычай волчий; Голосиста пташечка, да черна рубашечка / Голосиста пташка, да черна рубашка; Горшок над котлом смеется, а оба черны / Горшок котлу завидует, а оба черны / Горшок над котлом смеялся, а оба черны.*

4. «Черный» в положительном значении, «красивый», простой, без излишеств: *Брови чёрные — соболиные, очи ясные — соколиные; Черная земля золотую рожь дает. Кабы сивому коню черную гриву, был бы буланым; Не тем хорош, что брови черные, а тем, что дело делает; Что ты там не говори, а на русской черной каше возросли богатыри; Хлеб наш насущный, хоть чёрный, да вкусный* и другие.

5. «Черный» в значении сравнения, противопоставления с чем-то светлым, или чтобы усилить действие: *Если взглядишься в молоко – найдешь черные пятна; Черные дни испытать, чтобы светлые дни в состоянии оценить; Напился чернее матушки-грязи* и другие.

Колороним «черный» выражен в приведенных выше паремиях в основном полным согласованным с существительным прилагательным (*черный глаз, черные пятна, черная совесть* и другие), также встречаются краткие формы от прилагательного – *оба черны, черна рубашечка*. В одном примере этот колороним стоит в сравнительной степени для усиления производимого действия, более красочного и наглядного его представления: *Напился чернее матушки-грязи*.

Наглядно представим теперь полисемию значений колоронима «черный» в виде Таблицы 1, в которой жирным шрифтом выделены совпадающие в двух языках значения, а курсивом – отличные.

Таблица 1. Полисемия колоронима «черный» в пословицах и поговорках немецкого и русского языков

Немецкий язык	Русский язык
1. Синоним зла, <i>корруптированности, черной души, подлости и коварства</i>	1. Синоним трудностей, жизненных препятствий, преград, лишений
2. Синоним нечистой силы, предвестник чего-то неприятного и смутного	2. Синоним зла, зависти
3. Синоним мрачности, серости, непробудности жизни, тьмы	3. «Нехороший, испорченный, плохой»
4. Синоним положительного качества, красоты, свободы и дружелюбия	4. Положительное значение, «красивый», простой, без излишеств
5. Прямое значение («черный» как цвет)	5. Значение сравнения, противопоставления с чем-то светлым, или для усиления действия
6. Синоним предела, крайности и в то же время всеислия и могущества	
7. Синоним бесполезности действия	

3.2. Пословицы и поговорки с колоронимом «белый» в немецком и русском языках

В немецком языке паремий с данным цветом сравнительно немного. Колоратив «белый» имеет в них следующие значения и почти все они единичны, кроме первой группы:

1. Значение лучшего, приятного, светлого: *Der wird leicht weiss, der in der Mühle umgeht* (Тот, кто ходит вокруг мельницы, слегка побелеет); *Je weisser, je lieber* (Чем белее, тем лучше); *einen Mohren kann man nicht weiss machen* (Черную душу и мылом не отмоешь).

Буквальный перевод: Мавра не сделаешь белым); *Auch weiß am Gesicht und reich an Gewicht entgeht dem Tode nicht* (Даже белизна лица и большой вес не спасают от смерти. Этот буквальный перевод следует понимать в том смысле, что, как ни был бы ты добродетелен, хорош и пригож, это не спасет тебя от естественной смерти). В последней паремии чувствуется мрачный оттенок, тень обреченности существования.

2. Значение выделяемости на фоне остальных, других, непохожести на них: *Sie (er) ist weiss wie die Fliegen in der Milch* (Она белая, как мухи в молоке);

3. «Белый» в значении «седой», «старый», которые не являются синонимами мудрости, зрелости и ума: *Alter macht zwar immer weiss, aber nicht immer weise* (Седина в бороду, бес в ребро);

4. Значение всевластия, главенства, превосходства над остальными: *Wenn der Weißdorn blüht, hören die Hechte auf zu laichen* (Когда цветет боярышник, шуки перестают нереститься /Когда цветет боярышник, перестаньте смеяться). Колороним **weiss** здесь входит в состав сложного слова *der Weißdorn* (боярышник, дословно «белый шип»). Буквально эту паремию можно понять так: Когда я говорю, все должны молчать.

Колороним **weiss** является в большей части рассмотренных нами паремий прилагательным в краткой форме, например: *Sie (er) ist weiss wie die Fliegen in der Milch* (Она белая, как мухи в молоке); *Alter macht zwar immer weiss, aber nicht immer weise* (Седина в бороду, бес в ребро). В пословице *Je weisser, je lieber* (Чем белее, тем лучше) это прилагательное стоит в сравнительной степени. Также встречается этот колороним как определительная часть в составе композита *der Weißdorn* (боярышник).

В русском языке паремий с данным колоронимом довольно много, в отличие от немецкого языка. Цвет «белый» имеет в них такие значения:

1. «Белый» как синоним чистоты, непорочности, нежности, ухоженности и даже святости: *Белые ручки чужие труды любят / Белые ручки не получают полочки* («белый» как «холеный, ухоженный»); *Бела, румяна – ровно кровь с молоком; И личиком бела, и с очей весела; Личико беленько, да разуму маленько; Белее снегу белого; Все святые на белых конях ездят* и другие.

2. «Белый» в значении «красивый»: *Была, что красная роза, а стала, что белая береза; Белый свет, что маков цвет; Белый, как лунь* и другие.

3. «Белый» в значении «внешне красивый, а внутри другой, плохой, с червоточинкой»: *Белый заяц бел, да цена ему пятнадцать копеек; Бела, румяна, да нравом упряма; Бело, да не серебро; Белила не делают милой* и другие.

4. «Белый» в значении «лживый, подменный, ненастоящий»: *Ложь белой ниткой шита / Белый свет не клином сошёлся / Белый свет не углом сведен; Белую стену в любой цвет выкрасишь; Белый свет не околица, пустая речь не пословица* (следует понимать как: не все высказывания имеют одинаковую ценность) и другие.

5. «Белый» в значении отличный, обособленный, непохожий на других: *Белую ворону и свои заклюют; Белый лебедь серому гусю не товарищ* и другие.

6. «Белый» в значении «трудный, непосильный»: *Дела, как сажка бела.*

7. Белый цвет имеет обобщающее значение, указывает на общность в вещах, несмотря на их цвет: *Бела овца, сера овца, а все один овечий дух.*

Цветонаименование «белый» в рассмотренных паремиях в основном было выражено полным прилагательным, например, *белый лебедь, белый свет, белая ворона* и другие. Встречается также краткая форма в некоторых паремиях, например: *бела, бело*. В пословице «Личико *беленько*, да разуму маленько» это прилагательное дано в уменьшительно-

ласкательной форме и рифмуется с прилагательным «маленько». В другой паремии «*Белее снегу белого*» встречаем сравнительную степень этого же прилагательного. В паремии «*Белила не делают милой*» мы видим существительное «белила», образованное от прилагательного суффиксальным способом.

Более наглядный взгляд дает Таблица 2 со значениями данного колоронима в обоих языках.

Таблица 2. Полисемия колоронима «белый» в пословицах и поговорках немецкого и русского языков

Немецкий язык	Русский язык
1. Значение лучшего, приятного, светлого	1. Синоним чистоты, непорочности, нежности, ухоженности, святости
2. Значение выделяемости на фоне остальных, непохожести	2. Красивый
3. «Седой», «старый», не синонимы мудрости, зрелости и ума	3. Внешне красивый, а внутри другой, плохой, с червоточинкой
4. Всевластия, главенства, превосходства над остальными	4. Лживый, подменный, ненастоящий
	5. Отличный, обособленный, непохожий на других
	6. Трудный, непосильный
	7. Обобщающее значение, общность в вещах

3.3. Пословицы и поговорки с колоронимами «белый», «черный» в немецком и русском языках

В немецком языке паремий одновременно с обоими колоронимами много. Самую многочисленную группу образуют пословицы и поговорки, в которых два цвета «черный» и «белый» представлены как две противоположности, две крайности, два полюса, один из которых символ добра, чего-то светлого и приятного, а другой – зла, тьмы и плохого. Это такие паремии, как: *Weiss ist sein Rock und schwarz sein Herz* (Белый – его юбка, а черный его сердце); *Schwarze Kühe geben auch weiße Milch* (Черные коровы дают также белое молоко); *Sprech ich schwarz, so spricht sie weiss; will ich Nein, so will sie Ja; will ich hier, so will sie da* (Если я говорю по-черному, она говорит по-белому; Если я хочу «нет», она хочет «да»; Если я хочу этого здесь, она хочет этого там); *Was schwarz ist, muss man nicht weiss nennen* (Что черное, то нельзя назвать белым); *Einer sagt schwarz, der andere weiss* (Один говорит черное, другой белое); *Es ist weder weiss, noch schwarz* (Это не то и не се); *Er kann noch (nicht) weiss und schwarz unterscheiden* (Он не может различать ни белое, ни черное, то есть плохое и хорошее). У данного значения можно выделить, по нашему мнению, два оттенка значений, которые представлены в единичном количестве у следующих паремий: 1. Значение выделения одного на фоне другого: *Weiss mag man besser erkennen, so man schwarz dagegen hält* (Вы сможете лучше распознать белый цвет, если посмотрите на него на фоне черного); 2. Несовместимость одного с другим: *Weiss und schwarz sind nicht beisammen, so wenig wie Wasser und Feuerflammen* (Белое и черное не вместе, так же как вода и пламя огня несовместимы). Противопоставление двух крайностей, о которых шла речь выше, здесь, на наш взгляд, присутствует, но имплицитно, скрытно.

Остальные значения двух колоронимов представлены в паремиях в единичном количестве. Это следующие значения: 1. Значение предпочтения одного другим, отметим также, что «черный» здесь предпочтителен: *Schwarz auf weiss behält den Preis / Schwarz auf weiss hat recht* (Черно - белое держит цену, что означает предпочтение письменных обязательств перед устными, которые легко принять или забыть / *Что написано пером, не вырубишь топором*); 2. Значение скорби и боли у обоих колоронимов: *Schwarz auf weiss redt noch, wenn's niemand mehr weiss* (Черное и белое все еще говорит, хотя никто этого больше не знает, что означает, что больнее, когда никто не знает о твоей боли); 3. Значение стопроцентной уверенности, непоколебимости: *Das kann ich dir schwarz auf weiss geben* (Это я точно могу тебе гарантировать, в этом ты можешь быть уверен, это точно).

Оба колоронима в продемонстрированных паремиях в большинстве случаев выражены прилагательными в краткой форме: *Weiss ist sein Rock und schwarz sein Herz* (Белый – его юбка, а черный его сердце); *Sprech ich schwarz, so spricht sie weiss* (Если я говорю черное, она говорит белое). Полная форма встретилась в одной паремии *Schwarze Kühe geben auch weiße Milch* (Черные коровы дают также белое молоко).

В русском языке одновременно оба цвета «белый» и «черный» часто встречаются в пословицах и поговорках. Они имеют следующие значения:

1. Значение противоположности, противопоставления, где «белое» – это положительное, доброе, светлое, а «черное» – отрицательное, злое и темное: *Черная коровка дает белое молочко / Великое чудо, что корова черная, а молоко белое; Рубашка беленька, да душа черненька; Свет бел, да люди черны; Белое – венчальное, черное – печальное; Черная земля белых рук не любит; В добром житье лицо белится, а в худом – чернится* и другие.

2. Значение бесполезной работы, пустой траты времени: *Черных кобелей набело перемывать / Черного кобеля не вымоешь добела; Черное от стирки не белеет; Черный орех и за три года добела не ототрешь* и другие.

3. Значение обобщенности, похожести: *Черная собака, белая собака, а все один пес / Собака бела, собака черна, а дух один; Неважно, черный кот или белый, но лишь до тех пор, пока он продолжает ловить мышей* и другие.

4. Значение ясности, четкости, определенности: *Черным по белому написано; Бело – бело, черно – черно* и другие.

5. Значение лжи, неправды: *Она языком и белит и чернит.*

6. Черный и белый выступают в своих прямых значениях как показатели цвета: *Красное солнышко на белом свете чёрную землю греет; Земелька чёрная, а белый хлебец родит; Чёрная земля белый хлеб даёт; Черны руки у хлебороба, да бел его хлеб; Апрель чёрен в поле, но в лесу еще бел.*

Оба цветоименования выступают в представленных пословицах и поговорках в следующем виде: полная форма прилагательного (*черная земля, белый хлеб, черная собака, белая собака* и другие); краткая форма прилагательного (*бела, черна, бел, черны*); глаголы, образованные от прилагательных суффиксальным способом (*белит, чернит, белится, чернится, белеет*); наречия, образованные от колоронима «белый» с помощью приставочно-суффиксального способа (*набело, добела*).

В заключение представим значения обеих цветолексем в виде Таблицы 3.

Таблица 3. Полисемия колоронимов «черный», «белый» в пословицах и поговорках русского и немецкого языков

Немецкий язык	Русский язык
1. Противопоставление светлого – темному, злого – доброму Выделение одного на фоне другого Несовместимость одного с другим	1. Противопоставление положительного – отрицательному, доброго - злему
2. Предпочтение одного другим	2. Значение бесполезности работы, пустой траты времени
3. Значение боли, скорби	3. Значение обобщенности, похожести
4. Значение стопроцентной уверенности, непоколебимости	4. Значение ясности, четкости, определенности
	5. Значение лжи, неправды
	6. Прямые значения, показатели цвета

4. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛОРОНИМОВ «БЕЛЫЙ», «ЧЕРНЫЙ» В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Проведенный семантический анализ по выявлению лексико-семантических вариантов цветообозначений «белый», «черный» в пословицах и поговорках русского и немецкого языков дает основания для сравнения полученных результатов.

Колороним «черный» имеет в паремиях обоих языков неодинаковое количество значений: в немецком – семь, в русском – пять. Три значения этого цвета полностью или частично, отличаясь лишь отдельными семами, совпадают в обоих языках. Но наполняемость групп паремиями на основе общности этих значений у данного цвета в рассматриваемых языках разная. В паремиях русского языка первое место отдано пословицам и поговоркам, в которых «черный» выступает как синоним трудностей, жизненных препятствий, преград и лишений. Это значение также характерно для колоронима «черный» в немецком языке, но в нем оно занимает лишь третье место, то есть это значение представлено в небольшом количестве паремий данного языка. А вот первое место по наполняемости группы имеет в немецком языке значение «черный» как синоним злого, подлого и коварного, в паремиях русского языка данное значение в свою очередь занимает лишь второе место. Три значения цвета «черный» в немецком языке не имеют аналогов в паремиях русского языка. Это прямое значение данного цвета, значение предела, крайности, значение бесполезности действия. Два ЛСВ «черного», зафиксированные в паремиях русского языка, отсутствуют в немецком. Это значения сравнения, противопоставления со светлым и «черный» как «нехороший, плохой».

Колоратив «белый» в пословицах и поговорках двух языков имеет разное количество значений. В паремиях русского языка их семь, а немецкого языка – всего четыре. Лишь два лексико-семантических варианта данной цветолексемы совпадают в обоих языках по формулировке, это «белый» в значении лучшего, приятного, светлого (в обоих языках это значение занимает первую позицию) и «белый» как синоним выделяемости, непохожести и обособленности от остальных. Позиция последнего значения в рассматриваемых языках разная: в немецком – это вторая, в русском только пятая. Два других значения «белого» (как «седой, старый, но не мудрый» и значение главенства, превосходства над остальными) есть

в пословицах и поговорках немецкого языка и отсутствуют в русском языке. Но в паремиях русского языка имеют место такие значения «белого», как синонимы «красивого», «лживого», «трудного» и обобщенное значение этого цвета.

Количество значений цветолексем «черный» и «белый» в пословицах и поговорках русского и немецкого языков также не совпадает, оно разное. В паремиях русского языка их шесть, немецкого языка – всего четыре. Лишь два лексико-семантических варианта имеют совпадения, это значение противопоставления, противоположностей, где «белое» – это положительное, доброе, светлое, а «черное» – отрицательное, злое и темное, и значение стопроцентной уверенности, ясности, четкости, определенности. Последнее имеет место только в одной найденной нами паремии немецкого языка, в русском языке их две. Два других значения цветолексем в немецком языке, а именно значение предпочтения одного перед другим, где «черный» является предпочтительным цветом, и значение скорби и боли также наличествуют только в единичном количестве паремий и отсутствуют в русском языке. В последнем еще четыре лексико-семантических варианта характерны для данных цветообозначений, это значение бесполезной работы, пустой траты времени; значение обобщенности, похужести; значение лжи, неправды и нейтральное значение этих цветолексем.

Сопоставление цветолексем «белый», «черный» на уровне плана выражения не столь разнообразно в обоих языках, хотя и имеет свои особенности. Преимущественным способом присутствия этих цветообозначений в пословицах и поговорках немецкого и русского языков является полная или краткая форма прилагательных. Также имеют место в отдельных паремиях обоих языков краткие формы сравнительной степени этой части речи (белее, чернее). В одной паремии русского языка цветолексема «белый» имеет уменьшительно-ласкательную форму «беленько». Кроме того, следует отметить, что было зафиксировано несколько случаев в паремиях немецкого языка, где рассматриваемые нами колоронимы входили в состав сложных слов, например, *der Weißdorn u Schwarzbrot*. В отдельных паремиях русского языка «белый» и «черный» выражались производными существительными, глаголами и наречиями, образованными от прилагательных суффиксальным и приставочно-суффиксальным способом, например, *белила, белит, чернит, белится, чернится, белеет, набело, добела*.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оба колоронима многозначны в паремиях немецкого и русского языков. В составе рассмотренных нами пословиц и поговорок обоих языков они насчитывают 33 ЛСВ, из которых совпадают 7 ЛСВ, а 26 ЛСВ не имеют аналогов в сопоставляемых языках. Эти значения уникальны и встречаются лишь в одном из языков. Большинство совпадающих значений выражают общепризнанные человеческие ценности, такие как добро, зло, красота, семья и другие. Они универсальны и характерны для любой народности, будь то русская или немецкая. Несовпадающие значения отражают чаще всего реалии, события и взгляды, относящиеся к конкретному, отдельно взятому русскому или немецкому менталитетам. Наибольшую представленность в немецком языке имеют пословицы и поговорки, где присутствует черный цвет или оба цвета – черный и белый вместе. Паремий с белым цветом немного в немецком языке. С чем это связано, можно только предполагать. Возможно, это напрямую зависело от жизни простого народа, в среде которых создавались и зарождались паремии.

Ее нельзя назвать легкой и «сахарной», чаще всего она была полна невзгод и трудностей. Пословицы и поговорки говорят об этом более ярко и красочно: «Andere Jahre, andere Haare» (*Иное время — иное бремя*), «Ohne Fleiß kein Preis» (*Без усердия не будет и награды*), «Nach Faulheit folgt Krankheit» (*За ленью следует болезнь*) и другие (Academic Dictionaries and Encyclopedias). Паремии немецкого языка по заключенному в них смыслу разнообразны. Они затрагивают семейные ценности, трудовую и правовую деятельность человека, показывают отношения людей к разным событиям, дают оценку плохих и хороших поступков и т.д. В русском народном эпосе число пословиц и поговорок с интересующими нас цветообозначениями значительно превышает их количество в немецком языке. Спектр выражаемых ими значений широк и разнопланов. Они описывают, в основном, бытовую жизнь простого народа, начиная от стирки, труда пекаря, скотника до бедности, беспросветности жизни вдов, снох, а также зависти и злости в межличностных семейных отношениях. Обе цветолексемы являются центрами глубокого смысла, выражая в цветовой гамме чувства, человеческие пороки, жизненные ценности, настроения, тяжелый труд людей, срывая маски с завистников и демонстрируя их истинное лицо.

Несомненной представляется практическая значимость проведенного исследования для совершенствования профессиональной коммуникации. Выявленные различия в полисемии колоронимов «белый» и «черный» в русском и немецком паремиологическом корпусах свидетельствуют о необходимости повышения межкультурной коммуникативной компетентности профессионалов, работающих в международной сфере. Обоснованной представляется рекомендация включать элементы лингвокультурного анализа (в том числе изучение пословиц и поговорок) в программы межкультурного обучения и тренингов для сотрудников международных компаний, дипломатов, переводчиков и специалистов, участвующих в международных проектах. Понимание культурно-специфичных коннотаций даже таких базовых понятий, как цвет, способствует более эффективной профессиональной коммуникации, уменьшая вероятность сбоев межличностного профессионального взаимодействия и укрепляя основы для успешного международного сотрудничества.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абжапарова М.Д. Восприятие цветообозначений в пословицах и поговорках казахского, татарского, алтайского, русского и английского народов // Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Междунар. науч. конф., г. Казань, 20-23 октября 2017 г. / под ред. Г.А. Кайновой, Е.И. Осяниной. Казань: Издательство «Бук», 2017. С.1-5.
2. Автайкина Н.П. Культурологические воззрения на цвет в Античности, Византии и Древней Руси // Вестник Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. 2006. № 1. С. 3–7.
3. Берлин Б., Кей П. Основные цвета. Их универсальность и видоизменения. Москва: Знание, 1969.

4. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. Москва: КомКнига, 2005.
5. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык, культура, познание / пер. с англ. М.А. Кронгауз. М.: Русское слово, 1996. С. 231-291. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm> (дата обращения: 02.02.2025).
6. Гордеева Н.В., Кузнецова С.В. Коннотация цветообозначения в пословицах германских языков (на примере английского и немецкого языков) // Современные исследования социальных проблем. 2020. Том 12. № 6. С. 37-48. doi:10.12731/2077-1770-2020-6-37-48
7. Дойникова М.И., Волина С.А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения schwarz (черный) в современном немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 185-191. Тамбов: Грамота. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.37>
8. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник. Москва: Гослитиздат, 1957.
9. Захаров В.П., Масевич А.Ц. Категоризация прилагательных цвета в русских поэтических текстах (корпусное исследование) // Труды Института русского языка имени В.В.Виноградова. 2019. № 21. С. 164-181. URL: <https://ruslang.ru/doc/trudy/vol21/9-zacharova.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).
10. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. М.: Издательство «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1978. С. 159–180.
11. Леонардо да Винчи. О свете и тени, цвете и красках // Суждения о науке и искусстве. СПб., 2008. С. 69-79.
12. Меметов А. Лексико-семантическая структура и фонетико-морфологические особенности цветочных прилагательных // Востоковедный сборник. 1997. Вып. 1. С. 153–163.
13. Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). М.: Кругъ, 2012.
14. Немецкие пословицы и поговорки [Электронный ресурс] // LingvoElf. URL: <https://lingvoelf.ru/useful-de/141-sprichwort> (дата обращения: 10.01.2025).
15. Немецкие пословицы [Электронный ресурс] // Немецкий язык онлайн. Изучение, уроки. 22 ноября, 2012. URL: <https://deutsch-sprechen.ru/немецкие-пословицы/> (дата обращения: 10.01.2025).
16. Ньютон И. Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света / пер.с 3-го англ. изд. 1721 г. с прим. С.И. Вавилова. М.: Гос. изд-во технико-теоретической лит-ры, 1954.
17. Потапова Н.А. Анализ понятий «пословица» и «поговорка» в современной лингвистике // Мир науки. Культуры, образования. 2016. № 6 (61). С. 43-47.
18. Пословицы и поговорки про цвет [Электронный ресурс] // Миллион статусов. 11.12.2017. URL: <https://millionstatusov.ru/poslovitsi/tsvet.html> (дата обращения: 10.01.2025).
19. Пословицы о цвете, красках, рисовании [Электронный ресурс] // Про пословицы. URL: <https://pro-poslovicy.ru/poslovicy-o-cvete-kraskah-risovanii/> (дата обращения: 10.01.2025).
20. Пословицы и поговорки со словом «белый» [Электронный ресурс] // Купидония. URL: <https://kupidonia.ru/poslovitsy/poslovitsy-i-pogovorki-so-slovom-belyj> (дата обращения: 10.01.2025).

21. Пословицы и поговорки со словом «черный» [Электронный ресурс] // Купидония. URL: <https://kupidonia.ru/poslovitsy/poslovitsy-i-pogovorki-so-slovom-chnyj> (дата обращения: 10.01.2025).
22. Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы. Ленинград: Просвещение, 1971.
23. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках: в 4 кн. Москва: Университетская типография, 1831 – 1834.
24. Тернер В. Символ и ритуал / пер. В.А. Бейлиса, И.М. Бакштейна. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.
25. Ушакова У.Д. Пословицы, поговорки и крылатые выражения. Санкт-Петербург: Издательский дом «ЛИТЕРА», 2004.
26. 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок: Учеб. пособие / Сост.: Г.П. Петлеванный, О.С. Малик [Электронный ресурс]. М.: Высшая школа, 1980. URL: https://imwerden.de/pdf/400_nemetskich_rifmovannykh_poslovits_i_pogovorok_1980__ocr.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
27. Чекулаева А.С. Базовые цветолексемы в западной и восточной традициях: теоретические основания их выделения // Вестник Полоцкого государственного университета. 2016. Серия А, №10. С.112 – 116.

СЛОВАРИ

1. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.
2. Немецко-русский словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс] // Сайт учителя физики и немецкого языка Шептикина Александра Сергеевича. URL: <https://sheptikin.paparod.ru/sprichwoerter/index.html> (дата обращения: 10.01.2025).
3. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород: Русский купец, 1996.
4. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.). URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 10.01.2025).
5. Энциклопедия народной мудрости / Составитель Воскобойников В. Санкт-Петербург: Респекс, 1997.
6. Academic Dictionaries and Encyclopedias [Электронный ресурс]. URL: <https://en-academic.com/> (дата обращения: 14.11.2019).

REFERENCES

1. Abzhaparova, M.D. (2017). Vospriyatie tsvetooboznachenii v poslovitsakh i pogovorkakh kazakhskogo, tatarskogo, altaiskogo, russkogo i angliiskogo narodov [Perception of color designations in proverbs and sayings of the Kazakh, Tatar, Altai, Russian and English peoples]. In G.A. Kaynova & E.I. Osyanina (Eds.), *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Relevant Issues of Philological Sciences]: proceedings of the V International scientific conference, 20-23 October 2017*, Kazan (pp.1-5). Kazan: «Buk» publisher (in Russian).
2. Avtaikina, N.P. (2006). Kul'turologicheskie vozzreniya na tsvet v Antichnosti, Vizantii i Drevnei Rusi [Culturological views on colour in Antiquity, Byzantine and Ancient Rus]. *Vestnik AltGTU im. I.I. Polzunova [Bulletin of Altai State Technical University named after I.I. Polzunov]*, 1, 3–7 (in Russian).
3. Berlin, B., & Kay, P. (1969). *Osnovnye tsveta: Ikh universal'nost' i vidoizmeneniya [Basic colour terms: Their Universality and Evolution]*. Moskva: Znanie, 1969 (in Russian).
4. Vasilevich, A.P., Kuznetsova, S.N., & Mishchenko, S.S. (2005). *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke [Colour and colour designation in the Russian language]*. Moscow: Kom Kniga (in Russian).
5. Wierzbicka, A. (1996). Oboznachenie tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya [Colour designation and universalities of visual perception]. In M.A. Krongauz (Trans.), *Yazyk, kul'tura, poznanie [Language, Culture, Cognition]* (pp. 231-291). Moscow: Russkoe slovo (in Russian). <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm>
6. Gordeeva, N.V., & Kuznetsova, S.V. (2020). Konnotatsiya tsvetooboznacheniya v poslovitsakh germanskikh yazykov (na primere angliiskogo i nemetskogo yazykov) [Connotation of Colour Designation in Germanic Languages Proverbs (as Based on English and German)]. *Modern Studies of Social Issues*, 12 (6), 37-48 (in Russian). doi:10.12731/2077-1770-2020-6-37-48
7. Doinikova, M.I., & Volina, S.A. (2020). Frazеologizmy s komponentom tsvetooboznacheniya schwarz (chernyi) v sovremennom nemetskom yazyke [Phraseological Units with the Component - Colour Term 'Schwarz' (Black) in the Modern German Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 13(1), 185-191. Tambov: Gramota (in Russian). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.37>
8. Dal', V.I. (1957). *Poslovitsy russkogo naroda: sbornik [Proverbs of the Russian people: collection]*. Moscow: Goslitizdat.
9. Zakharov, V.P., & Masevich, A.Ts. (2019). Kategorizatsiya prilagatel'nykh tsveta v russkikh poeticheskikh tekstakh (korpusnoe issledovanie) [Categorization of Adjectives of Color in the Russian Poetical Texts (A Corpus-Based Study)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V.V.Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]*, 21, 164-181 (in Russian). <https://ruslang.ru/doc/trudy/vol21/9-zacharova.pdf>
10. Kononov, A.N. (1978). Semantika tsvetooboznachenii v tyurkskikh yazykakh [Semantics of Color Designations in Turkic Languages]. *Tyurkologicheskii sbornik 1975 [Turkological collection 1975]* (pp. 159-180). Moscow: "Nauka" Publisher, Chief Editorial of Oriental Literature (in Russian).

11. Leonardo da Vinci. O svete i teni, tsvete i kraskakh [On light and shade, colour and colours]. In L. da Vinci, *Suzhdeniya o nauke i iskusstve [Discussion of science and art]* (pp. 69-79). Saint Petersburg (in Russian).

12. Memetov, A.M. (1997). Leksiko-semanticheskaya struktura i fonetiko-morfologicheskie osobennosti tsvetochnykh prilagatel'nykh [Lexical and semantic structure and phonetic and morphological features of colour adjectives]. *Vostokovednyi sbornik [Oriental collection]*, 1, 153–163 (in Russian).

13. Mesyats, S.V. (2012). Iogann Vol'fgang Gete i ego uchenie o tsvete (Chast pervaya) [Johann Wolfgang von Goethe and his research of colour. Part 1]. Moscow: Krug (in Russian).

14. LingvoElf. (n.d.). *Nemetskie poslovitsy i pogovorki [German proverbs and sayings]*. Retrieved January 10, 2025, from <https://lingvoelf.ru/useful-de/141-sprichwort>

15. Nemetskii yazyk onlain. Izuchenie, uroki [German Online. Learning, lessons]. (2012, November 22). *Nemetskie poslovitsy [German proverbs]*. <https://deutsch-sprechen.ru/немецкие-пословицы/>

16. Newton, I. (1954). *Optika ili traktat ob otrazheniyakh, prelomleniyakh, izgibaniyakh i tsvetakh sveta [Opticks: or, a Treatise of the Reflections, Refractions, Inflections and Colours of Light]* (S.I. Vavilova, Trans.). Moscow: Gos. izd-vo tekhniko-teoreticheskoi lit-ry [State publisher of technical-theoretical literature] (in Russian).

17. Potapova, N.A. (2016). Analiz ponyatii «poslovitsa» i «pogovorka» v sovremennoi lingvistike [The analysis of the notions of “a proverb” and “a saying” of the modern linguistics]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]*, 6 (61), 43-47 (in Russian).

18. Million statusov [One million statuses]. (n.d.). *Poslovitsy i pogovorki pro tsvet [Proverbs and sayings about colour]*. Retrieved January 10, 2025, from <https://millionstatusov.ru/poslovitsi/tsvet.htm>

19. Pro Poslovitsy [About Proverbs]. (2017, December 11). *Poslovitsy o tsvete, kraskakh, risovanii [Proverbs about colour, paints, drawing]*. <https://pro-poslovicy.ru/poslovicy-o-cvete-kraskax-risovanii/>

20. Kupidonia. (n.d.). *Poslovitsy i pogovorki so slovom “belyi” [Proverbs and sayings containing the word “white”]*. Retrieved January 10, 2025, from <https://kupidonia.ru/poslovitsy/poslovitsy-i-pogovorki-so-slovom-belyj>

21. Kupidonia. (n.d.). *Poslovitsy i pogovorki so slovom “chernyi” [Proverbs and sayings containing the word “black”]*. Retrieved January 10, 2025, from <https://kupidonia.ru/poslovitsy/poslovitsy-i-pogovorki-so-slovom-chernyj>

22. Raikhshtein, A.D. (1971). *Nemetskie ustoichivye frazy [German set phrases]*. Leningrad: Prosveshchenie (in Russian).

23. Snegirev, I.M. (1831-1834). *Russkie v svoikh poslovitsakh. Rassuzhdeniya i issledovaniya ob otechestvennykh poslovitsakh i pogovorkakh: v 4 kn. [Russians in their proverbs. Discussion and research of Russian proverbs and sayings: in 4 parts]*. Moscow: Universitetskaya tipografiya (in Russian).

24. Turner, V. (1983). *Simvol i ritual [Symbol and Ritual]* (V.A. Beilis, I.M. Bakstein, Trans.). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva “Nauka” [Chief editorial of Oriental literature “Science”] (in Russian).

25. Ushakova, U.D. (2004). *Poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya [Proverbs, sayings and idioms]*. Saint-Petersburg: Litera (in Russian).

26. Petlevanniy, G.P., & Malik, O.S. (1980). *400 nemetskikh rifmovannykh poslovits i pogovorok* [400 German rhyming proverbs and sayings]. Moscow: Vysshaya shkola [Higher school]. https://imwerden.de/pdf/400_nemetskikh_rifmovannykh_poslovits_i_pogovorok_1980__ocr.pdf
27. Chekulaeva, A.S. (2016). *Bazovye tsvetoleksemy v zapadnoi i vostochnoi traditsiyakh: teoreticheskie osnovaniya ikh vydeleniya* [Basic colour terms in Western and Eastern tradition: theoretical basis of their definition]. Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities, 10, 112 – 116 (in Russian).

DICTIONARIES

1. Matveeva, T.V. (2010). Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov [Comprehensive dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Fenix publisher (in Russian).
2. Sait uchitelya fiziki i nemetskogo yazyka Sheptikina Aleksandra Sergeevicha [Website of Sheptikin Alexander Sergeevich, a teacher of physics and German]. (n.d.). *Nemetsko-russkii slovar' poslovits i pogovorok* [German-Russian dictionary of proverbs and sayings]. Retrieved January 10, 2025, from <https://scheptikin.narod.ru/sprichwoerter/index.htm>
3. Snegirev, I.M. (1996). *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. Russkie v svoikh poslovitsakh* [Dictionary of Russian proverbs and sayings. Russians in their own proverbs]. Nizhny Novgorod: Russkii kupets (in Russian).
4. Ushakov, D.N. (Ed.). (1935-1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (4 t.)* [Defining dictionary of the Russian language (in 4 volumes)]. Moscow: State Institute "Soviet Encyclopedia"; OGIZ; State publisher of foreign and native words. https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117
5. Voskoboynikov, V. (1997). *Entsiklopediya narodnoi mudrosti* [Encyclopedia of wisdom]. Saint-Petersburg: Respeks.
6. Academic. (n.d.). *Academic Dictionaries and Encyclopedias*. Retrieved November 14, 2019, from <https://enacademic.com/>

Информация об авторе

Крупнова Наталия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культур Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал). ORCID: 0000-0001-7029-1809.

Получено: 21 января 2025 г.

Принято к публикации: 7 мая 2025 г.

POLYSEMY OF COLORONYMS “WHITE” AND “BLACK” IN PROVERBS AND SAYINGS OF THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Natalia A. Krupnova

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

(Arzamas, Russia)

krupnova.n.a@yandex.ru

Abstract. Given the growth of intercultural professional communication, a profound understanding of culture-specific connotations embedded in language, particularly in paremiological units that encapsulate folk wisdom and cultural attitudes, becomes crucial. Misinterpretation of such units, especially those involving color symbolism, can lead to significant communicative breakdowns in professional situations. This study investigates the polysemy of the coloratives “white” and “black” in Russian and German proverbs and sayings, highlighting its scientific novelty in its comparative aspect and in identifying potential areas of divergence in cultural perception. The aim is to determine and compare the meanings of these color lexemes at semantic and morphological levels. The empirical material comprises proverbs and sayings selected through continuous sampling from internet resources and lexicographical sources. Methods employed include semantic analysis, interpretation via synonym selection, grammatical analysis, and comparative analysis. The findings establish that the coloratives “white” and “black” are highly polysemous in the paremiological funds of both languages, constituting a total of 33 lexical-semantic variants (LSVs). Of these, only 7 LSVs show complete or partial coincidence (e.g., “white” as a synonym for the best, pleasant, light; or signifying distinctiveness). Conversely, 26 LSVs are unique to one language, reflecting ethnocultural specificity. For instance, Russian proverbs attribute meanings to “white” such as ‘difficult, overwhelming,’ ‘beautiful,’ or ‘outwardly beautiful but inwardly bad,’ which are not characteristic of German paremias. Morphologically, these coloratives are most frequently expressed as adjectives. The results, detailing convergences and divergences in the semantics of these color terms across the two linguacultures, hold direct relevance for professional communication. Understanding these differences is vital for preventing intercultural misunderstandings, enhancing the effectiveness of business negotiations, stimulating successful international collaborations, and optimizing foreign language training for professionals engaged in intercultural interaction.

Keywords: polysemy, coloratives, paremiology, Russian language, German language, comparative analysis, semantics.

How to cite this article: Krupnova, N.A. (2025). Polysemy of Coloronyms “White” and “Black” in Proverbs and Sayings of the Russian and German Languages. *Professional Discourse & Communication*, 7(2), 93–112 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-2-93-112>

About the author

Natalia A. Krupnova, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the Department of Foreign Languages and Cultures of Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Arzamas Branch (Arzamas, Russia). ORCID: 0000-0001-7029-1809.

Received: January 21, 2025.

Accepted: May 7, 2025.